

Александр Дмитриевич Апраксин

Три плута



Александр Апраксин

Три плута

«Public Domain»

1915

Апраксин А. Д.

Три плута / А. Д. Апраксин — «Public Domain», 1915

«Иван Павлович Смирнин занимал маленькую скромную должность помощника бухгалтера в одном из крупных банков. Тянул он свою ляжку, как и большинство его товарищей, изо дня в день, от одного первого числа до другого; жалованья ему полагалось около восьмидесяти рублей в месяц. Однако в то время как большинство его благоразумных товарищей помнило поговорку: „По одежке протягивай ножки“, – он никогда не умел сводить концы с концами, да еще злобствовал на жестокость судьбы и требовал, чтобы она подчинялась его воле, а не он – общему порядку вещей...»

© Апраксин А. Д., 1915

© Public Domain, 1915

Содержание

I. Первый соблазн	5
II. В капкане	10
III. Третий плут	15
IV. Ольга Николаевна	18
V. Злоба и месть	23
VI. Ранний визит	27
VII. У прокурора	31
VIII. Допрос	35
IX. Перед делом	43
X. Удача	50
XI. Раздел	54
XII. Союз	62
XIII. Новая жизнь	69
XIV. Гром грянул	81
XV. Наглость Мустафетова	88
XVI. Прощанье Рогова	93
XVII. Полезное знакомство	102
XVIII. В Вене	109
XIX. По заслугам	120

Александр Дмитриевич Апраксин

Три плута

Роман из столичной уголовной хроники

І. Первый соблазн

Иван Павлович Смирнин занимал маленькую скромную должность помощника бухгалтера в одном из крупных банков. Тянул он свою ляжку, как и большинство его товарищей, изо дня в день, от одного первого числа до другого; жалованья ему полагалось около восьмидесяти рублей в месяц. Однако в то время как большинство его благоразумных товарищей помнило поговорку: «По одежке протягивай ножки», – он никогда не умел сводить концы с концами, да еще злобствовал на жестокость судьбы и требовал, чтобы она подчинялась его воле, а не он – общему порядку вещей.

Завистливая досада Смирнина разжигалась ежедневно перебиранием на его глазах целых кип процентных бумаг, так как он служил в отделении приема вкладов на хранение известного банка «Валюта». Здесь сдавались на хранение акции, облигации, закладные листы, серии и всякие такие бумаги, с которых обладатели их стригут купоны. Вороха этих ценностей переносилась от одной конторки к другой, и все служащие обращались с ними столь свободно, будто это были стопы газетной или оберточной бумаги. Все здесь привыкли к этим листам, как прохожий привык к богатствам столицы, которых с улицы с собой не возьмешь, и каждый забывал ценность, представляемую этими бумагами, а смотрел на все это именно как на бумагу, на товар.

Смирнин никак не мог добиться в себе этого равнодушия. Чем значительнее бывали суммы, проходившие через его руки, тем более злился он на свое неумение соразмерять желания и потребности с получаемым за труд вознаграждением.

Ему случалось перебрать разных процентных листов, акций и облигаций на сумму до двухсот или трехсот тысяч рублей и тотчас вслед за тем самому подойти к одному из товарищей с просьбою:

– Выручи, голубчик, одолжи до первого хоть три целковых!

Он давным-давно задолжал на службе всем, у кого только можно было перехватить. Между прочим, в отделе вкладов был вахтер-процентщик, и ему Иван Павлович с месяца на месяц переписывал вексель, а из ссудо-сберегательной кассы забрал большую долю того, сколько могли выдать ему за двумя поручительствами.

Однако о том, чтобы работать усиленно, приискать *себе* вечерние занятия, Смирнин не думал. Он рассчитывал на случай и ждал такового. Ему казалось, что должна же когда-нибудь измениться к лучшему его участь и свершится наконец чудо.

Однажды в марте, получив за всеми вычетами на руки не восемьдесят с чем-то, а всего двадцать шесть рублей, Иван Павлович со вздохом сокрушения вскинул на ладони эти монеты и подумал: «Ну, разве хватит этого на все нужды?»

И в самом деле: за квартиру и стол с него ждали тридцать два рубля; прислуге в меблированной комнате он тоже задолжал, не только за исполнение ее прямых обязанностей, но еще и за покупку ему булок к чаю и за фунт свечей. Прачке он уже второй месяц оттягивал платеж. Дома, стало быть, его все ждали. Если он принесет деньги, все приятно улыбнется ему; если же нет – его выселят с бранью и вполне заслуженными посулами.

«И какие нынче все нахалы! – думал он. – Никто ни в чье положенье войти не желает! Никому нет дела, до чего мне трудно! Каждый думает только о самом себе!»

Подобная философия живехонько довела Смирнина до отчаянного решения:

– Да я с ними так же поступлю! Очень мне нужно еще голову ломать! Скажу, что ничего не получил, а завтра возьму свои пожитки, дам в другом месте задаток и съеду. Закон не позволяет силою удерживать вещи первой необходимости. Я эти порядки хорошо изучил.

Выйдя по окончании служебных занятий, в начале шестого часа вечера, на улицу, он сел на извозчика и скомандовал:

– К Полицейскому мосту!

Смирнин любил ресторан, прислужничество подобострастных официантов, пенное пиво, прямо разливаемое из бочонка. Он избрал себе такое убежище, где все это можно было иметь, и заглядывал туда почти всякий раз, когда был при деньгах. В избранном им ресторане жизнь, в особенности днем, кипит с шумом, поспешностью и быстротою, напоминающими большой железнодорожный вокзал во время остановки поезда. Суэта тут усиливается до головокращения от двенадцати до двух часов пополудни и вечером после театров. Зато около пяти-шести часов вечера обедающих не слишком много. Клиенты этого заведения – все больше иностранцы, немцы и евреи, притворяющиеся немцами, а иногда англичанами или американцами. Речь тут слышится тоже больше иностранная, с гнусавым или гортанным произношением, с картавостью или шепелявостью. Народ там от полудня до двух часов собирается коммерчески-деловой, конторский, из всяких гешефтмахерских контор, из обществ, страхующих жизнь, из числа биржевых мелких зайчат, еще не добравшихся до первоклассных ресторанов Кюба, Донона и Контана или Пивато, но уже ушедших от закусывания стоя перед прилавком Доминика. Лакеи, запыхавшись, с лицами, мокрыми от струящегося пота, и с глазами, вылезавшими из орбит, так и мечутся из стороны в сторону, исполняя получаемые приказания. Поминутно слышатся оклики, требования, стук ножом о тарелку или об опустевшую пивную кружку.

Смирнин явился во время затишья. Он прошел к окну и занял столик, спросив официанта:

– Ну, что у вас к обеду?

Однако меню не соблазнило его: как назло, было два блюда, которых он не любил, – солонина и курица.

– Ну, это все не то, – сказал он официанту, – закажи-ка мне лучше порцию холодной лосося с провансалем и хороший венский шницель, да пива бокал подай сейчас светлого и два бутерброда: один – с паюсной икрой, другой – с языком.

– Сию минуту-с.

Затем все пошло своим чередом: голодный Смирнин набросился на бутерброды и мигом уничтожил их, так что поданных двух не хватило и потребовались другие. Но он нарочно заказал себе первое блюдо холодное, чтобы не долго ждать, и, когда ему подали рыбу, даже улыбнулся от радости аппетитному розовому куску рыбы. Смешанная с гарниром и провансалем лососина оказалась превкусною, и была опрокинута вторая кружка светлого пива. Стало разом очень весело, и все горести хоть временно позабылись.

Вдруг кто-то подошел к нему и протянул ему руку. Иван Павлович поднял глаза и, увидев перед собою знакомого франта из «восточных» людей, очень обрадовался ему.

– А, Назар Назарович! – весело сказал он, здороваясь с подошедшим. – И вы сюда зачастили?

– Бонжур! – ответил Мустафетов, армянин, и пояснил: – Наш брат везде ходит, нашему брату везде надо быть. А место у вас за столом свободно?

– Как видите. Садитесь!

– Ну, что вы кушали, Иван Павлович, и вкусно ли вам подавали или нет? – спросил Мустафетов.

– Ничего, недурно; я ел лосося, а на второе заказал себе венский шницель.

– А я себе спрошу тарелку супа, шашлык с рисом, побольше только риса, и полбутылки кахетинского красного, которое я у вас тут же пивал, – сказал Мустафетов официанту.

Смирнин смотрел на него с завистью и думал: «Вот этого человека я никак не разберу: всегда в экипажах, всегда с красавицами в ложах, на скачках, всегда с туго набитым бумажником; в компании может тысячу рублей выкинуть за каприз, а в одиночку сплошь да рядом рублевым обедом довольствуется; одевается у лучших портных, вещи носит все настоящие, дорогие, а между тем чувствует мое сердце, что он – плут. Хоть бы научил меня, право, своему искусству!»

Мустафетов, заказав себе обед, обернулся к Смирнину и спросил его в упор:

– Как дела в вашем банке «Валюта»?

– Вот если бы вы спросили, как мои личные дела, то это было бы понятно, – поправил его Иван Павлович, – а то дела банка «Валюта»! Да там все новые кладовые строят: места для вкладов в старых не хватает.

– А еще говорят, что в России денег нет и достать их негде! – с пренебрежением проговорил на это Мустафетов.

– Достать действительно мудрено.

– А вам хотелось бы?

– Понятно, хотелось бы!

– Дело легче, чем вы думаете, Иван Павлович; только не стоит из-за пустяков мараться: надо полмиллиончика раздобыть и поделить между собой.

Смирнин выпятил глаза, а Мустафетов спокойно вытер ложку салфеткой и налил себе из мисочки в тарелку суп, после чего самым безмятежным образом стал есть.

Он ел свой горячий суп и молчал, чем приводил в немалое смущение Смирнина, даже испугавшегося от мысли раздобыть полмиллиончика. Наконец Иван Павлович решился спросить:

– Вы что же, пошутили?

– Нет, – спокойно ответил Назар Назарович, – я очень серьезно и давно подумываю о вас. Только здесь не время и не место распространяться об этом. – Он вздохнул, поглядел в окно на оживленное движение Невского проспекта и сказал как ни в чем не бывало: – Хорошая пора наступает: весна идет, все оживает, пробуждается. Даже и в Петербурге выдаются хорошенькие деньки, хотя у нас здесь это непрочно. Поэтому-то вот всякий, кто может, покончив счеты с зимним сезоном, спешит на юг России, в благодатный Крым, или за границу ловить настоящую весну.

Смирнин на это лишь скорбно заметил:

– А я еще никогда нигде не был, кроме Петербурга и Москвы.

– Неужели? – удивился Мустафетов. – Впрочем, ведь и я еще не бывал за границей. Да меня и не тянет: я люблю Россию, почти не знаю иностранных языков... Ну, а вот вы-то с вашим образованием!..

– Я не только нигде не был, но мне и вообще навряд ли суждено когда-либо дожидаться в жизни счастья.

– Почему?

– Да средств своих нет никаких; добрые родители сами догадались все прожить и в долгах умереть, а с неба денежки не валятся... Наследства в виду тоже не имеется.

Мустафетов вперил взор в лицо собеседника, точно изучая его черты, и, видимо, обдумывал свое. Но ему подали шашлык с рисом, и он обратил все внимание на второе блюдо своего несложного обеда. Так же, как и с супом, он обходился и с этим спокойно и, лишь когда все доел, проговорил:

– Да, действительно, с неба капиталы к вам на колена не свалятся. Но если вы сами твердо знаете это и все-таки продолжаете желать очень больших денег, то нельзя же тратить время попусту, сидеть сложа руки и только охать да вздыхать. Это ведь получается по системе перзрелой девицы, ожидающей суженого.

Смирнин кисленько улыбнулся и прежним удрученным голосом спросил:

– Но что же делать прикажете?

Армянин помолчал и неожиданно спросил:

– Скажите, пожалуйста, Иван Павлович, какую должность занимаете вы в банке «Валюта»?

– Помощника бухгалтера.

– Так-с, так-с! Помню, вы уже раз говорили это мне. И, если не ошибаюсь, вы состоите одним из помощников бухгалтера в отделении приема вкладов на хранение?

– Совершенно верно, Назар Назарович!

– Вы рассказывали, что на вашей обязанности лежит записывание приносимых вкладов в особую квитанционную книгу. Так ведь? Ваши занятия в этом отношении не изменились еще?

– Все так, все по-прежнему.

– Что ж, это отлично!

– Почему же отлично? По-моему, тоска убийственная и досада вечная от перечня чужих богатств!

– А что же, разве большие богатства через ваши руки проходят?

– Бывают огромные! Сотни тысяч, случается, по одной квитанции вносятся одним лицом.

– Почему же вы говорите это таким удрученным голосом? – с иронической усмешкой спросил Мустафетов. – Мне кажется, чем больше сумма отдельной квитанции, тем лучше.

– Да, лучше для вкладчика, но мне-то какая от этого польза или какое удовольствие? Одно только подтверждается – собственное бессилие рядом с этим правом на все житейские радости.

– А вам очень хочется денег? – спросил вдруг Мустафетов, не спуская взгляда своих черных глаз со Смирнина.

– Как же не хотеть! До смерти хочется! Так хочется, что иной раз я даже думаю: не лучше ли убить себя? Хоть всем мучениям конец!

– Ну, это – чепуха, это вы из головы раз навсегда выкиньте! Человек, которому в голову такая чушь лезет, неизлечимо болен, и в его распоряжении только два выхода: либо своего добиться, либо и впрямь все прервать, даже жизнь, постылю без удовлетворения главного желания. Но так как я против самоубийства вообще, считаю его и грехом, и подлостью, то остается спасти вас деньгами. Знаете, молодой человек, чего вам, собственно, недостает для достижения желанной цели? Только инициативы и энергии. Решитесь хоть у меня позаимствовать и того, и другого, тогда добьетесь лучшего.

– Все это столь же соблазнительно, сколь и загадочно. Объяснитесь, пожалуйста, определеннее, а то я ничего не понимаю.

– Непременно объяснюсь, только не здесь. Вы кончили, и я покончил; давайте рассчитаемся да пойдем, – предложил Мустафетов и, когда все было исполнено, уже на улице продолжил: – Ко мне ведь близехонько, на Конюшенную. Я и лошадей своих отпустил, чтобы после обеда пешком пройтись. А скажите, Иван Павлович, вы не припомните, какая самая крупная сумма вклада принята вами на хранение в течение последних двух месяцев?

– Прекрасно помню, Назар Назарович: полмиллиона рублей, состоящие целиком из четырехпроцентной государственной ренты.

– Бумага хорошая, – одобрительно усмехнулся Мустафетов. – Вот мы сейчас дойдем и до моей хаты, а там я вам сделаю, быть может, одно подходящее предложение.

Иван Павлович с боязливым любопытством молча следовал за Мустафетовым, но у подъезда уже не мог более совладать с собою и спросил:

– Вы в самом деле затеиваете что-нибудь серьезное, Назар Назарович?

– Делами я никогда не шучу, да, полагаю, и вам не до шуток, – строго ответил на это Мустафетов. Затем, обращаясь к швейцару, распорядился: – Пока этот барин у меня, никого не

пускать; всем говори, что я уехал; конечно, кроме Ольги Николаевны. Ну-с, прошу покорно! – обратился он опять к Смирнину.

Но и в своей «хате», которая оказалась роскошно убранной квартирой, Мустафетов не сразу приступил к пояснениям, а приказал слуге подать чаю.

Смирнин сидел как на угольях.

– Успокойтесь, – обратился к нему Мустафетов, заметив это чрезвычайное волнение, – мое дело от вас не уйдет; от вас зависит последнее слово, быть ему или не быть.

Слуга поставил на стол множество самых разнообразных сластей, до которых Мустафетов был великий охотник, подал чай и удалился.

– Вам покрепче или средний? – спросил гостя Назар Назарович, наливая чашку.

Смирнину было решительно все равно. Разве это теперь могло интересовать его? Но, чтобы ответить хоть что-нибудь, он рассеянно проговорил:

– Средний, пожалуйста.

Мустафетов, методично продолжая свои хозяйские обязанности, передал гостю чашку, пододвинул к нему некоторые коробочки со сладостями, затем позаботился о самом себе и лишь тогда спросил:

– Квитанционные книги, стало быть, постоянно бывают в ваших руках, Иван Павлович?

– Постоянно. Но в чем суть?

– Вы все еще не догадываетесь?

– Как же я могу догадаться?

– Странно! Я, кажется, давно догадался бы. Дело очень просто! Я хочу предложить вам следующего рода небезвыгодную комбинацию: этот вклад четырехпроцентной государственной ренты на полмиллиона, который вы сравнительно недавно вписывали в книгу, надо будет нам получить.

Смирнин побледнел – до того стало ему жутко и холодно от охватившей его разом лихорадочной дрожи.

II. В капкане

Мустафетов, заметив силу произведенного на гостя впечатления, постарался вывести его из состояния столбняка. Он достал из внутреннего бокового кармана сюртука бумажник и стал рыться в нем так, что собеседнику сразу бросились в глаза пачки крупных сторублевых кредиток. От этого зрелища Иван Павлович только завистливо вздохнул. Не обращая внимания на это, Мустафетов разложил на столе хорошо знакомый Смирнину большой лист бумаги с крупно отпечатанными наверху словами «Вкладная квитанция» и спросил:

– Мне хотелось бы знать, Иван Павлович, такие ли квитанции выдаются у вас в банке «Валюта» на любые суммы, даже и на полумиллионные?

– Все из одних книг, хотя бы вклад был на целый миллион или на два, – ответил Смирнин.

– Так что вот этот номер наверху, означающий порядок страницы по книге, лицом, вписывающим вклад в книгу, всегда ставится от руки? Не правда ли?

– Да, всегда от руки. У нас квитанционные листы потому не пронумерованы печатно, что при записи легко может произойти ошибка, и тогда пришлось бы выдавать квитанции с пометками, что, конечно, нельзя допустить; зато при отсутствии номера мы просто уничтожаем испорченный лист и выдаем новый.

– Отлично-с! Ну, а книги у вас в банке не подразделяются по суммам вклада? Нет ли у вас, например, одних книг на сотни, других на тысячи, третьих на десятки тысяч, а там уже на сотни, что ли, тысяч?

– Книг у нас, конечно, много, и каждая из них под литерой, – пояснил Смирнин. – Вот и на вашей вкладной квитанции под номером значится литера «К»; это означает: ищи в книге «К», а номер является номером порядковой страницы. Но так как мы записываем иногда одновременно за несколькими столами вклады нескольких лиц, то каждый из служащих нашего отделения берет для записи первую попавшуюся под руку свободную квитанционную книгу. Вследствие этого вы можете найти в каждой отдельной книге записи самых разнообразных сумм: сто рублей рядом с миллионом.

– Отлично-с! – еще раз одобрил Мустафетов. – Ну-с, слушайте меня теперь внимательно и будьте со мною откровенны. Из всего, что я уже знаю от вас, я вижу, что вам надоела жизнь мелкого банковского служащего с лишениями и неудовлетворенными желаниями. Вы хотели бы разбогатеть деньгами, но боитесь ответственности; не то ведь не нравственные же принципы уважения чужой собственности удерживали бы вас на трудовом поприще?

Смирнин конфузливо молчал.

– Напрасно, батенька, стесняетесь со мною! Вы имеете дело с человеком, который осуждать вас не станет. У меня взгляды на нашу современную жизнь более практичные, нежели моральные, и я горжусь тем, что открыто признаю это пред вами. Когда у человека нет ни охоты, ни умения трудиться, а есть только желание наслаждаться, пользоваться благами мира, – ему остается завоевать себе эти радости смелостью и умом.

– Довольно мудрено.

– Конечно! Оттого-то и мало удальцов вообще, да и среди них мало удачников, потому что действовать только храбростью недостаточно, а требуются огромное соображение и даже осторожность, и знаете – почему? Осторожность необходима для предотвращения опасности, отвага же нужна для исполнения задуманного. Но сейчас дело не в том. Скажите мне лучше: какую сумму желали бы вы иметь, чтобы стать раз навсегда на ноги?

– То есть как? Не понимаю.

– Очень просто! Если бы сегодня, например, я сказал вам: «Я нашел средство спасти вас от прозябания на восьмидесятирублевом жалованье в банке и жду только, чтобы вы сами

определили, сколько вам для этого нужно?», – что бы вы ответили мне? Прошу заметить, что спасение я понимаю без малейшего с вашей стороны риска.

– Чтобы иначе направить всю мою жизнь, – с тоскою в голосе сказал Смирнин, – мне кажется, на первое время было бы достаточно тысяч десять, пятнадцать.

– Немного! Ну, а что бы вы затеяли, получив эту сумму?

– Прежде всего я заплатил мои долги; их у меня наберется около тысячи рублей. Потом я отлично оделся бы. Жил бы я не в комнате, а нанял бы себе и отделал бы свою собственную хорошенькую, уютную квартирку. Дотом я завел бы знакомства получше, приглашал бы к себе иногда на винт и на закуску начальника нашего отделения вкладов; может быть, даже мне удалось бы войти в дом к кому-нибудь из наших директоров. Меня все полюбили бы; я бы всех роскошно принимал у себя. А покушать-то да попить вкусненько, кто не охотник? Вот бы меня и повышали да повышали в должности!

– Скромные же ваши желания! А я на все эти мечты скучающего помощника бухгалтера скажу вот что. При самых экономных условиях вы свои денежки прожили бы через два-три года и, как бы вас ни полюбили ваши начальники, вы в это время могли бы получить повышение должности рублей на двадцать пять в месяц и через три года были бы опять в таком же положении, как сейчас. По-моему, это не дело.

– А как же по-вашему?

– Вот по-моему-то и нужна смелость! – внушительно ответил на это Мустафетов. – Смелость требуется завоевателю, даже в помыслах, даже в мечтах, то есть прежде всего – в пожеланиях. Пожелайте себе сразу полтораста-двести тысяч – это я еще понимаю: на такую сумму действительно можно поправиться.

– Эх, Назар Назарович, да ни двухсот, ни десяти, ни пятнадцати тысяч я нигде не достану; украсть же у нас в банке, во-первых, нет физической возможности, а во-вторых, попадешься – и еще хуже после будет.

– Зачем красть? Что за отсталый, устарелый и некрасивый прием! Да и зачем же попадаться? Все это лишнее. В данную минуту я только настаиваю на том, что уж если решаться брать, то лучше столько, сколько нужно для полного своего обеспечения.

– И двести тысяч прожить можно! – с явным недоверием заметил Смирнин.

– Прожить можно и миллионы! – ответил на это Мустафетов. – Но двести тысяч я, по крайней мере, считаю за сумму, которая действительно поможет человеку подняться. Молодой человек, как вы, может много пыли в глаза пустить с такими деньгами. Тогда нетрудно будет пробраться в круг очень богатых людей и подцепить себе хорошую невесту... с вашей заманчивой наружностью да в ваши молодые годы можно такую партию, а затем такую карьеру себе составить, что все директора «Валюты» и сам председатель банка станут вам завидовать.

Смирнин смотрел на Мустафетова, как полудикий простак смотрит на чарующего его кудесника-факира; его глаза искрились, и от соблазна заманчивого будущего у него начало сосать под ложечкой. Наконец он сказал:

– Все мечты, пустые мечты!

– Нет-с, не мечты, а самая настоящая действительность. Захотите – и все у вас будет! Я вам за это ручаюсь. Только сумейте точно и спокойно исполнить одно мое поручение. Больше от вас ничего не потребуется.

– Какое же поручение, Назар Назарович?

– Подождите. Прежде всего я должен разъяснить вам полнейшую для вас безопасность придуманного плана атаки на банк «Валюта». В моем предприятии должно быть три участника: вы, я и еще один молодчиниче – главный исполнитель. Если даже он попадется, то это – такой человек, что скорее умрет, нежели выдаст нас.

– Да в чем же суть?

– К вам у меня два поручения. Во-первых: принесете мне сюда подробную выписку из квитанционной книги того вклада на полмиллиона, о котором вы говорили. Ведь по дубликату в книге вы легко найдете это?

– Положим, найду. А потом?

– А потом вам надо вырезать из квитанционной книги один чистый лист и тоже принести мне сюда.

– Это опасно.

– Стало быть, будьте осторожны, – заметил Мустафетов. – Но имейте в виду, что больше никакого вмешательства в исполнение моего проекта от вас не потребуется, а за такие пустяшные две услуги вы получите около двухсот тысяч рублей в полную свою собственность. И на вас никак подозрение даже упасть не может, вы будете в стороне.

– Что же вы предпринимаете? – спросил, опять трясаясь от страха, Смирнин.

– Вы еще не поняли? Странно. Я предпринимаю самое простое и, несомненно, верное дело. Но не хотите ли еще чашечку чая? Чай у меня идеальный: я сам любитель! – предложил Мустафетов своему взволнованному гостю.

– Нет, благодарю.

– Ну, как угодно. Итак, вы все еще не догадались, в чем состоит мой план? Я хочу получить из банка этот заманчивый вклад государственной ренты на пол-миллиончика и разделить самым добросовестным образом сумму на три доли: одну – вам за чистый лист квитанционной книги и выписку вклада, другую – мне, а третью – тому смельчаку, руками которого мы с вами чужой жар загребем.

– Но как же это?

– Гораздо проще, нежели вы думаете. Впрочем, осуществление моего замысла не должно вас заботить. Ваше дело и просто, и ясно: я жду от вас точную выписку на простом клочке, хотя бы почтовой, бумаги, даже карандашиком, и чистый квитанционный лист. Остальное устроится само собою. И заметьте еще вот что: не больше как через неделю дело будет окончено, вклад получен и вы положите себе в карман, или, правильнее сказать, в особый портфель, ни более ни менее как третью часть этого почтенного вклада, что составит свыше ста шестидесяти тысяч рублей чисто ганчиком. Надеюсь, эта перспектива достаточно заманчива?

– А если мы попадемся?

– До получения денег ни в каком случае! Скажу вам даже больше: ни вы, ни я никогда в подозрении быть не можем. Мною все вперед обдуманно, и рискует один человек. Но это такая голова, такое сокровище, что он откуда хотите выйдет сухим из воды: неустрашим и находчив, как сатана. Впрочем, я познакомлю вас с ним. Приезжайте ко мне завтра прямо со службы, привезите то, что я вам сказал, и тогда я еще кое-что открою. Кстати, мы здесь и пообедаем.

– Все это хорошо и соблазнительно, но меня все же беспокоит опасность дела, – неуверенным тоном заметил Смирнин.

– А если я говорю вам, что опасности никакой нет? Разве вы не сумеете вырезать из книги лист так, чтобы никто не увидел? Разве потом кто-либо во всем мире сможет доказать, что именно вы вырвали и передали на сторону эту страницу? Я же дам вам самую полную гарантию вашей личной безопасности. Ту выписку, которую вы завтра принесете сюда, наш третий компаньон при вас же спишет, а вы свой клочок бумаги можете по выходе из этой квартиры уничтожить, сжечь. Во всяком случае, могу уверить вас еще раз, что ни вам, ни мне решительно никакой опасности не предстоит даже при неудаче замысла.

– Это все легко говорить!

– И очень легко понять! Ну, допустим самое скверное, а именно, что наш компаньон попадется. Ведь вы-то тут при чем? Какие данные, что именно вы, а не кто другой, вырвал из книги и отдал ему этот квитанционный лист? Знать вы ничего не знаете и ведать ничего не ведаете! Вы будете продолжать ходить на службу да посиживать за своим столом от десяти до

пяти часов и спокойно ожидать, пока я не скажу вам: «Готово!» Тогда милости просим за получением вашей доли! Сумма-то, батенька мой, какая! Я вам опять-таки повторяю: вот поправка на всю вашу жизнь! Положитесь смело на меня и действуйте, только спокойно, хладнокровно, безбоязненно. Ну, подумайте хорошенько: разве весело постоянно нуждаться?

– Хорошего мало! – вздохнул Иван Павлович.

– Ну, вот то-то же и есть! Вот вам небось и портной кредита не оказывает, и часов при вас нет, и портсигарчик у вас сомнительного качества, а не настоящий, украшенный драгоценными вензелями друзей, искренне почитающих вас. Чувствуете вы себя, наверное, всегда стесненным, точно пристыженный или приниженный. За какой-нибудь пустяк, за грошовый долг, уплатить который вы и в самом деле не можете, вам говорят дерзости, с вами обращаются грубо, как с преступником. Квартирные хозяйки смотрят на вас, как на вора; прислуга дерзит вам! Ну, а имейте вы деньги, да еще большие, – всюду вам почет, уважение; наперебой все стараются угодить вам: с ваших уст жадно ловят всякое ваше слово; женщины начинают замечать только ваши достоинства, не видя недостатков: вас они находят и красивым, и умным, и щедрым, и великодушным. Эх, батенька мой! Берите-ка с меня пример! Я вот всю жизнь живу такими разными делами. Всю Россию я изездил, во всех наших курортах перебивал, каждый порядочный город изучил, денег на своем веку уйму прожил, но никогда ни от кого наследств не получал. И что же? Как сами изволите видеть, я ни в чем никогда не попадался, а живу самому себе в удовольствие и добрым знакомым в поучение. Неужели же вы полагаете, что я избрал вас для вашей и своей собственной гибели? Да если вы попадетесь, так меня, конечно, беречь не станете, а с головой выдадите. Эх вы!

Последние слова более всего убедили Смирнина, и он сказал уже уступчивее:

– Понятно, какой же вам расчет меня в петлю втравливать да самому со мною в уголовное дело впутываться?

– То-то и есть! Вы, стало быть, соглашаетесь? Давно бы так!

– Рискну, попробую! – Смирнин встал из-за чайного стола, прошелся по столовой и потом, остановившись в другом конце комнаты, сказал: – Уж очень тяжело мне живется! Никакого просвета нет! Запутался я в мелких долгах и выхода не вижу. Помилуйте! Сегодня вот при выдаче жалованья вместо восьмидесяти четырех рублей, причитающихся мне по штату, получил всего двадцать шесть, из которых около четырех в ресторане сейчас проел. Хоть домой не показывайся! Пойдут опять скандалы, истории с хозяйкой, придется на другую квартиру бежать, задаток сунуть да снова обманом тянуть со дня на день все ту же отвратительную ляжку. До чего мне все это опротивело, вы себе и представить не можете!

– Не скажите! Отлично могу, – и, точно в доказательство последних слов, Мустафетов достал из внутреннего кармана сюртука бумажник и, вынув в него сторублевый кредитный билет, с улыбкою на устах сказал: – Очень даже ясно могу представить себе особую неприятность вашего положения и в доказательство своего сочувствия к вам прошу принять от меня сей портретец императрицы Екатерины Великой.

– Помилуйте, Назар Назарович...

– Нет, уж со мною не стесняйтесь; я если даю, так берите. Имейте в виду, что я тогда только даю такие суммы, когда вполне уверен в успехе дела. В этом я ручаюсь, а в вас отныне верю, как в себя.

– В таком случае принимаю и сердечно благодарю! – ответил Иван Павлович, просияв от радости, и, немного помолчав и подумав, спросил: – Так вы советуете мне завтра же без дальнейших размышлений доставить вам выписку из книги и чистый квитанционный бланк?

Он так произнес теперь этот вопрос, что Мустафетов сразу распознал в тоне его голоса как бы повторение обещания, только что данного пред тем, и, тоже встав, протянул руку:

– Считаю дело между нами решенным. А теперь поезжайте, развлекайтесь; если хотите, кутите даже, но пока слегка, и помните, что вы на рубеже новой жизни. Через неделю подобные

сотенные бумажки будут вам уже нипочем. А мне теперь надо еще кое-чем подзаняться. Жду вас завтра, вскоре после пяти, прямо из банка, ко мне обедать.

Они расстались, по-видимому весьма довольные друг другом.

Мустафетов, входя в свой роскошный кабинет, думал: «Давно слежу за тобой, голубчик! И ведь как верно разгадал тебя: ленив, глуп, прожорлив, бесхарактерен; стало быть, на все способен, кроме упорного труда, а такого именно в данном случае и нужно».

Но вдруг его взоры перестали скользить с предмета на предмет и остановились на портрете молодой женщины или девушки, висевшем над письменным столом.

Это был портрет Ольги Николаевны, относительно которой он дал исключительные указания своему швейцару, когда вернулся к себе со Смирниным из ресторана. Он подумал немного, взглянул на часы и позвонил. Немедленно явился слуга и остановился на пороге кабинета.

– Сбегай к Роману Егоровичу, – приказал ему Мустафетов, – и попроси его немедленно ко мне по важному делу. Да еще раз подтверди внизу и скажи кухарке Домне, чтобы решительно никого, кроме Ольги Николаевны, ни в каком случае ко мне не допускали.

– А если Романа Егоровича дома не будет, как позволите там у них сказать? – осведомился слуга на всякий случай.

– Я знаю, что он дома. Ступай!

III. Третий плут

В ожидании того, за кем он послал слугу, Мустафетов продолжал жадными глазами впитываться в портрет Ольги Николаевны. Он мысленно дополнял фотографию, и постепенно перед ним все ярче, нагляднее, почти до осязаемости обрисовывался образ стройной, видной и красивой девушки.

Сам Назар Назарович уже несколько лет продолжал давать себе сорок первый год, хотя был много старше. На людях он довольно удачно подбадривался и предпочитал показываться при вечернем освещении, нежели днем, так как яркое солнце чересчур явно выдавало сомнительность цвета его черных волос, усов и бороды. Одевался же он всегда безукоризненно и держался в обществе с высоко поднятой головой. Но в одиночестве, в стороне от каких-либо наблюдений, он уже часто сознавал себя стареющим и по временам начинал ощущать упадок перерасходованных сил. Впрочем, и было же им пожито!

Устал он в особенности за последний год, с момента увлечения Ольгой Николаевной.

Эту девушку – продукт современной избалованности и полнейшей беспринципности – Мустафетов ревновал со всею страстью своей крайне безнравственной натуры, опасющейся измены, вероятно, вследствие все приближавшейся старости. Он мог целыми днями мечтать об обладании ею, хотя полной близости между ними еще не существовало.

На сей раз эти мечты были прерваны в сладчайшие минуты их течения приходом посетителя. Это был Роман Егорович Рогов.

– А, пришел! – радостно обратился к нему Мустафетов. – Вот и отлично! Садись и слушай!

Рогову было тоже уже лет за сорок пять. Среднего роста, с поредевшими волосами на макушке, но с густой бородой и юркими глазами, он производил впечатление энергичного и весьма живого человека. Голос у него был несколько резкий, речь скорая и манеры торопливые, нервные. Он сел в указанное кресло, а Назар Назарович принял свою любимую позу, полулежа на огромном диване, и беседа началась.

– Или дельце подвернулось? – спросил Рогов.

– Не только дельце, а целое дело! – ответил на это Назар Назарович и, не приступая к сути, спросил: – Твои фонды как? Все еще плохи или успел где-нибудь раздобыться?

– Хоть шаром покати! – воскликнул Роман Егорович и широко заулыбался, точно это было чрезвычайно весело. – Сегодня старьевщику-татарину продал брюки за два с четвертаком. Обедал весьма скромно, папирос купил, чая восьмушку и сахара фунт.

– Стало быть, если бы сейчас случай представился, ты и за работу не прочь бы приняться? – спросил Мустафетов.

– С увлечением! – живо ответил Рогов и вдруг серьезно сказал: – За себя я не унываю: видел я и похуже виды! А вот что плохо: ровно месяц, как не могу собраться отправить домой хоть четвертной билет. Такие письма мне, брат, пишут жена да дочка, ой-ой! – Его лицо омрачилось, Впрочем, только на минуту: он сейчас же снова весело заулыбался и заключил свою речь, следующим: – А все-таки раскуси ты и объясни толком бабий рассудок. Ведь пока я полтора года отсиживал, они мне туда, в предварительное, носили и жареное и пареное, а вот как вышел, так и не могут без моей помощи обойтись.

– Неужели ты им с момента твоего оправдания так ничего и не посылаешь? – поинтересовался Мустафетов.

– Ну вот еще! – воскликнул Рогов. – Твои же деньги, которые ты мне дал, я с ними пополам разделил. Да ошибка моя главная в том, что я своих преждевременно в Москву отправил. Новое-то мое дельце сорвалось, вот они и застряли; не то тут вместе жили бы, все полегче было бы.

– Интересно, чем бы они здесь тебе помогли? Для настоящего дела только связали бы! – решил Мустафетов. – Ну, впрочем, этот вопрос мы пока оставим. Вот в чем суть: мне требуется твое искусство. Гравер ты идеальный, и это даже эксперты на последнем твоём судьбище признали.

– Оценка без лести!

– И хорошую ты придумал шутку такое мастерство изучить!

– У меня, видно, от рождения талант уже был! – веселее и словоохотливее прежнего ответил Рогов. – А всякому свое: музыкант ли, художник, поэт – каждый совершенствуется до возможных пределов по-своему. У меня, например, дар подражать чужим почеркам сказался еще в детстве: я уже в школе подмахивал под руку любого учителя так, что ни один из них отпереться не мог. И по каллиграфии я всегда был первый. Пишу я двадцатью различными почерками. А когда я с жизнью столкнулся, то понял, что на свете чем больше у кого денег, тем тому лучше; раскинул я умом и решил так: применять свои способности к тому, чтобы самому других каллиграфии обучать да на суде в качестве эксперта выступать по делам о подлогах, – выгоды мало, этот труд плохо оплачивается. Лучше дойти до настоящей виртуозности по граверной части да самому подлогами заняться.

– Похвально! – одобрил Мустафетов, несколько гордившийся тем, что всегда под рукою держал такого виртуоза. – А вот чтобы поощрить тебя, не угодно ли с завтрашнего же вечера за работу сесть?

– Рад стараться! Только почему же завтра, а не сегодня? Так ведь ленивцы говорят.

– Постой, не дури, а слушай. Я должен предупредить тебя, что дело очень сложно и далеко не легко.

– Тем для меня интереснее, тем занятнее и лучше! Ведь ты мне, Мустафа-паша, давно говорил, что готовишь нечто грандиозное. Я давно жду. Пора, пора! Ну, рассказывай же!

– Да, комбинация у меня грандиозная, и по смелости, и по верности удара, и по сумме, намеченной мною. Участников всего трое, и капитал мы разделим, стало быть, поровну, на три доли.

– Правильно. Кто третий?

– Помощник бухгалтера из «Валюты».

– Эва куда метнул!

– Да. И знаешь на сколько? Ровно на полмиллиончика! Какова штука?

– Конфета аппетитная. И план у тебя уже весь обдуман, все подготовлено, только за мною дело? – спросил Рогов.

– Иначе я тебя не звал бы. К чему попусту тревожить? Но теперь попробуй умерить свои восторги и внимай. Тебе придется заготовить себе документ для свободного проживания во всех городах Российской империи на имя помощника присяжного поверенного. Называться ты будешь Борисом Петровичем Рудневым. Когда документ будет изготовлен, тебе придется выкупить заложенные вещички, конечно, на мои деньги. Затем приготовишь приличный сундук багажа и поместишься где-нибудь в номерах, где, разумеется, так уж и пропишешься – помощником присяжного поверенного Борисом Петровичем Рудневым.

– Хорошо-с. А потом?

– Это нужно нам для получения тобой из участка удостоверения личности.

– Так не проще ли тогда прямо сфабриковать удостоверение личности? – предложил Роман Егорович.

– Нет, не лучше.

– Почему же? Объяснись – не понимаю.

– По самой простой причине, – со спокойной уверенностью ответил Мустафетов. – Ведь из участка выдаются удостоверения на особых печатных бланках, подделать которые без шрифта мудрено, а украсть еще труднее...

– Ты забыл, – перебил его опять Рогов, – что у нас нет формы вида на жительство помощника присяжного поверенного.

– Нет, не забыл. Я заготовил. Вот не угодно ли? Читай! – Мустафетов достал из среднего вытяжного ящика четвертушку бумаги и, пока Рогов пробежал ее глазами, пояснил: – Эту копию я сам собственноручно снял с подлинного документа.

– Где это тебя угораздило?

– Ничего нет проще! – засмеялся Назар Назарович. – Я поехал к одному знакомому помощнику присяжного поверенного, сказал ему, что мой племянник только что окончил курс в Казанском университете и хочет приписаться для практики к петербургскому судебному округу, и добавил: «Покажите или скажите, какие требуются документы, ну и, кстати, что же вам взамен их на руки за бумажку дают?»

– Ловко! Но ведь удостоверение-то тоже, вероятно, на бланке было выдано?

– Да, на бланке; но дело в том, что бланк простой, с одним заголовком сбоку, и ты его кое-как тушью от руки смастеришь, тогда как удостоверение из участка целиком напечатано в полтора десятка строк, и оставлены только промежутки для указания имени, отчества, фамилии, месяца и числа.

– Да, вот оно что! Ну, хорошо-с, допустим, что бланк мы составить сумеем не тушью, а литографской краской, – сказал Рогов. – Но что же на нем-то напечатано было?

– Все это у меня в точности обозначено на обороте. Переверни страницу и вникни.

– Ах да, на обороте! – и Рогов принялся знакомиться с копией.

– Ну, что же, берешься? – спросил Мустафетов, когда тот опустил руку с бумажкой.

– Ничего нет проще. Сейчас же домой схожу за своими орудиями. Только ведь для этого самого бланка нужно приобрести литографский камень. На нем я выведу печатные буквы литографской краской в таком совершенстве, что никому и в башку не взбрдет заподозрить, никто никогда не отличит их от настоящих типографских.

В этот момент из передней донеслось дребезжание электрического звонка.

Мустафетов сразу сильно побледнел, вытянул вперед шею и стал прислушиваться с затаненным дыханием. По легкому трепету его губ было видно, что сердце у него учащенно забилося. Он угадывал, чувствовал, кто приехал, так как ясно расслышал не только отпирание входной двери слугою, но и легкое шелковое шуршание канаусовых юбок.

Поспешно, с ловкою поворотливостью, он встал с дивана и, подойдя близко к Рогову, сказал ему:

– Во всяком случае, сегодня начинать поздно; я уже говорил тебе: дело надо отложить до завтра. Извини, сейчас некогда; приходи завтра после десяти часов утра: мы с тобою займемся.

Не успел Роман Егорович ответить, как в кабинет заглянул слуга с докладом:

– Назар Назарович, тут по делам приехали, вас просят-с.

– Проводи туда... в маленькую гостиную... я сию минуту... Доложи, что я сейчас! – распорядился Мустафетов и снова обратился к Рогову: – Если пока тебе деньги нужны, так вот двадцать пять рублей. Купи камень и что нужно! – Он дрожащими от поспешности руками достал из пачки кредиток в бумажнике двадцатипятирублевку и, отдавая ее товарищу, сказал: – Ну, прощай! До завтра. Смотри не опоздай – ровно к десяти утра.

Но Рогов еще задерживал его.

– Всем ты хорош, Мустафа-паша, всем в деле профессор! Ты – умница, каких мало, изобретателен и находчив, смел до умопомрачения, выдержка у тебя во всяком деле просто-таки феноменальная, щедрость при расходах, честность в дележе, все есть. Одна сидит в тебе беда: бабник ты, вот что!

– Да отпусти ты меня, Христа ради! – взмолился, почти задыхаясь, Мустафетов и наконец имел удовольствие видеть, что Рогов ушел.

IV. Ольга Николаевна

Подождав несколько секунд, чтобы успокоилось его волнение, Мустафетов направился в маленькую гостиную, где его ожидала Ольга Николаевна Молотова. Она встретила его стоя, с ласкающей, приветливой улыбкой на устах. Он схватил ее обе протянутые к нему красивые, нежные белые руки, поочередно поднес их к губам и, целуя, сказал:

– Я уже боялся, что сегодня вы не приедете сюда. Я совсем заждался...

– А вот и приехала. Но послушайте, Назар Назарович! Мне надо переговорить с вами об одном очень важном деле. От вашего ответа будет зависеть наша дальнейшая судьба.

Мустафетов так встревожился, что этого нельзя было не заметить, и с целью скрыть свое волнение засуетился: предложил гостье сесть, потом сам опустился в кресло, придвинув его поближе к ней, и спросил:

– Что такое? Что случилось?

Ольга Николаевна совсем переменяла ласковое, приветливое выражение своего более чувственного, нежели красивого лица и, испытующе взглядываясь в него, вдруг, к его ужасу, спросила:

– Какое было у вас дело в Киеве?

Этот человек умел сдерживать себя и всю жизнь вырабатывал в себе силу воли над опасными проявлениями чувств. Он даже отчасти был подготовлен к возможности подобного вопроса, по крайней мере всегда поджидал его. И все-таки сейчас Ольга Николаевна застала его врасплох. Мустафетов почувствовал, как кровь разом бросилась ему в лицо и обагрила его щеки. Ему было досадно, что он так густо краснел, и он искал, как бы опомниться, как бы найтись, что бы лучше ответить. Между тем Ольга Николаевна продолжала в упор и испытующе смотреть на него, ожидая объяснения. Наконец он сказал:

– И до вас дошли эти глупые сплетни! Но, Боже, до чего человечество завистливо и злобно! Я знал, предугадывал, что кто-нибудь придет и выложит пред вами всю эту грязь. Я давно хотел и сам собирался рассказать вам все, да только берег ваш слух и ваше достоинство. Но людям еще мало разыскать грязь и гадость, им надо ее размазывать.

Она невольно улыбнулась реальности его речи и сказала:

– Однако вы выражаетесь...

– Ах, Ольга Николаевна! Не до выражений, когда подлецы, негодяи стремятся отнять у вас все, что вам дорого и мило в жизни.

– То есть? – несколько задорно спросила она.

– Я говорю о вас, конечно.

– Очень лестно! Только вы мне все-таки до сих пор не ответили, чем объяснить ваше дело в Киеве?

Мустафетов уже достаточно овладел собою, а следовательно, надеялся овладеть и положением. Он вернулся к прежнему своему месту, сел как будто успокоенный и заговорил:

– Вы хотите знать подробности? Что ж, извольте! Я посещал один дом. Кроме самых дружеских отношений к мужу и крайне платонической симпатии к жене, в моем сердце не таилось и тени какого-либо иного чувства. Но в этот дом втерлось еще одно лицо с совершенно иными намерениями, и я счел долгом раскрыть мужу глаза с целью предупредить несчастье. Тогда мне отомстили, и отомстили именно те, которым я искренне желал добра. Меня оклеветали в постыдном захвате чужой собственности, чтобы окончательно запятнать мою честь и обезоружить, – меня привлекли на скамью подсудимых. По счастью, правда на этот раз восторжествовала, и я вышел из суда вполне обеленным. Вам, конечно, сказали, что я был торжественно оправдан?

– Мне сказали только, что вас судили за исчезновение каких-то очень дорогих бриллиантов, которых так и не нашли, а чем кончился ваш процесс, мне, признаться, не говорили.

– Какая низость! Какая ужасная подлость! Вы должны открыть мне имя того, кто это передал вам. Я уничтожу этого человека, я раздавлю его, задушу собственными моими руками!

– Да разве он сказал неправду? И что странного в его словах? Пред человеком произносят ваше имя, он узнает, какую вы роль намереваетесь сыграть в моей жизни. Очень понятно, что для него, не знающего вас лично, является столь же естественным, сколь и невольным вопрос: «Не тот ли это Назар Назарович Мустафетов, у которого была в Киеве история?»

– А, я знаю, кто он! – воскликнул армянин, злобно сверкнув глазами. – Это тот молодой смазливый блондинчик, который вдруг, как-то неведомо откуда, неожиданно появился на вашем горизонте и с которым, если я не ошибаюсь, вы вчера вечером изволили вдвоем кататься.

Ольга Николаевна сперва как будто растерялась, но со свойственной ей находчивостью вышла из несколько затруднительного положения, смело ответив на замечание Мустафетова:

– Так что ж тут особенного? Я и с вами, кажется, вдвоем катаюсь.

– А вы знаете, что у этого господина Лагорина копейки нет за душой? Он – нищий и для какой-нибудь одной прогулки с вами в наемном экипаже вынужден вымаливать с унижениями и чуть не на коленях двадцать пять рублей.

Ольга Николаевна помолчала, пристально поглядела на собеседника и, подумав с полминуты, сказала:

– Тороватого от богатого вообще трудно отличить в наше время всяких фальсификаций.

– Это что же? Намек? – Назар Назарович встал, выпрямился и торжественным тоном заявил: – Слава Богу, мое материальное положение достаточно обеспечено. Я мог бы, при вашем согласии, доставить вам жизнь, полную радостей, привольную, свободную и веселую, то есть именно такую, какой вы ищете и хотите.

– Почему ж вы не укажете мне определеннее, чем именно обеспечивается ваше материальное благосостояние? – спросила она вдруг с отчаянной решимостью.

– Наличными суммами! – ответил он с достоинством, даже глазом не моргнув от своего нахальства. – Я сейчас же мог бы удовлетворить ваше любопытство и показать вам итог всех своих капиталов; но я обожду еще одну неделю.

– Почему же еще одну неделю?

– Авось какой-нибудь случай или ваша собственная проницательная наблюдательность помогут вам узнать, кто и что такое господин Лагорин, любящий рассказывать о других пикантные истории. Я не имею его привычки клеветать заглазно, но у меня есть значительные основания предполагать, что свою фальшивую игру он не замедлит обнаружить пред вами.

– Что ж, подождем... Неделя не Бог знает сколько времени.

– А теперь, – предложил Мустафетов, стараясь перейти на более веселый тон, – продолжим пока наши добрые, дружеские отношения, будто между нами ничего не произошло. Для начала пожалуйста мне вашу красивую, холеную ручку.

Казалось, Молотова и сама была рада, что он сумел придать резкому разговору более удобный оборот. Она предоставила в его распоряжение свою правую руку и не сопротивлялась даже тогда, когда он, усевшись с нею рядом, перевел свои поцелуи с руки на ее шею. Отогнув только голову в сторону, она слегка ежилась, смеялась и говорила:

– Мне щекотно... Ваши усы...

Оба тогда засмеялись, а общий смех окончательно примирил их.

– Дайте мне чаю, – попросила она, – или еще лучше вот что: прикажите подать мне чего-нибудь пить. Пошлите за фруктовой водой.

– У меня и дома найдется: я ведь ваш вкус знаю, – произнес Мустафетов и вышел распорядиться, а потом, приняв заказанное от слуги, сам налил ей стакан.

Ольга Николаевна утолила жажду и сказала:

– А знаете, что теперь было бы хорошо? Я была бы очень рада, если бы вы увезли меня куда-нибудь. Не сидеть же нам вдвоем весь вечер.

– Куда угодно, хоть сейчас!

– Так распорядитесь насчет лошадей.

– Через четверть часа коляска будет у подъезда. Сейчас велю запрягать.

Пока запрягали лошадей, разговор шел веселый, несколько шаловливый, отчего поминутно раскатывался звонкий смех молодой девушки.

Когда они вышли на улицу, уже наступил вечер – один из тех чудных мартовских вечеров, в которые уже чувствуется приближение весны. Фонари уже все были засвечены, электричество весело сияло из окон магазинов на Невском. При отсутствии ветра дышалось свободно, температура, понизившаяся после дневной оттепели до точки замерзания, после сумерек оставалась неизменной. Воздух казался особенно живительным.

Ольга Николаевна больше всего в жизни любила роскошь, комфорт и негу, и чем беспомощнее становилась ее вконец разорившаяся на нее мать, тем неудержимее увлекалась сама она грезами и мечтами о жизни в полном довольстве. Теперь она полулежала в удобной коляске и сознавала себя красивой, изящной, грациозной. Мягко катившийся дорогой экипаж на резинах, мерные удары конских копыт и взгляды осматривавших ее встречных – все это тешило ее мелкое самолюбие.

Сперва даже разговор плохо вязался у нее с Мустафетовым. Только выехав уже на набережную, он спросил:

– Ну, а что же ваши мечты о театре, о драматической сцене? Должно быть, так это и останется мечтами?

Молотова встрепенулась, несколько выпрямилась и, отклонившись от спинки сиденья, обернулась совсем лицом, чтобы ответить:

– Мои мечты осуществляются гораздо скорее, нежели вы думаете. Вы, конечно, знаете Заемкина, драматического писателя? Да? Так я вчера была у него. Ведь он наш давнишний, знакомый. Он, в сущности, первый-то и открыл во мне искорку, которую потом признал прямо талантом. Он мне и советовал еще в прошлом году посещать курсы...

Мустафетова сразу стало терзать ужасное чувство ревности. Он знал о том, что Ольга ходила куда-то учиться выразительному чтению и декламации. Всегда почему-то ему представлялось, что в этой «школе» должна царить особая свобода нравов, и ему страшно становилось от невольного подозрения, что Ольга Николаевна, наверное, бывала менее сдержанна с каким-нибудь кандидатом на роли «первых любовников», нежели с ним.

Теперь, пока она говорила, он делал невероятные усилия, чтобы подавить в себе мучительное чувство и суметь промолчать. Она же, вероятно не замечая того, что с ним творилось, а быть может, и нарочно, лишь бы еще более разжечь его страсть к ней, пожалуй забавляясь его ревностью, продолжала:

– Так вот вчера Заемкин подверг меня целому испытанию. И знаете, какой он смешной? Представьте себе, он меня ставил в позы и все говорил: «Пластика имеет огромнейшее значение! Вы грациозны!»

«Подлец! – чуть не крикнул вслух Мустафетов, но опять победил себя и только мысленно продолжал: – Эдакая мерзкая каналья! Видит, что она хороша, и давай ее во все стороны пред собою вертеть, сластолюбиво разглядывать! Знаем мы этих ценителей и знатоков искусства!»

А Молотова рассказывала:

– Заемкин говорит, что для сцены недостаточно быть красивой женщиной, даже и при таланте, а надо еще быть пластичной актрисой, то есть уметь красиво играть. Пластика в актрисе – это та чарующая красота манер, которая гипнотизирует зрителя.

– И что же, вашею красотою манер он остался очарован? – спросил Мустафетов дрожащим голосом, сам чувствуя, как злоба перекашивала ему рот.

– Он совсем в восторг пришел. Можете себе представить, что он предложил мне? Он хочет написать новую пьесу специально для меня и устроить мне дебют будущей осенью на Александрийской сцене.

– Врет он вам все! Пьесу он хоть и напишет, да не свою, а выкрадет с немецкого или с французского по своей подлой привычке, – прорвался-таки Мустафетов со всею своею неудержимою ревностью и враждою к воображаемому, а быть может, и действительному сопернику. – Ваш Заемкин – профессиональный плагиатор и вор, нахал, каких в острог сажать бы надо, а он юбилеи справляет, и его портреты печатают. У него ни одной своей собственной вещи на сцене нет. Драматург! Скажите пожалуйста!

– Однако вы красноречивы! – заметила Ольга с расстановками, придававшими особую силу ее словам. – Только вы несправедливы и сами довольно слабый судья театрального дела: ваши клеветы голословны. Разве сами-то вы знаете те немецкие и французские пьесы, из которых Заемкин, по вашим словам, кроит свои русские? Это вы вычитали в какой-нибудь газете. Или вы, может быть, так хорошо изучили европейскую драматическую литературу?

Вопрос был не в бровь, а прямо в глаз. Ольга ударила Мустафетова по самому больному месту: он, кроме русского да армянского, ни одного языка не знал, а потому и за границу никогда не ездил. Нанесенная ему рана была столь жестока, что он не выдержал и, не останавливая кучера, выскочил из медленно въезжавшей на мост коляски и только угрожающе прошептал:

– Помните же!

Уже не в первый раз происходили подобные сцены между Ольгой Николаевной и Мустафетовым. Когда его разбирало чувство ревности, в особенности из-за ее стремления идти туда, где каждому «актеришке» (как он выражался) разрешено было обнять ее стан, лобзать ее щеки, – он доходил до такого иступления, что готов был собственными руками схватить ее за горло и задушить. Но все же в подобные минуты у него пока еще хватало духа бежать, страшась самого себя, своего гнева, и он поступил именно так и на этот раз.

Между тем, очутившись одна в чужой коляске, Ольга Николаевна сперва только подумала: «Как это глупо! Расстроилась вся прогулка!» И она приказала кучеру, видимо уже привыкшему к самым эксцентричным выходкам своего барина:

– Отвези меня домой!

Вернулась она к себе недовольная, расстроенная, не в духе, с желанием чем ни на есть отомстить Мустафетову за то, что он так долго тянул, предполагая завлечь ее даром, без женитьбы, и не делал даже намека на «честное» предложение.

Дома у себя Молотова была деспотом, и ее мать более прислуживала ей, нежели руководила своею избалованною дочерью. С удивлением встретила старушка ее раннее возвращение, но участливые расспросы только сердили Ольгу, которая досадовала на даром пропавший вечер, так как одной никуда ехать нельзя было, а к ним теперь никто уже, ввиду позднего времени, не придет. Она бесцельно переходила из комнаты в комнату, то присаживаясь к разбитому пианино и пробуя играть, то берясь за книгу и опять бросая ее. Наконец она придумала выход и у себя в комнате написала две записки.

Первая была на имя Мустафетова:

«Ваши бурные сцены утомили меня. Объявляю Вам, что впредь я готова принимать Вас только в качестве моего *жениха*, причем день нашей свадьбы должен быть назначен немедленно, не позже как через две недели. В противном случае не трудитесь более приезжать к нам, так как я не желаю быть скомпрометированной Вами и иначе устрою свою судьбу.

О. Молотова».

Вторая записка гласила:

«Приходи, глупый, и не бойся ничего! Сегодня его у меня не будет, а мамы я несколько не стесняюсь: я ей наврала, что ты получил огромное наследство, и она говорит: „Что ж, давай Бог! Лишь бы честным человеком оказался!“ Пренаивная она у меня, право!»

Эта вторая записка была адресована Анатолию Сергеевичу Лагорину.

Молотова отправила свои письма со служанкой, причем приказала добиться от Лагорина точного ответа, а у Назара Назаровича только отдать слуге по парадному и ни в каком случае с ним ни в какие рассуждения не вступать. Потом, по-видимому чрезвычайно довольная принятым решением, она облеклась в мягкий, красиво обрисовывавший ее формы, фланелевый капот и стала ждать.

У. Злоба и месть

Между тем Мустафетов, хотя и вскоре остыл от своего гнева против Молотовой, продолжал кипеть ненавистью против тех, кого считал своими соперниками. Эта злоба не могла погаснуть в нем, а, напротив, чем более он вспоминал о том, как произошла ссора, тем мучительнее разбирала она его.

Злил же его более всего не Заемкин с его теорией о пластике (его он считал за глупого шарлатана, прикармливающего себе путем плагиатов чужой литературный талант и труд). Нет, его злил Лагорин, осмелившийся рассказать Ольге о деле в Киеве.

«Я уничтожу этого щенка! – мысленно грозился армянин. – У меня и план уже созрел. Посмотрим, что-то тогда она заговорит! Не надо откладывать! Если мстить, так сейчас же. И я каждому на свете, на ком только она когда-либо остановит свой взор, кому она только хоть раз приветливо улыбнется, устрою такую каторгу, что голубчик не возрадуется, а ее же на семи соборах проклянет. А мстить мы умеем так, чтобы никто никогда и распознать не мог руку, наносящую удар. А что удар будет веский и на всю жизнь след оставит – за это я ручаюсь. Сначала мне надо щенку лапы перешибить, потом мы и ее скрутим. Только бы мне добраться до нее, победить это ломанье в ней, тогда я за все отмщу, за все ее подлые издевательства над моим чувством».

Он взял извозчика и уже сказал, куда его везти, но вдруг раздумал и решил, что лучше сперва побывать дома. Может быть, он втайне надеялся на примирительные известия от Ольги Николаевны, даже рассчитывал найти ее у себя?

Когда он приехал домой, записка Ольги к нему еще не была послана. Получив от слуги на все расспросы отрицательный ответ, Мустафетов снова страшно рассердился, круто повернулся и, спускаясь с лестницы, осыпал проклятиями девушку, которую думал, будто бы любил, тогда как она просто раздражала его чувственность.

Он снова сел на того же извозчика и наказал везти себя на Петербургскую сторону. Там, в узенькой улице, он приказал остановиться у калитки маленького дома с тремя окнами на улицу, плотно прикрытыми двустворчатыми ставнями. Лишь только он вошел в калитку, на него тотчас, словно бешеная, с лаем набросилась собака. Он вздрогнул и прижался было в страхе к стене, но при свете дворового фонаря убедился, что пес на цепи и его достать не может, и постучался у крылечка.

Долго не створяли. Наконец до слуха Мустафетова донеслось хлопанье дверьми, а потом и приближение шагов внутри домика. Старческий, как бы скрипучий, мужской голос окликнул: – Кто там?

– Не беспокойтесь, Герасим Онуфриевич, это – я, – ответил самым успокоительным голосом посетитель.

– Да кто вы? По голосу нешто я обязан узнавать всех? Кто такой?

– Назар Назарович Мустафетов.

– Назар Назарович! Так вот оно что! Не ожидал! Милости просим, милости просим... – И дверь раскрылась, но все-таки осторожно, понемножечку, не вдруг. – Не расшибитесь, – предупредил старческий скрипучий голос, – у меня темно в сенях-то: я без свечи вышел. Как бы не оступиться вам, тут приступочек.

Когда вошли в комнату, освещенную дешевенькою лампою, Назар Назарович снял цилиндр, но оставался в своем длинном модном пальто.

– Здравствуйте. Я ведь к вам, Герасим Онуфриевич, по делу, – сказал он.

– Так-с, так-с, – ответил старик, лет шестидесяти пяти, бритый, сухой, одетый весь в черное, даже со старинным высоким черным фуляровым платком на шее. – Понятно, что вы ко мне без дела не пожалуете... Зачем попусту и себя, и людей беспокоить?

– Только я сяду, – решил Мустафетов. – Садитесь-ка и вы! У вас тут никого нет? Нас не услышат?

– Никого, никого, – ответил старик. – Прислуги, как знаете, не держу. К чему? У меня дворник всем заправляет. Так чем могу служить?

– Запишите-ка себе для памяти прежде всего вот что, – сказал Мустафетов, – Анатолий Сергеевич Лагорин. Записали?

– Готово-с. А затем?

– Ну, а теперь слушайте! Завтра потрудитесь отправиться в адресный стол, возьмите об этом гусе справочку, потом отправьтесь к нему и предложите следующее. Вы скажете ему, что слышали, будто он нуждается в деньгах, что знаете состояние его родителей, живущих в своем имении под Киевом, и доверяете его честности. Скажите ему, что ваша специальность помещать небольшие суммы за приличные проценты у молодых людей хороших фамилий. Он теперь влюблен, я знаю, в деньгах нуждается, как рыба в воде, и, конечно, чрезвычайно будет рад вашему предложению.

– Предположим, что будет рад. Ну, а дальше в чем заключается дело? – спросил Герасим Онуфриевич.

– Вот когда вы увидите, что ваше предложение ему действительно по сердцу, то скажите ему так: «Я могу дать вам пока триста рублей; но так как точный срок уплаты вы сами определить, конечно, не можете и нам нет нужды портить вексельную бумагу, то вы подпишите на оборотной стороне, где обыкновенно ставятся бланки, ваше звание, имя, отчество и фамилию. А в течение недельки я вам еще тыщонку подготовлю, и тогда, пожалуй, мы настоящий форменный документ составим. Бояться же вам буквально нечего, так как все равно по закону векселечек ведь не может быть написан на сумму выше бланка». А бланк вы ему подсуньте всего на четыреста рублей. Да еще скажите ему, что у вас со всеми такое правило.

На лице Герасима Онуфриевича отразилась хищническая улыбка. Он сразу понял, чего от него требовали. Злорадная улыбка блуждала по его лицу от предвкушения того блаженства, которое вызывало в нем исполнение всякой подлости с причинением кому бы то ни было мучений. Он подумал и задал вопрос:

– А не лучше ли предложить к подписи вексельный бланк с напечатанным текстом? Пускай господин Лагорин собственноручно заполнит пробелы.

– Зачем же это?

– А тогда молодчик скорее поверит тому, что документ ни в каком случае не пойдет на высшую сумму.

– Вы отгадали мою мысль, но не совсем. Сторона текста должна оставаться чистой, а на бланковой стороне мне требуется целиком его подпись.

– Для какой же это надобности? – спросил старик.

– А вот зачем, – сказал Мустафетов и, передавая три сотенных кредитки старику, продолжал: – Когда он согласится – а уговорить его, я полагаю, не трудно, – вы ему тут же и выдадите вот эти триста рублей. А когда он деньги возьмет и, конечно, очень обрадуется им, заставьте его дать вам слово приехать завтра же к вечеру сюда, к вам, под предлогом свидания с лицом, которое по вашей рекомендации одолжит ему еще тысячу рублей сроком хоть на полгода.

– Ну, он приедет, – вопросительно проговорил старик, – я с ним запрюсь на полчаса, а заимодавца он у меня никакого не застанет.

– Разумеется! – одобрительно подхватил Назар Назарович. – Нам только нужно иметь явные улики, – что Лагорин был у вас такого-то числа и месяца.

– Значит, свидетелей надо будет подставить, очевидцев? – снова усмехнулся старик. – Ну, это дело пустяковое: дворник мой пускай тут находится и при входе, и при выходе гостя. При разговоре, конечно, ему быть не надо. Да я его за Петровым пошлю, а когда Петров явится, я пошепчусь с ним, как будто он и есть процентщик, согласный дать тысячу рублей, да покажу

ему молодого человека – пусть Петров вторым очевидцем будет. Дело так можно обставить, что Петров под присягу пойдет.

– Ну вот, теперь вы меня окончательно поняли! Вы скажете Петрову, что вот, мол, приехал к вам совсем незнакомый человек с просьбой учесть ему вексель. Ну, чей бы, например? Лицо надо брать в Петербурге известное. Лучше всего кого-нибудь из спортсменов. Возьмем хоть графа Козел-Горского – имя популярное.

– Хорошо-то хорошо! Но ведь мой Петров тоже не дурак: за такой векселек он с аппетитом ухватится.

– Учить мне вас, что ли? – чуть не вспыхнул Мустафетов. – Точно не от вас зависит ему такие условия предложить, от которых он откажется.

– Конечно, от меня, – согласился Герасим Онуфриевич. – Стало быть, повести себя я должен таким манером, чтобы ваш Лагорин думал, будто я с Петровым говорю о новой тысяче рублей для него и под его собственную подпись, а Петров должен быть уверен, что сей молодой человек предлагает приобрести от него вексель по предъявлению всего на четыреста рублей от Козел-Горского. Верно?

– Вы – гениальный помощник в делах! – воскликнул вполне довольный Мустафетов. – Стало быть, между нами все ясно. Завтра же утром вы даете Лагорину деньги и получаете от него бланковую подпись на чистом вексельном листе не свыше четырехсот рублей, после чего условливаетесь с ним, в котором часу он приедет к вам. У себя вы устраиваете все так, как сказано, затем, когда Петрова вы доведете до отказа, вам надо в Лагорине, напротив, поддерживать надежду и даже уверить его, что кредит ему вы откроете широкий.

– А чистый листочек с его бланком я должен вам доставить? – спросил старик.

– Да, на очень короткое время. Я верну его вам с заполненным текстом, и вы уведомите графа Козел-Горского о поступлении в вашу собственность, – по передаточной бланковой надписи господина Лагорина, его векселя по предъявлению на четыреста рублей.

– Сильно задумано! – сказал Герасим Онуфриевич и хихикнул, будто его щекотнули.

Он дрожал, точно в спазме сладострастия, при чудовищной мысли о страшном злодеянии, хотя оно совершалось против совсем не ведомого ему и ни в чем пред ним не повинного молодого человека. Но иссохший в ненасытной жажде золота скупердьяй старик ненавидел всем своим существом молодежь, потому что страстно завидовал ей. Мстил же он всем, кто когда-либо имел в нем нужду и брал у него деньги, чтобы жить и веселиться, так как самому ему ничего в мире не надо было, кроме сухой корки, при его жадности все загребать лапами и запирать под замки.

– Да, да, – бормотал он со злобою, – мы с вами дельце оборудуем, а граф Козел-Горский, я полагаю, здорово возмутится, что на него векселя по четыреста рублей в оборот по городу пускают. Он, конечно, сейчас же отопрется: «Знать не знаю, ведать не ведаю!» Ну, а мы с вами тогда, Назар Назарович...

Но Мустафетов перебил его:

– То есть не мы с вами, а вы один, Герасим Онуфриевич, отправитесь к прокурору.

– Ах, вот даже как! Я полагал, что юнец нам за фальшивый векселек в четыреста рублей подаст своих настоящих ровно настолько, за сколько киевское именьице его родителей с молотка могло бы пойти.

– В данном случае мне не именье слопать надо, а самого субъекта, – ответил Мустафетов. – Этот подлец стоит мне на дороге! Не драться же мне с ним на дуэли! Он запустил в меня комок грязи, так я же его теперь всего вымажу, да еще так, что ему в жизни не отмыться.

– Дуэли глупости! – подтвердил скряга. – Убивают тело одни только дураки; врагам надо мстить, убивая их душу, а тело подвергая мучениям. Хе-хе-хе...

– Все это прекрасно, Герасим Онуфриевич. Но сколько вы возьмете с меня за такое удовольствие?

– С умного человека, да еще за такое дело, я дорого не спрошу, – прокаркал старик. – Тут дело мести, а не удовольствия и не прожигания жизни, к чему только и способна вся эту шушера, современная молодежь! Она таких людей, как я, Плюшкиным или Гарпагоном называет, ростовщиком, процентщиком ругает, потому что сама только пировать умеет. Я бы каждого из таких голубчиков на медленном огне, на жаровне с раскаленными угольями поджаривал да солью присыпал им раны. Им бы все наслаждаться, лакомиться, сластолюбовствовать.

– Перестаньте ругаться и раздражаться, Герасим Онуфриевич, и вспомните, что я и сам все вкусное люблю.

– Вы-с? Конечно, все может быть, но вы сила и всю эту мелюзгу, эту мразь человеческую, сами ненавидите и на каждом шагу причиняете ей всякое зло. Я за это вас еще уважать могу. В каждом умном деле я всегда ваш помощник и доказывал вам это еще раньше.

– Так сколько же? – снова поставил вопрос о вознаграждении Назар Назарович. – Не могу же я за все ваше уважение ко мне требовать от вас бесплатных услуг; тут все-таки разъезды, трата времени, беспокойство, хлопоты.

– Сказано верно-с! Даром ничего ни от кого требовать нельзя-с. Но тоже и дорого я с вас брать не хочу. Дело совсем с моими взглядами согласуется, ибо всех этих гуляк-кутил давно в омут пора. Возьму я с вас всего пятьсот рублей, да и те в рассрочку: сто рублей завтра дадите, когда я привезу вам бумажку с бланком, сто рублей – когда молодчику капкан накинём, ну, а триста, когда уже совсем его песенка до конца спета будет.

Мустафетов опасался худшего. Он дал свое согласие и на прощанье протянул старику руку. Тот принялся благодарить его, будто и в самом деле ему был дан приятный заказ и он с удовольствием провел время.

– Спасибо вам, спасибо! Порадовали меня одинокого. А то вот любят они все меня старым пауком называть. Так ведь прозвище и оправдать не мешает. Если в сети мои муха залетит да запутается – уж тогда не прогневайся: всю кровь по капельке высосу.

Но Мустафетов уже не слушал его.

Дома он нашел записку Молотовой, внимательно прочитал ее, спрятал и, значительно успокоенный, решил: «Теперь, голубушка, подожди! Через недельку ты другую песенку запоешь. И натешусь же я над тобой, когда овладею, ой-ой!»

VI. Ранний визит

Следующий день Назара Назаровича был переполнен многотрудными заботами. С утра к нему явился Рогов для изготовления себе вида на жительство помощнику присяжного поверенного Борису Петровичу Рудневу. Работал он в кабинете. Мустафетов сидел около стола и следил за мастерским выполнением своего заказа.

Но вдруг приехал Герасим Онуфриевич. В это время Мустафетов не ждал его, а потому раннее, необусловленное посещение старика несколько встревожило его. Но старый негодяй тотчас же предъявил ему вексельный бланк, на обороте которого была надпись: «Губернский секретарь Анатолий Сергеевич Лагорин».

– Стало быть, успешно? – обрадовался Мустафетов. – И без особого труда?

Герасим Онуфриевич уселся и стал рассказывать, как ухватился за его предложение молодой человек, как охотно подмахнул свою подпись на оборотной стороне чистого вексельного бланка и как охотно поверил, что это нужно ввиду неизвестности срока уплаты. Наконец, Лагорин обещал быть у Герасима Онуфриевича непременно в этот же день после службы часам к пяти, а потому старик и завернул прямо от него к Мустафетову показать свою удачу.

Но Мустафетов хорошо знал алчность негодяя, и ему стала ясна его поспешность получить первую долю обещанного вознаграждения. Поэтому он вручил ему сто рублей и сказал:

– Чтобы выиграть время, известите сегодня же и даже сейчас графа Козел-Горского об учете вами его векселя в четыреста рублей, писанного от сего двадцатого марта по предъявлению.

– Хе-хе-хе! Вот это на курьерских! И обрадуется же его сиятельство такому нахальству! Пожалуй, сам от себя заявит прокурору.

– И пускай! Письмо отправьте ему все-таки после полудня, по почте, но непременно заказным.

Точно тень легла и еще более омрачила пергаментную желтизну лица Гарпагона. Он поджал нижнюю губу, а верхнюю прикусил беззубой нижней челюстью; его приподнятая к подбородку рука затрепетала. Он еле слышно произнес:

– Почтовых марок придется купить...

Мустафетов расхохотался, хлопнул его по плечу, прошел в кабинет и, возвращаясь оттуда, подал ему марки:

– Вот не две, а десять марок. А теперь оформите дело так, чтобы действительно у вас были свидетели.

Старый злодей сразу повеселел.

– Хе-хе-хе! Уж я маху не дам, и мы дня через три-четыре этого розовенького купидошку на веревочке за чугунную решетку засадим, а там не угодно ли и на позорную скамью!

Едва он ушел, Мустафетов вернулся к Рогову и сказал:

– Ну вот, брат, что: окажи ты мне теперь одну важную дружескую услугу. Рассмотря-ка ты хорошенько эту бланковую надпись. Видишь?

– Вижу, что тут написано: «Губернский секретарь Анатолий Сергеевич Лагорин». Но в чем же дело?

– Подожди, не спеши! Можешь ты в качестве гравера-каллиграфа изучить характер этого почерка до такой степени, чтобы, рассматривая другую подпись, сделанную тобой, эксперты признали между твоей подписью и подписью этого самого Лагорина столь явное сходство, что утвердили бы, будто та и другая сделаны одною рукою?

– А на что это тебе понадобилось? – спросил несколько недоверчиво Рогов, и на его лице отразилось не только удивление, а как будто даже страх.

– Неужели ты не понимаешь? Дело, кажется, немудреное! Торчит мне человек поперек дороги, и его убрать надо. В прежние некультурные времена врагу распарывали брюхо кинжалом. Ну, мы стали умнее: если конкурент опасен, самое верное средство – в острог его.

Рогов побледнел и, только этим проявив охватившее его волнение, совершенно спокойно протянул Мустафетову вексельный лоскуток обратно, потом придвинулся снова к письменному столу и, словно желая продолжить прерванную работу, сказал только:

– Я этого не сделаю.

– Как? – даже ужаснулся Мустафетов от неожиданности отказа. – Но почему?

– По самой простой причине: с какой стати стану я губить совсем неведомого мне человека? Мне этот Лагорин ничего не сделал. А если он тебе поперек дороги стоит в каких-нибудь амурных делах, так ты с ним борись как знаешь. Отдавать человека под уголовный суд, да еще безвинно, сажать его в острог за то, что он к бабе подобраться мешает, – это не в моих правилах.

В Мустафетове заклокотала южная кровь. Его рука против воли взяла со стола большой разрезной нож для книг, и кулак уже судорожно сжимал рукоятку. Так и подмывало его ударить со всею силою Рогова за дерзость поучать его и уклоняться от его требований. Но в долгой внутренней борьбе рассудок одержал-таки победу над вспылчивою натурою. Как ни было армянину досадно за то, что Рогов разгадал истинную причину его ненависти к Лагорину, надо было дать скорее делу иной оборот.

– Что ты за чепуху мелешь? – спросил он его наконец, стараясь окончательно подавить свой гнев. – Этот Лагорин не мне одному, а нам всем на пути торчит! Если бы у меня вопрос шел о бабьем деле, то неужели, ты думаешь, я был бы способен так подло устранять его?

Рогов оглянулся на Мустафетова не без сомнения. Тот уловил выражение его взгляда и поспешил добавить:

– Лагорин помешался на полицейском сыске и собирается учредить у нас частное сыскное бюро.

– Вот подлец!

– Вот то-то же и – есть! Да еще какими делами он занимается! Помнишь, год тому назад сослали на поселение Николаева за кражу чрез подкоп из кладовой, а он затем сбежал? Так Лагорин признал его на днях на улице, проследил за ним и выдал его полиции. Теперь Николаеву за побег с поселения усилят наказание и препроводят его обратно, да, конечно, еще дальше!

Роман Егорович побледнел более прежнего и помертвелыми от ужаса губами прошептал только одно слово:

– Мерзавец!

– Он мне лично в глаза хвастал еще на днях: «Мое, – говорит, – высшее наслаждение – проследить тайну преступника, подставить ему ловушку, да целиком и передать, кому о том ведать надлежит». Он это называет защитою общества от хищников. И знаешь, с какой целью он все это делает? Ему хочется обратить на себя внимание и получить хорошую должность в сыскной полиции. Но он даже главного не понимает, что сыск или розыск – одно, а предательство, вроде поступка с Николаевым, – только донос, не требующий ни малейшего таланта.

– Вот животное!

– Ужасное! – подтвердил Мустафетов. – Но я решил никаких трат не жалеть, а избавить всю нашу братию от такого любителя сыскного дела. Подумай, сколько он еще людей погубил, о которых я ничего не знаю. Его необходимо скрутить.

– Необходимо.

– А ты вообразил! Эх, Роман Егорович! Бабьи дела для меня то же самое, что пирожное, ну, а наши вот с тобою занятия – это вся жизнь. Лагорины – наши первые враги. Надо, чтобы он сам по себе отведал острога, этапа да ссылки. Тогда будет знать, как другим капканы расставлять.

– Правильно! – согласился Рогов. – За такую комбинацию могу тебя только по головке погладить. Давай-ка его подпись мне сюда обратно, погляжу-ка я на нее хорошенько. Так-с, так-с! Ну, это мы подделаем за первый сорт: пускай суд триста экспертов созовет, все в один голос скажут, что подлог совершен этим скотом!

Рогов еще долго вчитывался да сквозь лупу всматривался в почерк врага, каковым уже совершенно искренне считал теперь Лагорина. Мустафетов же между тем написал на клочке бумаги текст векселя и от чьего имени документ должен быть написан.

Наконец Рогов заявил:

– Через час будет готово. Теперь уходи и не мешай мне: тут работа серьезная.

Когда в указанное время Мустафетов вернулся в кабинет с вопросом: «Готово? Я, кажется, не мешал», – Рогов торжествующе сказал:

– Полюбуйся! Всмотрись!

Немало еще волнений пережить пришлось в этот же день Назару Назаровичу.

Смирнин, обещавший приехать прямо из банка, не явился к пяти часам, и сомнения, вызванные его отсутствием, вселяли в Мустафетове ужас, потому что в случае его отказа не только все разрушалось до самого основания, но легко можно было себе представить еще худшее. Смирнин, пожалуй, разболтает о сделанном ему предложении и даже, наверное, поступит так с целью выказать свою честность и неподкупность, которые, однако, Мустафетов про себя называл просто трусостью.

Пробила уже третья четверть шестого, и армянин, утратив всякую надежду, приказал подавать обед. Но, как часто бывает, гость явился в ту минуту, когда уже перестали ждать его. Однако обрадованный его приездом Мустафетов прежде всего спросил:

– А главное-то привезли?

– Привез! – кратко ответил тот.

– Вот это хорошо! Сейчас я познакомлю вас с феноменальным молодцом. Пойдемте в столовую: мы ждали, ждали, да наконец и приступить к обеду решились. Господа! Любите друг друга и жалуйте! Оба вы люди крупного дела, и если мы отныне станем держаться втроем, то завоюем мир.

Рогов радостно улыбался и не только протянул, но и пожал руку собеседника, что показало его желание стать с новым знакомым в самые дружеские отношения.

– Моя привычка, – сказал он, – с людьми одного общего дела жить по-братски, и я со всеми на «ты».

– А вот и борщ с ватрушками! Господа, садимся! – предложил хозяин. – За столом мы выпьем круговое братство. Да, дорогие мои гости и товарищи, – продолжал он между едою, – через недельку, не позже, мы разделим на три равные доли полмиллиона рублей, покоящихся еще до поры до времени в кладовой банка «Валюта» в виде листов государственной ренты. У меня все вперед рассчитано, все взвешено и предусмотрено, кроме одного.

– В чем дело? Что именно? – спросили оба гостя.

– Вопрос не во мне, а в вас обоих, – объяснил Мустафетов. – Скажите правду: не закружится ли у каждого из вас голова при получении сразу на руки столь огромного куша? Тут нужна огромная выдержка, и в особенности Ивану Павловичу, которому я прежде всего рекомендую не бросать сразу службы в банке.

– Да я уже кое-что предусмотрел, и, кажется, недурно придумал, – сказал помощник бухгалтера. – Я заявил сегодня товарищам и директору отделения вкладов, что на мою долю выпало крупное наследство и что часть денег душеприказчики обещают выдать мне даже очень скоро, чуть не на днях.

– Это идея! – одобрил Мустафетов. – Итак, мы с тобою, брат Рогов, в душеприказчики попали. Славно!

Все засмеялись, и обед продолжался весело, тем более что все поддавались влиянию хозяина, своим спокойствием доказывавшего полную уверенность в успехе.

VII. У прокурора

Пока у Мустафетова шли переговоры, пересуды, советы да обсуждался план операции, Гарпагон на Петербургской стороне устраивал ту бесчеловечную низость, которой требовал от него Назар Назарович, и непоколебимо шел вперед к намеченной цели.

Разумеется, граф Козел-Горский (известный и богатейший любитель конных состязаний и владелец конюшен) был более нежели удивлен, читая полученное извещение о векселе на четыреста рублей от какого-то совсем неведомого ему лица. Он немедленно же ответил Герасиму Онуфриевичу следующими строками:

«Сим извещаю Вас, что никогда никаких векселей мною не было выдаваемо губернскому секретарю Анатолию Сергеевичу Лагорину, которого я не только лично даже не знаю, но и никогда и в глаза не видал. Вы введены в обман, но я считаю своим долгом поставить Вас в известность, что с целью прекратить разом возможность распространения по городу подложных от моего имени векселей, могущих повредить моему кредиту, я завтра же официально заявлю кому следует о приключившемся».

Гарпагон до того возрадовался, точно граф передал ему все свое огромное состояние. С бьющимся сердцем сел он к столу, и его рука застрочила жалобу прокурору окружного суда.

В ней Герасим Онуфриевич рассказал следующее; служащий Анатолий Сергеевич Лагорин явился к нему с предложением достать ему или дать сроком на два месяца всего триста или четыреста рублей. На это проситель, то есть сам Гарпагон, будто бы ответил молодому человеку, что он его вовсе не знает, что ссудами денег под векселя он вообще заниматься не любит, но что деньги достать, пожалуй, можно было бы, в особенности столь незначительную сумму, если бы господин Лагорин раздобылся в обеспечение совершаемого долга солидным поручительством. На это молодой человек ответил, что граф Козел-Горский должен ему за лошадь четыреста рублей и что у него на эту сумму имеется в кармане вексель, написанный графом на его, Лагорина, имя по предъявлению. Такой документ Герасим Онуфриевич с удовольствием согласился учесть, но, не имея денег, обещал занести их молодому человеку. Действительно, сделка была учинена в меблированных комнатах, где проживает Лагорин. Однако в тот же день, около пяти часов, Лагорин вновь приехал к нему, Герасиму Онуфриевичу, с просьбою учесть у него еще один такой же вексель графа Козел-Горского, но уже в тысячу рублей. Не имея дома такой суммы, старик послал за почетным гражданином Дементием Петровым; но тот наотрез отказался ссудить тысячу рублей и даже не пожелал взглянуть на документ. Лагорин же умолял дать ему еще денег, ссылаясь на громадные расходы, к которым его побуждает некая Ольга Николаевна Молотова, положительно безграничная в своих требованиях. Тогда проситель, у которого явилось легкое сомнение, счел долгом предупредить графа. К жалобе старик приложил следующие два документа: а) вексель и б) письмо графа.

На следующее утро Герасим Онуфриевич отправился к зданию окружного суда, где и без расспросов уже знал ход в камеру прокурора.

Лицо прокурора, принявшего его со строгим вниманием, отличалось и красотой, и вдумчивостью; в особенности хороши были глаза, по временам глубоко печальные и окаймленные от постоянной работы большими темными кругами.

– Что вам угодно? – спросил он.

– Честь имею представить прошение на имя его высокородия господина прокурора окружного суда, – со вздохом, точно он делал это против воли, ответил Гарпагон.

– Позвольте, – протянул руку красивый господин и стал быстро пробегать глазами прошение, причем два раза несколько пылливо взглянул на просителя. – Садитесь, – предложил он и стал читать все внимательно. – Имеете вы еще что-нибудь добавить? – спросил он, опуская бумагу перед собою на стол.

– Решившись на такое дело, молодой человек теперь может и других в соблазн ввести, – ответил старик.

– А скажите, пожалуйста, вы видели у него этот второй вексель в тысячу рублей, с которым он приезжал к вам?

– Как же-с! Своими глазами видел!

Не сводя с просителя строго-внимательного взгляда, прокурор неожиданно спросил:

– Вы – дисконтер?

– Оказываю знакомым услуги на условиях, допускаемых законами.

– За небольшие, значит, проценты?

– Да-с, за небольшие процентки, чтобы никому не в обиду. Я по закону...

– Я вас знаю, – сказал прокурор. – Ведь вы фигурировали в процессе Нерузановых.

Герасима Онуфриевича нисколько не покорило это упоминание. Из этого дела, в котором так же, как и теперь, старый ростовщик, конечно, играл роль потерпевшего, он вышел правым.

Прокурор, еще раз поглядев на лицо просителя в какой-то странной и как бы опечаленной задумчивости, наконец решил:

– Хорошо, ваше дело будет сегодня же передано, судебному следователю.

Гарпагон встал, тяжело вздохнув, но все-таки не уходил. Ему казалось полезным сыграть комедию. Он принял вид добряка, сокрушенного горем постороннего человека, и покашливал, точно не решаясь высказаться.

– Что вам еще угодно? – спросил прокурор.

– Осмелюсь просить, чтобы с молодым человеком было поступлено по возможности менее строго. Жаль его будущности, а кроме того, быть может, у него еще живы родители.

– Поступлено будет по закону, – не допускающим никаких возражений тоном ответил прокурор.

– Мне деньги что!.. Бог с ними! – пояснил старик. – Я ведь одинокий на свете бобыль; да и сумма для меня не особенно крупна. Если я подал жалобу, то лишь потому, что должен же я себя пред графом Козел-Горским оправдать, коль скоро он сам страшает довести до сведения кого следует, а вместе с тем я понимаю, что долг каждого честного человека – охранить и других от, пожалуй, еще большего вреда.

– Судебный следователь вызовет вас, – сказал прокурор и обратился к одному из сослуживцев, так что не оставалось сомнения, что аудиенция окончена.

Тогда Гарпагон низко и смиренно поклонился ему, еще раз скорбно вздохнул, сделал общий поклон и медленно вышел.

А молодой человек, о котором он сейчас так лживо вздыхал, разумеется, ничего не подозревал. Напротив, с легкомыслием, свойственным влюбленной юности, Анатолий Сергеевич Лагорин спешил воспользоваться теми благами, которые были открыты для него по получении трехсот рублей.

Еще накануне Ольга Николаевна весело и кокетливо заявила ему:

– Не думаю, чтобы ты теперь вскоре увидел у меня Мустафетова.

– А что случилось? – спросил Лагорин.

– Случилось то, что я поставила ему ультиматум: либо женитьба, либо прекращение всяких дружеских отношений.

– Говорила ты ему о его судебном процессе в Киеве?

– Конечно! Он ответил, что был оправдан, что вся эта история возникла вследствие вражды, основанной на ревности или на зависти к его большому успеху у какой-то замужней женщины... Впрочем, трудно разобраться и осуждать его, когда он был судом оправдан.

Лагорин постарался заглушить в себе желание противоречить; он только ответил:

– Дай тебе Бог никогда не разочароваться в этом человеке по каким-либо личным поводам.

А на следующий день, довольно еще рано, около полудня, Лагорин прислал Ольге Николаевне прямо со службы записку, умоляя ее ехать с ним обедать. Вечером он спросил ее:

– А что ты подумала сегодня, когда я прислал к тебе из канцелярии курьера?

– Что ж я могла подумать? Я решила, что мой Тотоша – пай-мальчик и начинает входить во вкус хорошей жизни.

– Оля, выйди за меня замуж! – вдруг вырвалось из глубины груди Лагорина.

– Да ты, Тотоша, никак, с ума начинаешь сходить! – расхохоталась она. – Разве может здоровому человеку прийти такой вздор в голову?! Мало я тебе еще объясняла мои взгляды на жизнь? Никогда я подобной глупости не сделаю.

– Ты меня не любишь.

– Если бы не любила, то ради чего стала бы я возиться с тобою? – спросила она. – Состояния у тебя нет!

– У моих родителей хорошее имение: я у них один сын, для меня же они все берегут. И если я скажу им, что не могу без тебя жить, они благословят нас.

– И очень глупо сделают! Я посредственностью не довольствуюсь и, выйдя за тебя, только тебя же сгублю. Не говори глупостей! Целуйся, забавляй меня и себя тещь сколько влезет, но ради этих нежностей не ставь всей моей жизни, да и своей также, на карту.

Лагорин видел в этом особенную загадочность ее смелой натуры, протестующей против общей нормы, но тем более заманчивой, что каждую минуту он опасался потерять ее и признавал ее много опытнее себя.

Ольга Николаевна действительно была опытна в деле флирта, и люди много старше Лагорина, даже такой человек, как Мустафетов, перевидавший виды, по временам подпадали совсем под ее влияние из одного стремления окончательно овладеть ею. Она постоянно поддразнивала. Лагорин же был чист и молод; он не понимал всей глубины нравственного падения и степени развращенности этой себялюбивой девушки.

Вечер двадцать первого марта он провел с нею и ликовал. Они ели, пили, катались; она разрешала ему самые безумные ласки, и они не расставались до рассвета. Наконец, усталые, оба разбитые, они разошлись с уговором вновь встретиться на следующий день.

Эти удовольствия обходились Анатолию Сергеевичу не дешево: он расходовал на экипажи, ресторан около ста рублей в день, да и нервы его расшатывались самым беспощадным образом. Даже сон не возвращал ему покоя и был болезненно прерывист. Ему все мерещилось продолжение страстных бесед наедине с девушкой, парализовавшей всю его волю, все помыслы, все желания.

Полученные от Герасима Онуфриевича деньжонки быстро размотались, а через пять дней утром, когда его разбудили довольно резкими и настойчивыми постукиваниями в дверь, первое, о чем он вспомнил, был опустевший кошелек, валявшийся на ночном столике. В нем оставалось всего восемь рублей.

Но в дверь стучались особенно настойчиво и совсем бесцеремонно. Лагорин понять не мог, чего от него могли хотеть так рано, и громко крикнул:

– Сейчас. Дайте хоть накинуть на себя что-нибудь. Да говорят же вам, сейчас!

Его удивление возросло до чрезвычайности, когда, отворив дверь, он увидел перед собою околоточного надзирателя, бледное лицо коридорного слуги и перепуганного конторщика меблированных комнат.

– Что такое? – спросил он, очень удивленный, но несколько еще не перепуганный.

Околоточный вошел впереди двух провожавших его и в свою очередь задал вопрос:

– Вы губернский секретарь Анатолий Сергеевич Лагорин? Судебный следователь составил постановление о приводе вас в его камеру в качестве обвиняемого по делу о составлении подложного векселя суммой в четыреста рублей от имени графа Козел-Горского.

– Что такое? Ничего не понимаю! – воскликнул совершенно ошеломленный молодой человек.

Околоточный повторил свое заявление и предъявил постановление следователя.

– Но ведь это недоразумение! – снова воскликнул Лагорин, даже улыбаясь – до того сама мысль показалась ему нелепой.

– Там уж у следователя вам придется по порядку показать, – ответил околоточный и, видя, что на Лагорина словно столбняк напал, прибавил: – Уж потрудитесь собраться. Как-никак, а ехать надо.

– Но что же это такое?.. Господи Боже мой, что же это такое? – беспомощно и растерянно повторял бледный Анатолий Сергеевич, хватаясь то за один, то за другой предмет. – Главное ведь то, что я никакого Козел-Горского даже не знаю и в глаза никогда не видал! Разумеется, я слышал эту фамилию, которая часто поминается в скаковых отчетах, но с графом никаких дел не имею... – Но вдруг ему так ясно стало, что произошла просто какая-то путаница, которая, едва он объяснится с судебным следователем, моментально разъяснится, что он сразу почувствовал себя легко и бодро. – Это недоразумение! – сказал он. – Я сейчас оденусь и поеду.

– Уж поехать-то нам с вами вместе придется, господин Лагорин, – сказал околоточный надзиратель.

– Вместе так вместе, – согласился уже совсем успокоившийся Анатолий Сергеевич.

Бодрость духа не покидала его в пути, ни даже в здании окружного суда; томительно было только ожидание, продолжавшееся там очень долго: хотелось все поскорее разъяснить. Наконец его позвали.

VIII. Допрос

Судебный следователь, был еще молодой человек, в особенности по отношению к занимаемому им ответственному посту. Впрочем, он только исправлял должность, и для начала на него возлагались такого рода дела, которые по первому взгляду считались несложными и до простоты ясными.

Лагорин вошел несколько развязно и с выражением уверенности на лице, что все разъяснится в два слова. Но именно эта-то развязность и уверенность с первого же взгляда предубедили малоопытного юриста, который принял их за игру, фальшь, наглое комедианство и подумал: «Меня этим не проведут!» – и строго и внушительно начал задавать свои вопросы.

Сперва требовалось исполнить обычные формальности: записать звание, имя, отчество и фамилию, чин, место служения, был ли судим. Затем уже начался допрос:

– Вы хорошо знакомы с графом Козел-Горским, известным спортсменом?

– Вовсе незнаком, – ответил Лагорин.

– Вот как. Но все-таки вы, может быть, слышали когда-либо это имя?

– Как же, слышал.

– Стало быть, лично вы с графом незнакомы. Но, может быть, вы с ним когда-либо виделись, имели какое-нибудь дело?

– Никогда и дел не имел.

– Странно! Но что именно вы слышали о графе? – продолжал следователь, начиная иронически и недоверчиво улыбаться.

– Я слышал, что граф Козел-Горский богат, что он содержит удивительную скаковую конюшню; говорят, он очень добр и чрезвычайно щедр.

– Хорошо-с. Итак, на первый мой вопрос вы отвечаете, что графа Козел-Горского вы лично никогда не знали, дел с ним никаких не имели, а только слышали от сторонних лиц о его богатстве и щедрости. Так прикажете понимать ваше показание? Да? А лошадей вы графу не продавали?

– У меня их и не было никогда.

– Ну-с, а откуда или через чье посредство вы провели об учете векселей почетным гражданином Герасимом Онуфриевичем Онуфриевым?

– Он сам пришел ко мне.

– Ого! Как же это он сам к вам пришел, без зова, без знакомства? – и следователь придал выражению своей насмешливой улыбки еще немного горечи. Он пристально всматривался в лицо обвиняемого, потом слегка покачал головою с видом особого сожаления и продолжал: – Что же, могу я узнать, как, зачем, с какою целью, по какому поводу пришел к вам почетный гражданин Герасим Онуфриевич Онуфриев?

– Он пришел спросить меня, не желаю ли я занять денег под вексель?

Этот ответ показался молодому следователю прямо-таки до глупости наглым. Возможно ли допустить подобную нелепость?

– Вы, что же, посылали за ним? – спросил он.

– Я раньше и не знал даже его.

– Он, стало быть, так прямо с улицы и пришел? Шел себе человек по тротуару – ни он вас раньше, ни вы его не знали – и вдруг гениальная мысль: «Зайду, предложу живущему в меблированных комнатах и служащему в такой-то канцелярии господину Лагорину денег под вексель». Оригинально!

Анатолий Сергеевич терпеливо дождался окончания этой речи и, смотря честным, открытым взором прямо в глаза следователю, спокойно ответил:

– Как это ни странно, а дело произошло почти так. Раньше я никогда в жизни не видел господина Онуфриева и о его существовании не подозревал. Он пришел ко мне всего пять дней тому назад, утром, пред самым моим уходом на службу. Несколько удивленный ранним посещением совсем чужого человека, я спросил, что привело его ко мне. На это он ответил, что хорошо знает в Киевской губернии имение и вообще обеспеченное положение моих родителей; знает, что я у них – единственный сын, а стало быть, и единственный прямой наследник; но что он слышал, будто я нуждаюсь иногда в деньгах, как вообще часто бывает среди молодых людей, не умеющих сводить концы с концами, и явился предложить мне свои услуги.

– А вы у него разве не были? – спросил следователь.

– Я был у него уже после – двадцать первого марта, в пять часов дня, прямо из нашей канцелярии.

– То есть как же? Один только раз?

– Да, один только раз.

– А разве не заезжали вы к нему еще накануне?

– Нет, не заезжал. Да это я не мог бы забыть, – сказал Лагорин.

– Я так же полагаю; тем удивительнее для меня ваше отрицание бесспорного факта. Вот что говорят по этому поводу показания самого Онуфриева. Вы явились к нему вечером двадцатого марта с заявлением, будто от кого-то слышали, что он ссужает деньги под верные векселя, и попросили у него от трех до четырехсот рублей. Когда он наотрез отказал вам, вопреки всем вашим рассказам о благосостоянии ваших родителей и о том, что вы их единственный сын, вы заявили ему, что у вас есть вексель по предъявлению в четыреста рублей от известного спортсмена графа Козел-Горского, недавно купившего у вас лошадь.

– Что за чепуха!

– Ваше выражение неприлично, господин Лагорин, и я обязан предупредить вас, что грубость, близко граничащая с дерзостью, – вряд ли выгодный путь для восстановления истины.

– Никогда Онуфриев не мог показать нечто подобное! – воскликнул убежденно Лагорин.

– А я предложил вам бы лучше во всем чистосердечно сознаться, – стал уговаривать его молодой юрист. – Этим вы еще хоть сколь-либо облегчите свою участь.

Лагорин хотел возразить, но горло у него судорожно сжалось, давно расшатанные нервы не выдержали, и он разрыдался. Тогда молодой следователь подумал: «Эге! Натуришка-то не из важных; герой тряпичный и только в смельчаки рядиться вздумал! Дело пустое и ясное как день! Но пусть поплачет!»

Анатолий Сергеевич рыдал потому, что только сейчас понял, к какой бездне он подошел. Он почувствовал теперь разом, что судебный следователь успел увериться в его виновности. Но надежда защитить и оправдать себя все-таки вернулась; он осушил свои слезы и попросил:

– Выслушайте меня терпеливо, умоляю вас, и будьте уверены, что я могу во всякую минуту присягнуть пред Господом Богом в том, что вся эта печальная история по обвинению меня в чем-то совершенно непонятном мне – не что иное, как самое печальное недоразумение.

Следователь улыбнулся и ответил:

– Довольно странно, что, состоя на государственной службе, вы не ознакомились с основными условиями всякого расследования. Присяга допускается для свидетелей, и каждый из них по всякому делу допрашивается предварительно с предупреждением о таковой. Обвиняемому было бы слишком легко уклоняться от ответственности, если бы ему достаточно было присягнуть. И вот что я предложу вам: вместо всех ваших, хотя бы и самых хитроумных, измышлений давайте-ка мы вот как все дело разберем. Не угодно ли вам самому взглянуть на этот документ? Признайтесь мне прямо: кем и когда это было написано? – при этих словах следователь достал вексель и, не выпуская его из рук, повторил еще раз свой вопрос: – Это что такое?

Лагорин внимательно прочитал текст от начала до конца и потом, дочитав до последнего слова подписи, ответил:

– Я вижу, что граф Козел-Горский почему-то написал на мое имя вексель по предъявлению в четыреста рублей, но при каких условиях, когда и для какой надобности ему вздумалось это сделать, сказать не могу.

– Значит, вы утверждаете только одно: вексель действительно подписан графом Козел-Горским.

– Да я этого и не утверждаю! Я только читаю то, что вы мне показываете.

Опять ответ показался судебному следователю чересчур смелым. Ведь сам он знал оборотную надпись на векселе, а потому и не сомневался в виновности Лагорина. Желая уличить и привести обвиняемого к сознанию, он повернул вдруг вексель другою стороною и, подставив к глазам Лагорина бланковую надпись, спросил:

– А скажите, пожалуйста, господин Лагорин, вот этот почерк вам знаком?

– Конечно, знаком! – несколько удивленно и даже растерянно проговорил Анатолий Сергеевич.

– Кто же вот это подписал?

– Это я подписал.

Признание Лагориным бланковой надписи своею поразило молодого юриста именно по сопоставлению с прежним заpiresательством. Он спросил с возрастающим недоверием:

– Как же могли вы сделать бланковую надпись на векселе, если никогда не видели графа Козел-Горского, никаких денег ему не давали, лошади ему также не продавали и никаких векселей от него не получали?

– Вот это-то именно я и желал бы рассказать вам, но вы обвиняете меня, не давая возможности оправдаться. Ко мне явился без всякого зова двадцать первого марта, утром, до моего ухода на службу, этот господин Онуфриев. Когда я ответил на его вопрос относительно некоторой запутанности моих дел...

– Вы утверждаете, что ваши дела были запутаны?

– Я не считаю нужным скрывать правду. Холостая жизнь в Петербурге, да еще при множестве соблазнов и некоторой моей избалованности в студенческие годы в Киеве, близ родителей, стоит дорого, и я, как большинство молодежи, впал в долги.

– Так-с! Продолжайте!

– Господин Онуфриев предложил мне с первых же слов триста рублей, сказав, что в тот же вечер, часам к пяти, достанет мне еще тысячу рублей на самых выгодных для меня условиях. Так как нельзя было в точности определить срок векселю, а также и размер процентов, Онуфриев не мог даже указать мне, на чье имя я должен буду написать документ – на свое собственное или на другого заимодавца, которого он имел в виду для остальной суммы в тысячу рублей, то я охотно согласился на его предложение поставить подпись на чистом листе вексельной бумаги, вполне уверенный им, что раз этот лист всего на четыреста рублей, то свыше я и не понесу ответственности. Как очутилась теперь на лицевой стороне векселя подпись графа Козел-Горского, откуда взялся весь текст обязательства на мое имя – я не знаю, но могу еще только добавить, что в пять часов, когда я приехал к господину Онуфриеву, он послал своего дворника за каким-то своим знакомым, с которым по его прибытии разговаривал шепотом, а когда этот знакомый ушел, Онуфриев сообщил мне, что тысячу рублей сейчас дать тот не может, но что непременно через несколько дней доставит их и тогда известит меня.

Как ни был искренен тон всего этого печального рассказа, следователю, предубежденному против Лагорина, он показался только очень смелым и бесцеремонно придуманным вымыслом. Правдоподобного он в нем ничего не нашел, а потому, строго обратившись к обвиняемому, сказал:

– Уж не прогневайтесь, если я не могу голословно поверить подобному рассказу.

– Но почему же?! – с ужасом и даже сильно побледнев, воскликнул несчастный Анатолий Сергеевич.

– Я вам разъясню почему. Во-первых, можно ли поверить, чтобы такой, по-видимому, осторожный человек, как Онуфриев, слышущий среди всех знающих его за скупого, довольствующийся у себя в доме услугами одного дворника и из экономии не держащий даже кухарки, вдруг пришел к вам, так вот с улицы, без приглашения и без зова, предложить под чистый вексельный бланк вам, человеку запутанному и личной собственности не имеющему, триста рублей без срока?

Теперь вдруг Лагорину стало совершенно ясно, что этому действительно никто не поверит, и он почувствовал, как стал холодеть от ужаса перед подобным сознанием.

Но следователь продолжал:

– Впрочем, допустим даже, что дело действительно произошло так и что Онуфриев получил от вас взамен своих трехсот рублей вашу бланковую подпись на чистом листе вексельной бумаги. Какая же цель была бы ему совершать на ваше имя подлог от имени графа Козел-Горского? Как ни алчен Онуфриев, но он и скуп при этом. Не может такой субъект рискнуть ради совсем нелепого предположения, что граф Козел-Горский признает подложную подпись своею и заплатит за вас, тогда как вы ему даже совсем неведомы. Наконец, я еще поверил бы, если бы Онуфриев являлся к вам с угрозами уголовщины и требовал заменить этот фальшивый вексель вашим настоящим на огромную сумму. Скажите, пожалуйста: был ли он у вас с подобным предложением, так как это единственно еще могло бы осветить дело иначе?

– Нет, не был.

– Вот то-то и есть! Поведение Онуфриева как нельзя более ясно. К тому же подтверждением кое-чему служат показания его дворника, Никиты Кириллова, и его хорошего знакомого, Дементия Петрова. Первый из них показал, что в шестом часу пополудни двадцать первого марта его призвал в свою квартиру домовладелец и, указывая на чужого молодого барина, сказал: «Вот вчерашний барин опять приехал; сбегай-ка за Дементием Петровым и попроси его сейчас сюда».

Лагорин вдруг вспомнил:

– Я действительно сам заметил, как Онуфриев сказал своему дворнику про меня: «Вот вчерашний барин». Но я этому не придал никакого значения и подумал, что он просто обмолвился.

– Как у вас все просто объясняется. Но позвольте мне продолжать. Дворник ничего больше не знает, а Дементий Петров говорит, что когда он пришел по зову к Онуфриеву в шестом часу вечера двадцать первого числа, то застал у него молодого человека. Онуфриев сказал ему, что это господин Лагорин, продавший известному спортсмену Козел-Горскому лошадей из своего киевского имения и желающий учесть полученный в уплату от графа вексель в тысячу рублей. Векселей же у него, Лагорина, должно быть, таких несколько, так как один он уже учел у него самого, то есть у Онуфриева. Дементий Петров от учета отказался, так как векселя принимает он только купеческие. Затем он от Онуфриева ушел и больше вас не видал. Так ведь?

– Ничего из их разговора я расслышать не мог, – ответил Лагорин.

– Опять-таки очень находчиво, но маловероятно. Вы все упускаете из виду, что я не могу удовольствоваться находчивыми ответами и требую от вас доказательств. Но слушайте дальше. По словам Онуфриева, вы умоляли его дать вам триста рублей под вексель графа Козел-Горского в четыреста рублей с вашим бланком, потому что вы безумно влюблены в некую Ольгу Николаевну Молотову, которая разоряет вас.

– Это ложь! Это безбожная клевета! Я и имя это не помышлял даже произнести перед совсем чужим мне человеком! – в крайнем негодовании воскликнул Лагорин.

– Это надо доказать.

– Онуфриев не может подтвердить присягою подобное показание! – взволнованно продолжал Лагорин. – Я ему никогда об Ольге Николаевне не говорил. Она никогда не разоряла

меня. Она – честная и достойная девушка. Как смеет этот гнусный клеветник впутывать ее имя в такое грязное дело?

Но следователь скептически сказал:

– Что вы сами начинаете признавать выдачу фальшивого векселя делом грязным – это, конечно, шаг вперед, но впутали вы в него сами имя Ольги Николаевны Молотовой, и я вынужден вызвать ее для выяснения вашей личности. Еще раз советую чистосердечно сознаться во всем. Ваше признание ускорит предварительное следствие, а это тем более дорого для вас, что сократит ваше предварительное заключение...

– Как предварительное заключение?!

– Я обязан принять меры к пресечению вам возможности уклониться от следствия и суда. Лагорин почувствовал, как у него замерло сердце, и едва слышно проговорил:

– Вы хотите арестовать меня?

– А то как же? Обязан. Во-первых, само преступление влечет за собою лишение всех прав состояния.

– Но если я не виновен?

– Вот это вы нам докажите! Наоборот, все прямо ясно и неопровержимо доказывает нам вашу виновность. Только сознание, раскаяние и молодость могут еще вызвать к вам снисхождение. Упорство и изворотливость – плохой путь к спасению. Я сам, при полном вашем раскаянии, мог бы еще изменить меру пресечения и отпустить вас до суда на поруки. Но вы этого, видимо, не хотите.

Внезапно какая-то мысль мелькнула в голове Лагорина, и он, радостно ухватившись за нее, спросил следователя:

– Но какая же могла быть у меня цель в совершении преступления из-за трехсот рублей, когда я сам обеспеченный человек? Отец высылает мне каждый месяц сто рублей, жалованья я получаю пятьдесят, и мне стоило бы только протелеграфировать, чтобы получить не триста, а хоть тысячу рублей от родителей, которые меня во всякое время выручат.

– Ну, на это ответ самый простой: вы же сознаетесь, что запутались в мелких долгах и, стало быть, достать вам еще денег на ваши удовольствия было бы трудно. С другой стороны, вы, вероятно, предполагали до срока векселя все наладить и вывернуться из беды. Может быть, именно рассчитывая на доброту ваших родителей, вы были уверены, что они в крайнем случае выручат вас. Все это в уголовной практике повторялось множество раз. Но тогда грех или преступление искупались сознанием и раскаянием, а в вас упорство вызвано уверенностью, что вы сумеете оправдаться, – произнес следователь и принялся что-то писать.

Лагорин понял, что почва ускользала из-под его ног и что он летит в разверзшуюся бездонную пропасть. У него не было более слов в свое оправдание, так как все, казавшееся ему ясным, представлялось молодому юристу вымыслом и ложью.

По окончании своей работы следователь прочитал обвиняемому все записанное и предложил подписать протокол допроса. Затем он приступил к постановлению о заключении губернского секретаря Анатолия Сергеевича Лагорина под стражу.

В то же утро была вручена повестка с вызовом в качестве свидетельницы и Ольге Николаевне Молотовой. Она страшно перепугалась. Целый день прождала она Лагорина, почему-то думая, что натворил беду Мустафетов, так как в повестке было только сказано: «По делу об учете подложных векселей графа Козел-Горского», – а кем подлог был совершен – не упоминалось. Зная от Лагорина об истории Мустафетова в Киеве, она хотела спросить его, как ей быть, и вообще посоветоваться на случай, если Мустафетов приплел ее к своей жизни.

Увы! Тототша, как она ласкательно называла предмет своих развлечений и утех, не явился даже и к вечеру, ввиду чего она решилась послать за ним служанку. Та вернулась с удивительно странным ответом:

– Подумайте, барышня, что я узнала!

– Да что такое? Ты меня пугаешь.

– Их с утра увез околоточный к судебному следователю и больше о них ни слуху ни духу.

Ольга Николаевна совсем растерялась. Находившаяся при этом мать ее решилась робко заметить:

– Вот твои случайные знакомства, разъезды с чужими, Бог весть откуда явившимися людьми по ресторанам да по театрам.

Но дочь так прикрикнула на нее, что запуганная женщина предпочла умолкнуть и снова поскорее уйти в свою комнату, как улитка в скорлупу.

Ольга Николаевна сумела только додуматься до одного: она отправила свою служанку на Конюшенную, поглядеть, что творится у Мустафетова. Почему-то ей казалось, что ужасная история исчезновения Лагорина в сообществе околоточного надзирателя и вызов ее самой свидетельницей к следователю должны быть связаны с ее последней ссорой с Назаром Назаровичем. Ей думалось, что Мустафетов совершил какую-нибудь штуку, вроде той, за которую его судили в Киеве, и что за Лагорина и за нее теперь ухватилась следственная власть, как за людей, хорошо знавших его.

В трепетном волнении ожидала она возвращения своей горничной. Впрочем, та пришла довольно скоро.

– Ну, что? – набросилась на нее Молотова.

– Видела, барышня, сама видела своими собственными глазами, – начала та, – самих их видела, Назара Назаровича, барышня золотая... Только это стала я подходить к их дому, а коляска-то меня обгоняет и прямехонько к подъезду, так это ловко подкатил кучер. Ну, и Назар Назарович тоже с ловкостью, будто совсем еще молодой барин, и с таким графским форсом, просто что князь какой, из коляски вышли и громко приказывают кучеру: «Отпрягай! Я, – говорит, – сегодня никуда больше не поеду». А лицо у них веселое-превеселое и счастливое-пресчастливое.

Это сообщение, должно быть, мало понравилось Ольге Николаевне, и она довольно резко заметила своей девушке:

– Удивительная наблюдательность в тебе вдруг проявилась! То пред глазами своими ничего не разберешь и путаешь, то внезапно разобрала, весел ли и счастлив Назар Назарович. К тому же для меня это совершенно безразлично; я только посылала тебя узнать, не случилось ли, чего доброго, и с ним какой-нибудь беды. Ступай!

Оставшись в одиночестве, она подумала: «Странно! Если бы Мустафетов учинил какое-нибудь темное вексельное дело, то ведь его арестовали бы. Вероятно, Тотошу так же, как меня, вызывали свидетелем, а там, может быть, с ним приключилось что-нибудь совсем неожиданное. А если?.. Но, Боже мой, даже страшно подумать! И притом что такое мог бы учинить Тото? Не из таких он. Впрочем, откуда у него все это время были деньги? Я даже спрашивала его раз, когда он при мне в течение трех дней вторую сотенную менял. Он говорил, что у него скоро еще больше будет, что такой благодетель старичок нашелся. Но неужели он пустился в какую-нибудь компрометирующую аферу? Вот меня в свидетели тащат... Как это ужасно! А хуже всего – это теряться в предположениях и догадках».

Конечно, никто до следующего дня не мог дать ей ответ на все мучительные вопросы. Она провела беспокойную ночь и на другой день, уже в половине десятого, входила в здание окружного суда, значительно опередив назначенное по вызову время. Целою вечностью показались ей эти полтора часа. На какие жертвы не была она готова, лишь бы поскорее узнать, в чем дело. Но, когда наконец ей пришлось предстать перед следователем, она все-таки постаралась казаться спокойною.

После формальностей начался допрос:

– Вы знаете губернского секретаря Анатолия Сергеевича Лагорина? – спросил молодой юрист.

– Да, знаю, он бывает у нас.

– В качестве кого бывает или, вернее, бывал у вас в доме Лагорин: в качестве ли жениха или просто хорошего знакомого?

– Он просил моей руки, но знал, что я за него не могу выйти и никогда не выйду замуж, и продолжал ездить к нам просто как хороший знакомый.

– Почему вы сказали, что не могли выйти за него замуж и никогда не вышли бы?

– Он для меня не партия.

– А разве его материальное положение вам хорошо известно?

– Да, он от меня ничего не скрывал.

– Ах, вот как! Так не потрудитесь ли вы мне точнее определитесь, в чем выразалось материальное положение господина Лагорина?

– Я знаю, что из дома ему высылали, должно быть, очень немного, – сказала Молотова, – он всегда нуждался в пустяках, а расход в двадцать-двадцать пять рублей считался по его средствам крупным. Если иногда я просила его о маленькой услуге, он не скрывал, что сегодня у него денег нет, а завтра постарается достать и непременно купит то, чего я просила.

– Ну, а вы часто выезжали с Лагориным вместе по театрам, в цирк или в отдельные ресторанные кабинеты?

– Прежде не очень часто; только вот в эти последние дни у него было больше денег, и он каждый день приглашал меня куда-нибудь.

– Угодно вам, может быть, определить более точно ваши отношения к Лагोरину? Это и для вас, и для него очень важно!

– Я – девушка, – сказала Молотова, стыдливо вспыхнув очень кстати и умело. – Я выезжала с ним потому, что верила ему и никогда не ожидала от него ничего дурного.

– Однако господин Лагорин рассказывал некоему старику Онуфриеву, будто вы вовлекли его в непомерные расходы и даже запутали в долгах.

– Я его вовлекла? Я запутала?

Молотова даже побледнела от негодования. Такая ложь, такая черствая неблагодарность за ее ласки, за ее поцелуи, за ее удивительную к нему снисходительность! Разве: когда-нибудь она требовала от него?.. Эта низость глубоко возмутила ее.

А следователь продолжал:

– Лагорин говорил этому свидетелю, будто вы постоянно требовали от него самых невозможных вещей. Правда это?

Ольга Николаевна сочла нужным горячо вступить за себя. Она заявила:

– Это со стороны Анатолия Сергеевича такая возмутительная клевета, что я хотела бы ему в глаза сказать, как он бессовестно лжет, вероятно с целью оправдать себя.

– Очень возможно, что вам представится подобный случай, – заметил следователь. – Я дам вам очную ставку с ним.

– Я и без очной ставки всю правду скажу. Я вообще ненавижу ложь, притворство и людей, старающихся казаться выше своего настоящего положения. Я смотрела на Лагорина, как на совсем безопасного мне компаньона и развлекателя. Не опасаясь с ним за что-либо серьезное потому уже, что сама я никогда увлечена им не была, я, однако, теперь должна сознаться, что сделала непростительную ошибку. Я принимала от него всякие мелкие услуги как выражения дружеского желания угодить мне. Так, например, он брал мне билеты в театр и сам ехал со мною; иногда устраивались поездки в загородные увеселительные заведения, часто мы с ним обедали или ужинали где-нибудь в ресторане.

– В отдельном кабинете? – поинтересовался следователь.

– Да. Ему это доставляло большое удовольствие, а мне было безразлично, – с полнейшим отсутствием какой-либо застенчивости, точно считая это совершенно понятным, пояснила Ольга. – Но я хочу сказать вам, что ничего подобного я никогда от Анатолия Сергеевича

не требовала, так как знала его стесненные денежные обстоятельства. Я, напротив, всегда говорила ему, чтобы он только не делал глупостей. И вдруг на днях он явился к нам с несколькими сотенными бумажками и на мой вопрос ответил, что достанет еще и еще. Он сказал мне: «Я теперь открыл источник».

– Вы положительно помните, что на ваш вопрос Лагорин именно так выразился?

– Слово в слово.

– И вы готовы подтвердить это на суде под присягою?

– Да как же не готова, когда это чистейшая правда? Моя обязанность ничего не скрывать.

– В таком случае могу объявить вам сущность дела: Анатолий Сергеевич Лагорин обвиняется в подделке и учете векселя от имени графа Козел-Горского.

– Неужели? Но ведь это ужасно! Так эти деньги он достал под фальшивый вексель? Но скажите, пожалуйста: о чем он думал, несчастный? Ведь теперь он погиб! И ведь вот какая странная вещь: я всегда находила его ненормальным.

– Ваше показание достаточно ясно и определено, – сказал следователь. – К тому же все, сказанное вами до сих пор, вполне подтверждает составившееся у меня по сему поводу убеждение, – и с любезностью, вызванною полнейшим удовлетворением ее показаниями, следователь заключил: – Я сейчас запишу ваши слова, вы потрудитесь подписать их – и затем свободны.

В последнем Молотова ни на минуту и не сомневалась. Однако негодование не покидало ее. То, что случилось с Лагориним, ни на минуту не вызвало в ней жалости и сострадания к нему, а испугана она была сперва только за себя. Когда следователь сообщил ей то, что говорил ему Онуфриев будто бы со слов Лагорина, она, судя других по себе, поверила, что Тото мог так отозваться о ней. В ней зародилось чувство столь сильной злобы против человека, которого она никогда сердцем не любила, а с которым ей просто было приятно и вкусно целоваться, что она теперь уже не называла его иначе как бранными словами, среди которых «этот нищий дурак» мог считаться еще наименее жестоким эпитетом. Ужаснее всего то, что она сразу поверила обвинению и что она, стало быть, весьма мало знала бедного Тото, если считала его способным на такой гадкий поступок, и под влиянием этого же вновь стала думать о Мустафетове.

Уже с вечера ссоры с Мустафетовым самолюбие Молотовой страдало от того, что армянин на нее точно рукой махнул, точно совсем более не интересуется ею. Неужели Назар Назарович совсем отрекся от нее, на которую только что не молился перед тем? Она ожидала совсем другого. Она рассчитывала, что после письма-ультиматума он закидает ее просьбами, заклинаниями, коленопреклонениями, мольбами о прощении, и сама надеялась хорошенько помучить, лучше проучить его.

Хоть и было весело в обществе тогда еще милого Тото, но дни проходили за днями в напрасных ожиданиях известий от Мустафетова и в столь же бесплодных, обидных сомнениях. А теперь, когда развлечениям пришел столь резкий конец и когдастряслась совсем неожиданная беда, когда Ольга Николаевна убедилась, до какой степени может оказаться низким и неблагодарным человек, притворявшийся честнейшим, а затем позволивший себе рассказывать какому-то ростовщику, будто она была причиной его нужды, запутывая и втягивая его в непосильные траты, – что станет она делать, если Мустафетов более не вернется? Ведь она очутилась в полном одиночестве.

И Ольга Николаевна стала искать повода снова примириться с армянином, и так как ей пока еще казалось неудобным лично заехать к Назару Назаровичу, то хоть подослать к нему свою девушку с поручением кое-что поразведать.

IX. Перед делом

Между тем именно в этот день у Мустафетова происходили события чрезвычайной важности, и началось все это с утра. Так заранее было обусловлено и им самим определено.

Еще с десяти часов у него находился Роман Егорович Рогов, проявлявший некоторую возбужденность душевного состояния. Наружный вид гравера изменился во многом к лучшему, а около него лежал приличных размеров темный кожаный портфель с вытисненными золотом именем, отчеством, фамилией и званием помощника присяжного поверенного. Некоторое время Мустафетов и Рогов смотрели друг на друга молча; но последний наконец не выдержал и спросил:

– Не пора ли?

Мустафетов медленно достал из жилетного кармана золотой хронометр, взглянул на него и ответил:

– Рано: всего двадцать минут одиннадцатого, а мы решили, что ты поедешь ровно в одиннадцать.

– Не все ли равно?

– Всегда и во всем требуется выдержка, которая закаляет характер, – ответил Мустафетов и пояснил далее: – Конечно, в данном случае преждевременный приезд не представил бы существенной разницы для дела, но менять наши первоначальные решения я тоже не вижу никакой надобности.

– Скучно как-то ждать.

– Ну что ж делать! Меня больше удивляет отсутствие Смирнина. Между нами было точно условлено, что он на службу в свою «Валюту» сегодня не пойдет. Он должен был вчера отпроситься на три дня ввиду своих наследственных дел. Он знает, когда тебе надо ехать.

– Так что же? Ехать, ты сам говорил, надо еще только в одиннадцать, а теперь и половины нет.

– Все-таки я ожидал его еще раньше тебя. Он здорово трусит: новичок!

– Не беспокойся, приедет.

Точно в ответ, раздался в передней дребезжащий электрический звонок.

– Ты думаешь, он? – спросил Мустафетов.

– Не только думаю – у меня сердце чувствует. Да вот и голос его.

Действительно, через минуту в кабинет вошел Смирнин. Все поздоровались, а Мустафетов спросил:

– Ну что, отделался?

– Отделался-то отделался, только чем ближе час, тем более думается: «Зачем я согласился?»

Мустафетов рассердился, и его гнев выразился в презрительной интонации, с которой он сказал Смирнину на «вы»:

– Жалеть теперь либо поздно, либо еще рано: поздно потому, что назад идти вам уже нельзя, а рано потому, что для того, чтобы раскаиваться, надо попасть в объятия прокурора.

– Типун вам на язык!

– Благодарю, и вам также. Но суть не в пререканиях, а в мере здравого смысла. С вашим миленьким характером далеко не храброго героя, конечно, было бы безрассудством лезть сегодня на глаза в банк. Вам себя не победить, так же как не удержаться с первых же дней получения денег от широких трат.

– Мы недаром пустили слух о выпавшем мне богатстве.

– Да, конечно: этим, по крайней мере, объяснится ваше мотовство.

– А я все-таки хочу сейчас же удрать подальше: лучше всего было бы за границу.

Эта мысль Смирнина не понравилась Мустафетову, и он горячо воскликнул:

– Только этого не делайте! Сколько еще раз придется мне рекомендовать вам выдержку на первых порах? Сотни преступлений, гениально задуманных и удачно выполненных, могли бы пройти гладко, если бы на первых порах не закружились до растерянности головы у получающих сразу огромный куш.

– Не вы ли сами говорили, что лучше бы мне никому в банке не мозолить глаза? – возразил Смирнин.

– Я это говорил только по отношению к сегодняшнему дню, – сказал Мустафетов, – но, когда уже получатся деньги, вам даже необходимо показаться всем, необходимо, хоть на первое время, остаться на службе; это нужно для вашей же безопасности в будущем.

Однако Смирнин поглядывал на портфель.

– Что вас так удивляет? – спросил Рогов, подметив этот взгляд.

– Смотрю на надпись. Право, господа, у вас до совершенства разработаны мельчайшие подробности! – Смирнин взял портфель в руки, вслух прочитал отпечатанную на нем золотом надпись: «Борис Петрович Руднев, помощник присяжного поверенного» – и одобрил: – Важно!

– Так больше эффекта, – сказал Рогов, тоже смеясь. – Приеду я в ваш чопорный и строгий банк, положу пред каким-нибудь помощником бухгалтера, вроде вот вашей милости, портфель с вытисненной надписью на самом виду у него под носом, – ему и в голову не придет подозревать, когда я ему представлю документки...

На это Смирнин ответил:

– Да если бы у нас ко всем относились с подозрением, то не хватило бы времени дело делать. У нас каждое требование через пять рук пройдет да в десяти местах запишется. Нам либо с книгами возиться, либо клиентов изучать.

– Не клиент, а документ в любом банке играет первостепенную и единственно существенную роль, – решил Мустафетов и добавил: – Мы этим пользуемся на основании весьма мудрой поговорки о том, что на то и щука в море, чтобы караси не дремали.

– Ну, господа, – встал со своего места Рогов и взялся за портфель, – вы тут философствуйте сколько вам угодно, а мне пора.

– Все ли в порядке? – спросил Смирнин.

– Не беспокойтесь: все-с! – и Рогов наскоро попрощался с обоими; они провожали его всевозможными напутствиями, а в тот момент, когда выходная дверь на лестницу уже захлопывалась за ним, он браво прокричал им: – Дело мастера боится!

Смирнина, по уходе главного исполнителя этого наглого банковского хищения, охватил нервный озноб, Мустафетов же умело скрывал свое волнение и казался совершенно спокойным; он только курил чаще обыкновенного. Так просидели они молча в кабинете обер-плута, пока наконец Иван Павлович, не владея более собою, опустился совсем глубоко в свое огромное кресло и задыхающимся голосом проговорил:

– Страшно!

– Чего же страшно? – очень спокойно спросил его Назар Назарович и даже улыбнулся.

– Как чего?... А вдруг Роман Егорович попадетсЯ? Его ведь уже не выпустят.

– Очень будет жаль! – вздохнул Мустафетов. – Подобных исполнителей, добывающих из самого пылающего жара каштаны, да еще честно приносящих их посланным для дележки поровну, – нелегко встретить. Если он попадетсЯ, будет тем более жаль, что ему уже не спастись: его не выпустят.

– А как же мы? – спросил с совсем замирающим дыханием Смирнин.

– Что же мы? Разочаруемся в наших выпренных надеждах, широких планах и мечтах, разрушим свои воздушные замки, головы свои пеплом посыплем, но одежд не раздерем, потому что нам не на что будет другими обзавестись.

– А я в банке рассказал, что сегодня часть наследства получу...

– Скажете, что отложено.

Но Смирнин не унимался.

– Положение, право, такое, что я готов и сейчас еще ото всего отказаться! Лучше бы я никогда не соглашался! Я не мучился бы теперь. Ведь что только будет, если и нас сцапают?

– Не может этого быть.

– Да почему вы так уверены?

– Потому что иду вослед логике.

– Ну, а теперь-то что же по вашей мудрой логике следует? – спросил Смирнин.

– Все спокойно и безопасно, – ответил Мустафетов. – Я уж не говорю о том, что у нас все обдуманно и мастерски предусмотрено, что документики у нас в исправности и что сам мой драгоценнейший друг Роман Егорович наделен от природы таким апломбом, что дело сорваться не может.

– Но если сорвется? – упрямо настаивал Смирнин, желая почерпнуть от Мустафетова хоть долю его уверенности.

– Для этого нужно допустить только одну, почти невозможную, совершенно невероятную и действительно крайне фатальную случайность.

Разумеется, успокоить этим труса было нельзя. Напротив, он моментально позеленел, и от страха у него во рту пересохло.

– Значит, все-таки случайность может быть? Вы сами допускаете? – проговорил он, лихорадочно постукивая челюстью о челюсть.

– Да перестаньте трусить! – прикрикнул на него Назар Назарович. – Как вам не стыдно? Вы даже рассуждать не в состоянии. Ну, подумайте хорошенько, и вы тотчас же убедитесь, что все шансы полнейшего успеха на нашей стороне. Чтобы Роману Егоровичу попасться, надо разве самой купчихе приехать в банк «Валюта» именно сегодня за своим вкладом. Если этого не будет, то почему кто-либо там заподозрит его?

– А вдруг и вправду она приедет?

– Вот если приедет, то, конечно, Романа Егоровича схватят и попросят впредь не шалить. Но мы-то с вами тут при чем? Нас впутывать он никогда не станет. Да ему нет ни цели, ни выгоды в этом.

– Да дело-то раскроется?

– Ну, так что же? Ни против меня, ни против вас ни единой улики нет.

– Следовательно доберется. Ведь Роман Егорович сам сознается, когда увидит, что его дело лопнуло.

– Никогда в жизни!

– Да почему вы так уверены?

– Опять-таки потому, что руковожусь все той же логикой! – сказал Мустафетов. – Рогов – малый умный и очень хорошо знает, что в несчастье лучше сохранить друзей на воле, нежели врагов в неволе, то есть под боком с собою в остроге.

– Хорошо. Но вы мне не дали досказать вот какое предположение, – продолжал Смирнин, – следовательно прежде всего пустится на разведки, где в последнее время чаще всего бывал Рогов и с кем водил компанию. Вот и узнают, что у вас он со мною встречался, а что я служу помощником бухгалтера в отделении вкладов банка «Валюта»... Ну, стало быть, я и передал ему вкладной лист.

– Допустим даже, что все это так, – ответил Мустафетов, – хотя данных к тому, чтобы разведать, где чаще всего бывал Роман Егорович в последнее время, у следственной власти никаких явиться не может. Но допустим, как вы говорите, что до нас доберутся. Ведь это только самая отдаленная косвенная улика. Мы с вами – не дети, которых можно заставить говорить по желанию, и сознаваться вам нет никакой надобности.

– А если нас уличат?

Терпение Мустафетова лопнуло; он грозно сверкнул глазами и сказал:

– Не каркайте. Молчите!

– Это ужасно! С ума можно сойти! Что я наделал? Что я наделал! – завопил Смирнин, шагая растерянно по кабинету. Потом он остановился, подумал, взял с подоконника свою шляпу и робко заявил: – Назар Назарович, я лучше пойду.

– Куда это? – удивленно спросил тот.

– Я пойду к Роману Егоровичу навстречу. Я буду ждать его на пути: он ведь скоро приедет.

– Вы с ума сошли? Нет, я не пушу вас. Вы не в нормальном состоянии, еще черт знает каких нелепостей натворите. Экое малодушие!

Однако Мустафетов сам вздрогнул и замер на месте. В передней раздался звонок.

Тревога была фальшивая: звонил почтальон, занесший какую-то рекламу об усовершенствованных горелках, так что Мустафетов выругался и сказал Смирнину:

– Ну вот вам и объяснение напрасного страха. Так, как вы, малодушничать нельзя. Знайте, что если я руковожу делом, то, раз доверившись мне, вы должны всецело подчиняться моей воле.

– Это насилие.

– Называйте как хотите.

– Но если мне душно здесь, если я задыхаюсь в этих стенах?

– Можно форточку открыть.

– Вы все смеетесь надо мной. Я пойду и буду гулять только перед домом. Я уверен, что Рогов должен теперь скоро приехать.

– А я говорю вам, что вы отсюда шага не сделаете, – безапелляционным голосом сказал Мустафетов. – Если бы мне понадобилось, то я готов употребить против вас силу. Я скручу вас веревкой, завяжу вам рот, чтобы вы не кричали, и положу вас на этот диван, пока дело не будет кончено.

В этот момент Смирнин ясно почувствовал, что Мустафетов способен сделать это. Он инстинктивно сознавал по одному выражению глаз Мустафетова, что в такие минуты тот ощущал огромный прилив силы. В то же время он сознавал, что уходить куда бы то ни было глупо и бестактно.

– Какой вы, право, странный! – сказал он, несколько сконфуженный, и отошел снова к прежнему месту у письменного стола, к креслу.

Назар Назарович нарочно стал насвистывать игривый мотив из какой-то оперетки.

Вдруг снова раздался звонок.

Теперь только можно было заметить, до какой степени волновался и хозяин дома. Мертвенная бледность покрыла его лицо. На минуту он замер. У Смирнина же от перепуга даже ноги тряслись, и он не был в силах промолвить и слова.

Но менее чем через минуту Мустафетов овладел собою и пошел в переднюю, за ним последовал и трясущийся от страха Смирнин.

Никто из слуг не шел. Дверь пришлось открыть самому хозяину. На устах его уже дрожал вопрос: «Ну, что?» – когда он вдруг увидел перед собою совсем другое лицо. То был Гарпагон.

– Ах, это вы! – бросил Мустафетов, не имея уже силы придать своему лицу и интонации голоса более любезное выражение.

– Это я-с, – ехидным шепотком проговорил старый плут. – Пришел с приятной весточкой: вчера, как я достоверно узнал, засадили голубчика, хе-хе-хе, засадили, как они выражаются, безусловно, по высшей мере, хе-хе-хе...

Назар Назарович не нашелся даже сразу, что ответить на это: так далек он был теперь от мысли о Лагорине.

– Извините, – сказал он, боясь, как бы Гарпагон не расселся тут, – но я занят по крайне важному делу... Ведите дальше все по известному плану.

– Хе-хе-хе, уж мы главное сделали, а теперь пустое остается.

– Ну, и прекрасно. Извините, но я на днях сам заеду к вам...

– А мои сто рублей?

Лицо Гарпагона вдруг вытянулось и потускнело, но Мустафетов с такой готовностью удовлетворил его желание, что он без дальнейших околичностей согласился убраться.

Широко раскрыли пред ним дверь, и он столкнулся лицом к лицу с возвращавшимся Роговым.

– Ну, что? – кинулись к нему Назар Назарович и Иван Павлович.

– Дело, господа, отложено.

– Как отложено? – в ужасе спросили тот и другой.

– А это надо вам рассказать подробнее.

В неимоверном волнении последовали Назар Назарович и Иван Павлович за Роговым в кабинет. Тут они снова набросились на него с расспросами, как, что, почему, не случилось ли уже чего?

– Во-первых, господа, извольте сесть и успокоиться, – сказал он каким-то торжественным тоном. – Чего вы волнуетесь? Не понимаю даже! Ведь дело совершенно просто.

– Просто для тебя, так как ты все знаешь, но не для нас.

– А для тебя, – обратился к Смирнину Роман Егорович, – давно должно быть известно, что в банке «Валюта» выдача вкладов производится через два часа по предъявлении требований.

– Стало быть, благополучно?

– Понятное дело! Если бы было неблагополучно, разве я мог бы вернуться сюда? Ведь меня, раба Божия, мигом скрутили бы!

– Как ты спокойно говоришь об этом! Неужели тебе не страшно? – спросил Смирнин.

– Пока нисколько. А хорош бы я был, если бы дрожал как лист. Вообще надо уметь владеть собою, а в дни важных исполнений надо непременно принимать хорошую долю брома.

– Это верно, – согласился Мустафетов. – И вот, пока ты ездил в банк, я то же самое советовал Ивану Павловичу. Помилуй, не сидит спокойно, так вот и мечется: хотел к тебе навстречу бежать.

– Не годится.

– Я чуть не был вынужден связать его. Только под этой угрозой и присмирел он немножко. Ну, да с этим уже кончено. Лучше расскажи нам подробно: как ты приехал, какое вынес впечатление, что сам испытал?

– Вот видите ли, господа, прежде всего сядьте; ну, а теперь извольте слушать. Должен сознаться вам, что я вышел отсюда тоже в большом волнении. Но мне главным образом хотелось скорее приступить к вожделенному моменту. Я прошел до угла улицы – и ни одного извозчика; наконец, вижу, у перчаточника стоит один. Вскрываю в пролетку и команду: «В банк „Валюта“!» Как назло, попалась кляча невозможная. Лупит и возчик ее и так, и сяк, а все рыси нет. Попробовал я выругаться; вижу – не помогает; давай, думаю, в философию пушусь, рассуждая сам с собою, что всему в жизни бывает конец, а стало быть, и до цели я когда-нибудь доберусь. Ну, наконец и доехал. Слез, дал извозчику два пятиалтынных и направился в главный подъезд. Народу, как назло, тьма-тьмущая. Ну, я протолкался до стойки выдачи вкладов. Чиновник – эдакий вроде тебя, Смирнин, – на меня ноль внимания: жалованья получает рублей шестьдесят в месяц, а нас, миллионщиков, в грош не ставит, думает: «Давай-ка я над ним поломаюсь!» А я разложил пред его глазами свой портфелище, так что ему в нос бросилось: «Помощник присяжного поверенного Борис Петрович Руднев», да и говорю: «По доверенно-

сти вдовы купца первой гильдии Евфросиньи Псоевны Киприяновой вклад получить надо». Он говорит: «Позвольте документы». Ну, я ему сейчас все и выложил.

– Страшно! – сказал Смирнин, вздрогнув.

– Представь себе, в этот момент я чувствовал себя гениально спокойным. Ни одна жилка во мне не дрогнула. Я даже ответил ему шутливым тоном: «Как же, конечно! Без документов никак нельзя! Извольте получить-с». Медленно, совершенно спокойно и с коровьим хладнокровием стал я просовывать ему через его форточку по одной бумажке. «Вот это, – говорю, – доверенность Евфросиньи Псоевны Киприяновой; вот это – подлинная банковская квитанция о вкладе; вот это – мой личный документик, а в подкрепление ему извольте получить удостоверение из участка».

– Что же дальше?

– А дальше просмотрел он все эти бумаги, выдал мне жетончик и велел через два часа опять прийти. Таков уж у них порядок.

– Все жилы вытянут в эти два часа! – воскликнул в томлении Смирнин.

– Что, батенька, не любишь? – обратился к нему шутя Роман Егорович и, хлопнув его по колену, прибавил: – А когда сам по целым часам заставляешь клиента дожидаться, так небось забываешь, что у них в душе происходит?

Мустафетов вмешался и сказал:

– Положим, при такой огромной сумме можно было попросить скорее дело сделать. Я был уверен, что ты это сам сумеешь, а потому и не просил.

– Как это вы, господа, все рассуждаете! – ответил с некоторым укором Рогов. – А еще ты, Назар Назарович, сам все выдержку проповедуешь! Тут надо совершенно спокойно подчиняться раз установленному правилу. Два часа в жизни ничего не значат.

– Ну, не скажите! А по-моему, даже и для приговоренного к смертной казни два часа имели бы значение: предстоял бы случай удрать.

– Я принял от чиновника протянутый мне жетончик и снова пошутил: «Вот как мы вам доверяем-с! На полмиллиона рублей у вас наших документов, а вы мне взамен их какую-то штучку всучили!»

– А он что?

– Да что! Ничего, смеется. Расстались мы с ним друзьями. Он, наверное, подумал: «Вишь, мол, адвокат, как у него по привычке язык лопочет».

– Ну, не прав ли я был, говоря вам, – сказал Мустафетов Смирнину, – что наш Роман Егорович – удивительный исполнитель? Ведь это такой талант!

Смирнин замирал в своем кресле. Ему и страшно было, и завидно при взгляде на этих двух людей.

– Не хочешь ли закусить? – спросил Мустафетов Рогова.

– Нет, это я не в силах сделать – возбужденное состояние духа не допускает. Уж закусим мы после! Вот бы испить чего-нибудь прохладительного, шипучего и сладкого... фруктовой воды, например.

– Какой хочешь?

– Хорошо бы ананасной!

Мустафетов немедленно распорядился, и сообщники опять стали ждать.

Но время для всех троих подвигалось туго. Смирнин нервничал до невозможности, Мустафетов был серьезен и молчалив, а Рогов хоть и шутил, но было заметно, каких огромных усилий стоило ему это.

– Вскоре, господа, – сказал наконец Рогов, впадая в какой-то пафос, – на Руси будут три новых богача. – Вдруг он ударил себя по лбу и, точно спохватившись, сказал: – Но ведь надо же мне справиться с биржевым курсом. Почем она стоит, государственная-то ренточка?

– К чему же это сейчас нужно? – спросил его Мустафетов.

– Во-первых, приблизительный расчет сделать не мешало бы...

– Пожалуйста, никаких расчетов вперед не делай! Я суверен и этого терпеть не могу.

– Но надо же мне знать, когда я приеду в контору Юнкера менять бумаги, сколько за них спрашивать. Где у тебя газеты?

– Вот на диване одна лежит. Переверни страницу и посмотри в отделе «Биржа». Не тут ищешь.

– А где же?

– Да вот первая рубрика; в заголовке написано: «25 марта»; тут и ищи: «4 проц. гос. р.» Это значит: четырехпроцентная государственная рента. Что там сказано?

Рогов прочел и произнес:

– Что же, господа, бумаги наши хорошо стоят!

– А ты думаешь, – спросил его Мустафетов, – что так тебе в конторе у Юнкера и заплатят по курсу целиком?

– Зачем это думать! Знаю я, что мы, капиталисты, всегда при обмене наших фондов теряем, но все-таки надеюсь, что обобрать себя не дам.

Друзья замолчали. Мустафетов снова над чем-то задумался, Смирнин же, обрадовавшись появлению на столе шипучей воды, поминутно отпивал из стакана и старался хоть этим погасить разжигавшее его внутри пламя.

Наконец Рогов взглянул на свои дешевенькие никелированные часики и сказал:

– Наступает, друзья мои, великий и торжественный момент. Нам пора ехать.

– Как «нам»?

– Очень просто. Я нахожу, что здесь вы не в состоянии встретить меня достойным образом. Поезжайте в мой любимый ресторанчик, займите большой, хороший кабинет, закажите самую роскошную закуску. Советую позвать распорядителя, это человек опытный и дело свое знающий. Обратитесь к нему – его зовут Леонбаром – и попросите его отличиться на славу. Обед пусть будет русский, а вина французские. Смешаем таким образом два прекрасных совместимых. Да будет между двумя великими нациями то единственное слияние, которое понятно моему скромному разумению.

Мустафетов остановил его:

– Не увлекайся красноречием, а поезжай. Нам же ехать еще рано. Я только тогда тронусь из дома, когда ты сам из банка заедешь или пришлешь ко мне посыльного от Юнкера сказать, что дело готово.

– Ну, согласен. Только в ресторане вам было бы веселей и время скорее прошло бы. У меня как-никак часик на все уйдет.

– Ну, поезжай!

Мустафетов тяжело дышал.

Смирнин хотел что-то сказать и наконец решился уже в передней.

– Пожалуйста, – проговорил он сквозь посиневшие и дрожавшие губы, – если малейшая опасность, то бросай все и беги!

– А ты не из храбрых!

– Зачем я только ввязался в эту ужасную историю! – невольно воскликнул Смирнин.

– А что же, если хочешь, откажись в нашу пользу от своей доли, – сказал ему, уже надев пальто, Роман Егорович. – Мы с Мустафетовым не обидимся и поровну разделим.

Дверь распахнулась, выпустила Рогова на лестницу и захлопнулась.

Х. Удача

Роман Егорович сбежал вниз и очень обрадовался, когда, выйдя на крыльцо, увидел проезжавшего шагом лихача.

– Стой! – крикнул он.

– Куда прикажете?

– Не рассуждать! Рядиться я не люблю, – строго скомандовал Рогов. – Служи мне как следует и внакладе не останешься. Пошел в банк «Валюта»! Ехать полным ходом, чтобы я не опоздал.

Извозчик понял, встреча была счастливая, натянул вожжи, и его добрый конь помчал легкую пролетку.

– Дождись! – крикнул извозчику Рогов, подъехав к банку.

Он вбежал по ступенькам в парадное крыльцо, потом, не снимая пальто, прошел в отделение вкладов и стал в очередь.

Перед ним было четыре человека: старуха, уже стоявшая у самого окошечка отделения и перелистывавшая какие-то процентные бумаги; за нею – человек типа артельщика; потом – толстый купец с красным, вспотевшим лицом и блестящими волосами, наконец, какой-то отставной военный.

Рогов делал все, что было можно, чтобы попасться на глаза служащему в отделении вкладов. Тот в самом деле вскоре увидел его, и тогда случилось нечто очень странное: служащий закрыл свое окошечко, оставив недоумевающую публику ждать его возвращения, и куда-то удалился. Немного погодя он вернулся вдвоем с каким-то другим господином и показал ему голову на Рогова.

Роман Егорович почувствовал нечто вроде мурашек, пробежавших сначала по спине, а потом словно рассыпавшихся по всему телу.

«Не бежать ли?» – мелькнуло у него в голове, но он не двигался с места, и его глаза не могли оторваться от этих двух служащих банка, о чем-то совещавшихся, очевидно по его поводу.

Вдруг один из них, тот, который был постарше, подозвал одного из банковских сторожей и, указывая на Рогова, дал ему какое-то приказание.

«Вот она, минута-то! – подумал Роман Егорович. – Пан или пропал! Огромная сумма или арестант?»

Но тут кто-то слегка коснулся его рукава.

– Начальник отделения приказали просить вас туда, за решетку, – почтительно доложил ему сторож. – Там свободнее будет, так как билетов считать вам много придется.

Огромный прилив сил вдруг выпрямил Романа Егоровича.

– Веди, веди, брат! – сказал он сторожу и с легкой насмешкой по поводу минутного перепуга подумал: «За эту решеточку можно с удовольствием пройти, лишь бы вы, черти, меня за другую не усадили!»

– Сюда пожалуйста! – вежливо обратился к нему старший служащий отделения, как только он проник за перегородку.

Там Рогову предложили стул, и он уселся за большой стол, обитый черной клеенкой.

Служащий счел долгом соблюсти одну маленькую формальность, хотя сомнений никаких иметь не мог, и спросил:

– Ваш жетончик позвольте!

– Вот он.

– Что получать изволите?

– Полмиллиона рублей четырехпроцентной государственной ренты по доверенности вдовы купца первой гильдии Евфросиньи Псоевны Киприяновой. Честь имею представиться: помощник присяжного поверенного Борис Петрович Руднев.

– Очень приятно. Садитесь, пожалуйста! Сейчас вам сюда подадут.

И действительно, другой служащий, который принял от Рогова за два часа пред тем документы, положил пред ним на стол большой портфель из серого картона, на верхнем ярлыке которого Рогов прочитал: «Вклад Киприяновой. 500 тысяч 4 проц. г. р.»

– Потрудитесь проверить, – предложил служащий и сам присел рядом, предоставляя публике ждать перед захлопнутым окошечком.

– Да-с, – сказал Рогов, как-то комично вздохнув, – проверки требует формальность, хотя, положим, в таком учреждении, как ваше, не может быть никаких сомнений... Сюда вора не пробраться.

Вынимая из портфеля билеты, он облизывался, как перед чем-то очень вкусным. Денег была почтенная пачка, и они были рассортированы по достоинству.

– А вот начнем-ка с этих, – сказал он, берясь за пятитысячные листы. – Раз, два, три... эге, сколько их! Это значительно облегчит нашу задачу... Позвольте-ка мне счеты, господа.

Он отсчитал десять листов по пяти тысяч и прикинул костяшками на счетах; потом сделал еще такую же пачку, еще и еще, затем принялся за остальные. Со вниманием производил он операцию, на каждом листе взглядывая на купон. Он знал, что теперь находится уже в полной безопасности, и ему доставляло огромное наслаждение разрабатывать в самом себе это спокойствие, щекотавшее его гордость.

Когда все было сосчитано, проверено и аккуратно сложено в портфель, он встал и, пожав руку обоим банковским служащим, сказал им на прощание:

– Примерное у вас учреждение!

Те благодарно раскланялись.

Выйдя на улицу и садясь в пролетку лихача, Рогов скомандовал:

– На Невский, к Юнкеру.

В банкирскую контору Юнкера он вошел уже совершенно бойко и смело, подошел к одному из конторщиков и вежливо, но с большим достоинством обратился к нему:

– Нельзя ли мне видеть управляющего конторой? Реализация бумаг на значительную сумму.

Конторщик направился в другое отделение. Через минуту он вернулся с каким-то другим господином, который подошел к Роману Егоровичу с вопросом:

– Чем можем служить вам?

– Честь имею представиться: я – помощник присяжного поверенного Борис Петрович Руднев. Одной из моих доверительниц мне поручен обмен государственной ренты на значительную сумму.

Он приоткрыл портфель, словно хотел достать оттуда процентные листы, но господин остановил его предложением:

– Не угодно ли пожаловать вам сюда? Здесь будет поудобнее.

Роман Егорович проследовал в другое отделение. Там он занял предложенное ему место у письменного стола и, когда господин тоже сел, вынул все билеты, не упустив из виду положить портфель так, чтобы бросалась в глаза вытисненная на нем золотыми печатными литерами надпись.

– На какую сумму? – спросил господин.

– На пятьсот тысяч, – ответил Рогов. – Продавцы стоят на девяносто семи с четвертью.

– Такую сумму реализовать по биржевой цене нет никакой возможности.

– Почему будете платить?

– Позвольте мне сказать два слова по телефону.

– Сделайте одолжение!

Господин встал, подошел к телефонной коробке, завертел ручкой, приложил трубку к уху и потом вскоре дал какой-то номер. Немного погодя он опять стал звонить. Потом довольно долго прислушивался. Вдруг он встрепенулся и крикнул на немецкий лад:

– Халло!

Переговоры он вел на немецком языке, но Рогов, знавший этот язык, понял следующее: «Предлагают нам пятьсот тысяч государственной четырехпроцентной ренты».

Оттуда, видимо, что-то ответили, потому что господин после краткого молчания снова крикнул: «Максимум девяносто шесть; комиссии полпроцента?» А затем вдруг замолк и наконец сказал: «При кассе, будет уплачено». Потом он повесил трубку, дал сигнал разъединения и, обернувшись к Рогову, предложил:

– Мы можем уплатить по девяносто шесть, плюс текущие проценты, минус полпроцента комиссии.

– Позвольте сделать расчет!

Господин очень предупредительно придвинул к Роману Егоровичу бумагу и карандаш. Тот с удивительной поспешностью принялся за умножение пятисот тысяч на девяносто шесть. Полученное произведение удовлетворило его, и он сказал:

– Могу согласиться, если вы не задержите меня уплатой.

– В кассе достаточно денег, – ответил господин. – Прикажете сделать вам расчет?

– Да, надо согласиться!

– Во что вы возьмете с собою деньги?

– Я думаю, у вас найдется какой-нибудь холщовый мешок. Уплата, конечно, будет произведена исключительно крупными деньгами?

– Разумеется! – Вслед за этим господин сел к столу, надавил на электрическую кнопку и отдал вошедшему конторщику следующее приказание: – Приготовьте расчет: пятьсот тысяч государственной четырехпроцентной ренты, покупаем мы по девяносто шести, комиссии полпроцента, купоны текущие. Когда будет готово, принесите сюда для подписи; предупредить кассу; расчет у меня, здесь, в кабинете.

Конторщик, молча выслушав приказание, вышел. Его начальник стал принимать от Рогова листы и, считая их, отмечал что-то, для памяти, карандашом на какой-то бумажке.

Но все-таки дело шло быстро, и Рогов удивлялся тому, с какой простотой этот господин обходился с принимаемыми от него ценностями. По верхнему листу он видел, какого достоинства эта пачка, и не разворачивал остальных, а только перелистывал. Роману Егоровичу стало совершенно ясно, каким образом человек с апломбом мог недавно, всего три года тому назад, продать какому-то банкиру в Москве билеты, перекрашенные из сторублевых в пятитысячные.

Однако его вывел из этих размышлений вновь вошедший конторщик, который подал один листок своему начальнику для подписи и затем другой, точь-в-точь такой же, Рогову, в виде счета для памяти, и дал ему еще ордер в кассу. На счете в итоге значилось: «477 660 рублей». Та же сумма повторялась и на ордере.

Рогов еще раз хотел что-то проверить, но у него голова начинала кружиться. Он считал какие-то цифры на бумажке и никак не мог вывести итог.

– Верно? – спросил его господин.

– У меня верно, – поспешил ответить Рогов. – Вы листы все просчитали?

– Все. Сейчас несут деньги.

Действительно, вошли два артельщика. Один из них нес довольно объемистый, туго набитый мешок из полосатого тика, другой – такой же мешок, совершенно новый, чистенький, еще не бывший в употреблении и аккуратно сложенный. Он положил его на стол и вышел.

Первый артельщик вывалил из своего мешка крепко перевязанные пачки кредиток. Падали они на стол точно деревяшки и, по-видимому, не имели в глазах этого артельщика ровно никакого значения.

Начался счет. Проверка заняла немало времени. Наконец Рогов стал упаковывать деньги. Когда он поднял мешок, ноша показалась ему очень тяжелой. Он никак не думал, чтобы бумажные деньги весили так много.

У подъезда его ожидал извозчик-лихач. Рогов сел и велел везти себя прямо вниз по Невскому. Уже доехав до Полицейского моста, он скомандовал:

– Возьми налево, поезжай по Мойке.

Но вдруг он вспомнил, что хотел послать за товарищами еще из конторы Юнкера, приказал лихачу остановиться, хотел было повернуть обратно, но, оглянувшись, увидел стоявшего у подъезда посыльного в красной шапке и махнул ему рукой.

Тот опроретью кинулся за получением приказа: повелительный жест, внушительная фигура, наконец, лихач, – все это обещало наживу.

Рогов достал из кармана один из еще уцелевших у него прежних рублей и, передавая его посыльному, строго сказал:

– Садись на извозчика и лупи во всю мочь на Большую Конюшенную. Запиши у себя адрес. Там меня ожидают, так скажи, чтобы живо ехали в ресторан: они знают – в какой! Да вот еще что: захвати этот портфель и там на квартире оставишь его у господина Мустафетова.

– Слушаю-с.

– Сдачу себе возьмешь.

– А ответа не надо-с?

– Какой же ответ, когда они сами сейчас приедут! Они тебя только и ждут. Да скажи, чтобы спросили, в каком кабинете сидит Роман Егорович. Смотри не забудь.

Потом, крикнув своему лихачу «пошел», он очень быстро скрылся за углом, а посыльный, рассчитав, что близко, побежал пешком.

Войдя в сени роскошного ресторана, Рогов невольно взглянул на настенные часы и был крайне поражен – было четыре часа. Он глазам своим не верил.

– У вас время верное? – спросил он швейцаров.

– Так точно-с. Каждый день проверяем.

Рогов достал из жилетного кармана свои открытые никелированные часы. Действительно, часы показывали уже десять минут пятого.

«Когда же время прошло? Вот сколько нужно, чтобы без всякой задержки получить и самым быстрым образом сосчитать полмиллиона».

XI. Раздел

Но что же происходило во все это время в квартире Мустафетова? Не говоря уже о Смирнине, и Назар Назарович буквально сходил с ума. Если Смирнин не умер, то это доказывало только, до какой степени сильным организмом он обладал.

Уже к двум часам волнение Мустафетова перестало поддаваться его контролю, а к трем он твердо решил, что Рогов попался.

Смирнин подозревал другое: у него явилось предположение, что Роман Егорович получил билеты и один завладел всей суммой. Это имело некоторый смысл в его глазах потому только, что ведь ни сам он, ни Мустафетов не могли бы донести на него.

Но ничего подобного не допускал Назар Назарович. Он слишком хорошо знал своего друга, верил в «принципы товарищества» и сам никогда так не поступил бы. Тут дело было иное, и чем дальше уходило время, тем страшнее становилось ему.

У них обоих пересохло в горле, а у малодушного Смирнина уже носились в голове мысли о самоубийстве. Он видел всю свою жизнь разбитою даром, ни за грош, и это было ему всего больнее. Он злил Мустафетова, который бесцеремонно обрывал его, однако тут же сам с бесплодным отчаянием восклицал:

– Неужели он попался?

Оба ждавшие дошли до того, что уже совершенно бесповоротно решили, что дело окончательно потеряно. Смирнин даже хотел уйти, однако, не зная куда, зачем и чувствуя себя здесь, под бранью сурового Назара Назаровича, все-таки не столь одиноким, остался.

Когда часы пробили четыре, Мустафетов встряхнулся, закинул голову назад и, став в двух шагах от Смирнина, обратился к нему со следующими словами:

– Теперь ясно, что дело погибло! Рогов дал себя схватить. Очень жаль его: парень был славный, способный и товарищ хороший, всегда веселый. Но нам надо подумать прежде всего о вас. Что бы ни случилось в банке, вы должны...

Сильный звонок в передней прервал его речь. Оба переглянулись, страшно побледнели, и только после целой минуты молчания Мустафетов решился сказать:

– Надо отворить.

Смирнин так дрожал, что еле промолвил сквозь посиневшие губы:

– А вдруг полиция?

Звонок повторился.

Мустафетов, нарочно удаливший слугу, пошел и отпер. Пред ним стоял посыльный с пустым и сплюснутым портфелем.

Зато, когда Назар Назарович и робко выглядывавший из-за двери Смирнин услышали, в чем дело, они тотчас отпустили посыльного, и безумная радость в один момент опьянила их. Они обняли друг друга, поцеловались, кружились, громко кричали: «Ехать, ехать!» А затем совершенно неожиданно, в каком-то приливе безумия, Смирнин вдруг прокричал петухом.

Как они надели пальто, как заперли за собой дверь; как спустились по лестнице, они не помнили.

На крыльце еще стоял посыльный. Мустафетов, садясь со Смирниным на извозчика, позвал его к себе и сказал:

– Вот тебе за добрую весть; поди и разживайся с моей легкой руки!

Затем они отъехали. Посыльный взглянул на ладонь – оказался золотой.

«Вот так барин!» – подумал бедняга, не зная, что этот барин был отъявленный вор и мошенник.

Но дорогою Смирнин снова начал высказывать свои опасения. Ему показалось подозрительным, что Рогов прислал пустой портфель обратно.

– Если вы скажете мне еще хоть слово об этом, – строго остановил его стенанья Мустафетов, – то жестоко раскаетесь.

– Что же я говорю?

– Говорите глупости, а мне они надоели. Вы еще не знаете моего характера.

Дальше они ехали молча.

– В каком кабинете дожидается нас один барин, которого зовут Романом Егоровичем? – спросил Мустафетов, входя в швейцарскую известного французского ресторана.

– Пожалуйста! Сию минуту вас проведут.

Гости направились по длинному, несколько темноватому коридору. Слуги, попадавшие им навстречу, останавливались, прислоняясь к стене и вежливо кланяясь, с видом особого почтения.

– Вот сюда пожалуйста-с!

Перед ними отворили одну из дверей направо, и они вошли.

Огромный кабинет с тремя окнами, выходящими на двор Мойки, казался тоже темным от штор и драпри. Длинный стол посреди комнаты был уже нагружен всевозможными закусками и бутылками разнородных водок.

Навстречу вошедшим встал с дивана Рогов. Оба они сразу заметили новый полный холщовый мешок, лежавший рядом с оставленным им местом.

– Господа, нас надули! – были первые слова, с которыми Рогов обратился к вошедшим.

– Как надули?

– Я хочу сказать, – ответил Рогов, – что нас обсчитали, – и, видя недоумение и разгадав волнение обоих, он поспешил прибавить: – В этом мешке не полмиллиона, а несколько меньше. Я уже прикинул, сколько приходится на брата, и вышло по ста пятидесяти девяти тысяч двести рублей. Какова штучка!

Обоим вошедшим хотелось поскорей увидеть деньги. Они подошли к мешку и нетерпеливо ожидали, когда Рогов развяжет его.

– Надо сказать, чтобы никто нас не тревожил, пока мы сами не позовем, – сказал Роман Егорович.

Мустафетов позвал одного из татар и отдал приказание.

Тогда деньги были вывалены на один из боковых столов для посуды.

– В каждой из таких кипок, господа, по десяти тысяч рублей, – весело заговорил Рогов. – Отберите себе, стало быть, по десяти кипок каждый. Считайте! Тебе кипа, тебе кипа и мне кипа, тебе вторая, тебе вторая и мне вторая, тебе третья, тебе третья и мне третья. Вот это я называю правильным распределением богатств. Считайте дальше. Вот, вот, вот... Видите, как справедливо. Теперь все получили по сто тысяч. Остается по пять кип и потом двадцать семь тысяч шестьсот рублей разделить на три доли.

Вскоре расчет был окончен.

Тогда Рогов достал из бокового кармана какую-то бумажку и, передавая ее Мустафетову, сказал:

– А вот и мой оправдательный документ. Это – расчетный лист из конторы Юнкера. Тут все ясно: по девяносто шесть, минус комиссионные.

– Сам ты плюс, а не минус! – воскликнул Мустафетов. – А теперь дай тебя расцеловать!

– Целуйте оба. Я вполне заслуживаю этого. Паинька-мальчик! Дельце обделал так, что просто загляденье. Но надо распорядиться насчет мешочков и для ваших денег. Кстати, и обед закажем. – Он пошел, отпер дверь и громко крикнул: – Эй, позвать сюда распорядителя!

Когда тот вошел в кабинет, Мустафетов спросил своих компаньонов:

– Вы, конечно, позвольте мне распорядиться? Я думаю решить вопрос следующим образом, – обратился он к распорядителю, – подайте нам в больших чашках борщок и к нему тон-

чайшие гренки с пармезаном. Потом хорошую стерлядь. Приготовить по-русски и чтобы раковых шеек не жалеть. После стерляди, как вы думаете, господа, насчет жареного поросенка?

– Нельзя ли чего-нибудь другого? – спросил Рогов. – Я что-то в обед не особенно люблю поросят. К завтраку, с кашей, еще туда-сюда.

– Ну, хорошо! В таком случае мы вот что придумаем: ведь мясо какое-нибудь нужно, а придерживаться исключительно русской кухни нет решительно никакой надобности, тем более что она очень тяжела. Поэтому продолжаю таким образом: после стерляди маленькие филейчики, соус беарнез. Это с эстрагончиком довольно пикантно и вкусно.

– Гарнир прикажете подать?

– Нет, лучше картофель-суфле. А на жаркое хорошую пулярку, начиненную трюфелями, но не фаршем, а одними трюфелями, да салат из зеленых огурцов с укропом.

– Спаржа имеется отборная, такая спаржа, что на удивление даже, великолепная, – попробовал порекомендовать метрдотель.

– А что же, спаржа – дело хорошее.

– На сладкое что? Может, каши гурьевской или маседуан из французских фруктов?

– Нет, после такого обеда надо что-нибудь прохладительное, надо рот освежить. Мороженое непременно фруктовое.

– Слушаю-с! А насчет вин как прикажете?

– А насчет вин вот мое мнение: чтоб они были хороши, а до цены нам дела нет. С рыбой подать нам белого вина, но сухого. К филейчикам – красное тонкое вино, подлинное, но без слишком сильного аромата, а после пулярки с трюфелями можно и высшее, что есть, по тонкости и букету. На всякий случай приготовить нам бутылочку-другую гейдзик-кабинет. Только не переморозить. Иглы не надо, а чтобы вино муссировало в стакане, играло.

– Понимаю-с.

– Ну, хорошо. Вот и все.

Распорядитель хотел уже уходить, поклонился и повернулся, только Мустафетов остановил его, напомнив:

– Только мешки бы не забыть холщовые, чтобы нам деньги спрятать. Наследство от тетушки получили и вот приехали к вам раздел вспрыснуть.

Тот на ходу обернулся и, почтительно улыбаясь, ответил:

– Все будет исполнено-с! Не извольте беспокоиться! – И вышел.

Откуда были добыты мешки, неизвестно, но появились они очень быстро. Каждый упрятал свою долю, мешочки были положены рядышком на диван, и закуска в ожидании обеда продолжалась.

Только после второй или даже третьей рюмки водки да разных пикантных солений у трех приятелей разгорелся аппетит.

– А ведь мы, господа, с утра ничего не ели! – воскликнул Роман Егорович. – Что значит делом-то быть занятым! За делом незаметно, как и время бежит.

– Зато теперь мы не только свободны, – сказал Мустафетов, – но во всем городе нет такого фрукта, которым мы не были бы в состоянии угоститься.

– Неужели это правда? – в каком-то оцепенении проговорил Смирнин.

– Да, молодой человек, правда, – ответил ему Назар Назарович. – В руках каждого из нас теперь огромная сила, такая, которая, во всяком случае, не только может, но и должна послужить основанием всей будущей жизни каждого из нас. Романа Егоровича я знаю давно; знаю, что он никогда еще не обладал разом столь значительными деньгами. То, что вы рассказывали мне о самом себе, Иван Павлович, подтверждает, что и в ваших руках денег никогда не бывало. Опытным человеком в данном случае между нами троими являюсь я один. Мой вам совет – искать себе такое поприще, на котором ваш капитал не только не иссякнет, но и принесет барыши.

– Эх, голубчик, – воскликнул Рогов, – да разве мы процентчики? Разве мы коммерческие люди? Давай-ка выпьем еще водочки. Балычок больно заманчивой.

– Водочки выпить можно, – ответил Мустафетов, – но что касается твоих слов, то ты напрасно говорил их.

– Как напрасно?

– Послушай, законодательство смотрит на нас с тобою как на воров и мошенников.

– Превратное суждение.

– Не скажи... Вот здесь, в ресторане, татар много, и все они вместе, конечно, сильнее, нежели мы трое. Они могли бы прийти, отнять у нас наши деньги, и куда бы мы пошли жаловаться на них.

– Не говори глупостей, как раз идут...

– А на мой взгляд, – сказал Смирнин, – все это утопии. Я счастлив, что заручился деньгами, и теперь никогда в жизни не пойду ни в какое дело.

– С чем вас и поздравляю, – ответил Мустафетов, но трудно было понять по тону его слов, говорит ли он серьезно или иронизирует.

В этот момент слуга, постучавшись в дверь, внес суп.

– Господа, за стол, борщок подан! – предложил Роман Егорович.

Во главе стола сел Мустафетов, направо и налево от него уселись его помощники.

– Однако я голоден, – сказал Рогов. – Борщок с гренками – штука легкая. Хорошо бы для начала заложить основательный фундамент: пирожков бы, что ли...

– погоди, – остановил его Назар Назарович, – к концу обеда ты не это скажешь. Нет ничего хуже, как набрасываться на еду сразу. От этого только тяжелеешь.

– Борщок хорош, – одобрил Смирнин.

– Да, – согласился и Роман Егорович. – Но что же, разве до рыбы никакого вина не полагается? Я протестую. Как же так? Дождаться второго блюда, чтобы горло промочить? Распорядитесь, Назарушка!

– Если хочешь, можно, пожалуй, по рюмке мадеры. Послушай, – обратился Мустафетов к слуге, – подай как можно живей сухой ост-индской мадеры.

– Какой прикажете? – спросил слуга.

– Да хоть от чертовой перечницы! – крикнул Рогов, рассердившись. – Пошел и неси! Лишь бы хороша была.

Мустафетова слегка коробило моветонное обращение Рогова с людьми, тем более что за столом он любил председательствовать вполне и один отдавать приказания. Но он ничего не сказал и решил быть снисходительным, так как вполне понимал нервное возбуждение своего товарища.

Официанты меняли приборы, убрали со стола закуску, приносили тарелки с горячим... Весь сервиз был отборный, приборы из чистого серебра, хрусталь тончайший, фарфор расписной. Видя, с кем имеет дело, и узнав всегда щедрого и хорошо известного в ресторане Назара Назаровича, хозяин распорядился прислать на стол в огромной высокой вазе самые лучшие и дорогие плоды.

– Люблю фрукты на обеденном столе! – весело произнес Мустафетов, когда их внесли. – Ласкают взор и вообще придают сервировке особый блеск, какую-то законченность.

– Бутылки тоже, – сказал Роман Егорович, все еще ожидавший мадеру. – А, явился наконец! – обрадовался он официанту. – Я уж думал, что ты в Ост-Индию закатился. Наливай, наливай! – И, не дождавшись товарищей, он поднес к губам наполненную большую рюмку. – Сам делал или буфетчик? – спросил он татарина, скорчив такое лицо, что тот невольно улыбнулся.

Мустафетов удивился.

– Разве не хороша? – спросил он, пораженный мыслью, что в кабинет, где он сидит, осмелились подать что-нибудь сомнительное.

– Превосходная! – поспешил успокоить он Мустафетова. – Это я только так, для тона. Люблю озадачить.

– Да, мадера хороша, – согласился Назар Назарович, отпив из своей рюмки. – Но вот и стерлядь. Эге, красавица! Ну, не благородная ли это рыба? Начинайте-ка!

– Так как ты у нас за председателя во всем, – ответил Рогов, – то и раздели нам.

– Изволь, пожалуй.

– Неужели же после рыбы обязательно пить белое вино? – спросил Рогов. – А мадере так и пропадать в бутылке? Жалко! Хочу, однако же, и я быть гастрономом. Наливай-ка, брат, секим-башка, мне вот этот стаканчик беленького брандахлыста.

Разговор ничуть не мешал ему уписывать за обе щеки, так что его тарелка опустела раньше всех. Он отпил вина и опять задал совершенно неожиданно вопрос:

– Неужто это из винограда?

– А то из чего же?

– Ну, почем же я знаю! Может быть, янтарь в жидком виде, во всяком случае, штучка не вредная. Дай-ка мне стерлядки еще! Вот так, вот так, с соусом, да шеек раковых побольше. И как они любят ко мне в желудок попадать! Просто на всю Европу удивление.

Татарин, поняв, что Роман Егорович больше всех любит покушать, осторожно и аккуратно налил ему еще вина.

– Правильно, одобряю, душка! И в песне так говорится:

Наливай, брат, наливай,
Службы лишь не забывай!

А уж насчет того, что «все до капли выпивай», – это на нашей обязанности.

– Почему это вы, Иван Павлович, молчаливы и задумчивы? – обратился к Смирнину Мустафетов.

– Я ничего, я так.

– Да он, видишь ли, размышляет теперь: как хорошо ему, спокойно, – начал было Роман Егорович.

Но Мустафетов толкнул Рогова под столом ногою с целью дать ему понять, что нельзя говорить глупостей при слугах.

Роман Егорович поправился:

– Хорошо нам, когда мы от добрейшей покойной тетушки такое состояние получили, что нам троим, ее родным племяншам, на всю жизнь хватит.

– Я совсем о другом думаю, – отозвался Смирнин. – Дома у себя, вероятно, скучает теперь в одиночестве одна моя знакомая...

– Кто она такая? – спросил Мустафетов. Смирнин слегка смутился, помолчал немного и только на повторенный вопрос уже ответил:

– Я, правда, узнал ее недавно...

– Ты лжешь! – закричал Роман Егорович. – Я вижу по твоему лицу, что у тебя есть тайна от нас.

– То есть, по правде сказать, – ответил Смирнин, – если бы вы позволили, то я охотно пригласил бы сюда Маргариту Прелье...

– Маргарита Прелье? В первый раз от вас слышу! – сказал Назар Назарович.

– Маргарита! Прелестная Маргарита из «Фауста»! Но позволь, пожалуйста, почему же ее фамилия Прелье? – воскликнул Рогов.

– Потому что она француженка.

– Что-то я не знаю ее, – сказал Мустафетов.

– Наверное, вы встречали ее, а только не знаете по имени, – ответил Смирнин.

– Послушай, – перебил его Роман Егорович, – ты, конечно, знаешь ее адрес? Да? Так вот что: пиши ей немедленно записку. У меня внизу стоит извозчик, я с ним ездил в банк и к Юнкеру. Пускай он сейчас же мчится с твоим посланием. Назарчик, ты согласен?

– Да я-то что ж? Очень рад.

Приказание было отдано, а потом обед продолжался своим чередом. Филейчики под соусом беарнез были поданы безукоризненно, и красное вино к ним бордоское, не слишком густое, пилося легко.

– Все-таки надо отдать тебе справедливость, Назарчик, – опять заговорил Рогов, – есть, пить и вообще жить ты великий мастер. Воздаю тебе должное. Что бы со мною было, если бы я напоролся с самого начала густыми щами с мясом и пирогами? Твои филейчики представлялись бы мне только как одна печаль. А с каким аппетитом я теперь свой кусочек уписал. Теперь у меня в желудке все плюсы, а тогда были бы минусы.

– Шут ты гороховый!

Съели они и пулярку, действительно начиненную трюфелями; подали уже спаржу, когда один татарин вошел с докладом:

– Барышня извозчика назад прислать изволили и приказали доложить вам, что они через полчаса сами приедут.

Компания осталась ждать приезда Маргариты Прелье, однако она значительно опоздала и приехала уже в тот момент, когда на столе остались только фрукты и шампанское. Все-таки встретили ее шумно, с громкими возгласами самого радушного приветствия.

Роман Егорович хоть и пил больше всех за обедом, но оставался в одной степени опьянения. Не столько вино, сколько вся окружающая обстановка сразу кружила ему голову. Он казался пьяным после третьей рюмки: хохотал во все горло, громко кричал, дурачился и пел, но затем, сколько бы он ни пил, полного опьянения, до потери рассудка, в нем не замечалось. Мустафетов был и старше всех, и сдержаннее, и осторожнее. Кроме того, он любил есть с чувством, толком и расстановкой. Все делалось им в свое время и в свое удовольствие. Водку он вообще не особенно любил, но закуски пленяли его, и он выпивал иной раз две и даже три рюмки только ради них. Винам он отдавал честь тоже в очень умеренном количестве и вел обед так, чтобы к концу его сохранить полную свежесть и – главное – не отяжелеть. Что касается Смирнина, то он был более опьянен от счастья, что дело благополучно кончилось, нежели от возлияния.

Тем не менее все показались вошедшей Маргарите Прелье сильно навеселе. После первых приветствий она спросила:

– Вы, кажется, вспомнили обо мне уже после вашего обеда? Это любезно, нечего сказать!

– Мы делились, – стал оправдываться Смирнин.

– Что вы делили? – удивленно спросила она, обводя комнату глазами, и невольно остановила взор на трех холщовых мешках, чинно положенных рядышком на диване.

– Наследство после нашей покойной тетушки, – ответил Мустафетов.

– Получили? – спросила Прелье, обращаясь исключительно к Ивану Павловичу.

– Да, получили сегодня.

– Поздравляю.

– А мы его двоюродные братья, – вмешался в разговор Роман Егорович, – и сегодня каждый из нас получил по равной доле. Мы тоже ждем поздравлений.

– Поздравляю и вас.

– Благодарим, благодарим покорно!

Маргарита все смотрела на мешки, точно глаз от них не могла оторвать. Наконец она спросила:

– А это у вас что же, в этих наволочках?

– Вот это и есть наследство, – ответил Мустафетов.

Смирнину смерть хотелось похвастаться. Он взял один из мешков, принес его на большой стол, развязал и предложил француженке:

– Посмотри-ка туда, внутрь!

– Это все деньги?

– Да, все деньги.

– Сколько же тут?

– Тут сто пятьдесят девять тысяч рублей, – ответил Смирнин.

– И столько получил каждый из вас? – еще с большим удивлением спросила Маргарита.

– Мы на равных правах.

– Вот счастливые-то! – невольно и с полнейшей искренностью воскликнула француженка, а потом, обращаясь к Смирнину, ласково сказала ему: – Это хорошо, что вы вспомнили обо мне.

– Это понятно.

– Все-таки, знаете, в такую минуту...

– Но, господа, позвольте, – снова вмешался в дело Роман Егорович, – пословица гласит: соловья баснями не кормят. Мы рассказываем нашей прелестнейшей гостье весьма интересные вещи, и никто даже не догадается предложить чего-нибудь.

– Есть я не хочу.

– В таком случае бокал шампанского? Фруктов не хотите ли?

Она согласилась и на то и на другое.

Но Смирнину хотелось, чтобы она обращала внимание только на него одного. Ему не нравилось, что и Рогов, и Мустафетов наперебой стараются угодить ей. Он снова развязал мешок, пошарил в нем, пошуршал бумажками, шелест которых ему был особенно приятен, и потом, подавая Маргарите Прелье плотную пачку кредиток, сказал:

– Моя встреча с тобой принесла мне счастье, Гого; возьми эту тысячу рублей себе на тряпки.

Радостное удивление француженки было так велико, что она даже не поверила сразу и спросила:

– Так это серьезно?

– Совершенно серьезно! Я надеюсь, что мы теперь будем добрыми друзьями. Давай чокнемся и поцелуемся.

– Шерочка, добрый, голубчик! – и Маргарита бросилась на шею Смирнину.

– Вот это ловко! – сказал Мустафетов. – Живите, будьте счастливы и старайтесь как можно меньше огорчать друг друга.

Роман Егорович налил стаканы и предложил тост:

– Пью за веселье и любовь!

Смирнин почему-то стал впадать в сентиментальный тон. Он склонился головой к плечу Маргариты, брал ее руку, поглаживал и вдруг сказал:

– Хорошей бы музыки теперь!

– А что ж, это – идея! – сейчас же согласился Роман Егорович. – Пригласить сюда хор цыган.

– Вот что, господа, – сказал Мустафетов. – Принимать дальнейшее участие в сегодняшнем пире я не могу.

– Ну, что ты? Вот тебе и раз! Вы хотите уехать? – посыпалось на него со всех сторон.

Мустафетов дал им высказаться и потом спокойно, но непреклонно продолжал:

– У меня есть обязанности. Я должен ехать и привести у себя дома кое-что в порядок. Главное, я должен привести в порядок свои мысли. Не старайтесь удерживать меня, это

напрасно. Вам же я советую спросить счет, и мы разделим его на три доли. Пошлите на «Волынкин двор» за тройкой в коляске, заезжайте каждый к себе, спрячьте свои деньги, а потом уже к цыганам.

Рогов вдруг опомнился.

– Однако и у меня есть обязанность, – сказал он.

Мустафетов переглянулся с ним, и оба они сразу поняли друг друга.

– Вот то-то же и есть! – сказал Назар Назарович. – Я не хотел напоминать тебе, а ведь тебе еще надо кое-что устроить, главным образом – насчет присяжного поверенного. Ведь это сделать надо сегодня же.

– Да, да, – сказал Рогов, – из головы совсем бон! Это я на радостях все позабыл! И молодчина же ты, Назарчик! Всегда и во всяком положении сохраняешь память свежую и дух бодрый.

– Ну, а мы как? – спросила Маргарита, обращаясь к Смирнину.

– Мы что же! Я птица вольная, ни от кого и ни от каких дел не завишу. Поедем, куда хочешь.

– Но как же твои деньги?

– Да, мои деньги?

Он задумался. Еще день не совсем прошел, наступали только вешние сумерки, а этот мешок с деньгами был ему уже в тягость. Конечно, он не отдал бы его теперь и за свою жизнь. Но что же делать с ним? Нельзя же таскать всюду с собой? А куда спрятать? Где сохранить? Где укрыть от воров, наконец? Легко сказать: поехать домой в свой жалкий номеришко и там запихать мешок в комод! Ключи можно с собою взять, но разве ключи нельзя подобрать? Положим, можно купить какую-нибудь печать и приложить к ящику. Только если кто украсть захочет, тот и печати не побоится сломать. А вдруг пожар?

Холод пробежал по всем жилам Смирнина от одной этой мысли. Между тем Маргарита ожидала его ответа.

– Ты разве не можешь сначала к себе домой заехать? – спросила она.

Тогда Назар Назарович понял, что пора ему вмешаться. Обращаясь к молодой женщине, он произнес: «Винovat-с, мне надо сказать Ивану Павловичу два слова», – и тут же отвел его в сторону. Там, в углу комнаты, он продолжал:

– Вы боитесь ехать с такими деньгами к себе в меблированные комнаты. Бросьте на сегодня мысль о цыганах, поезжайте прямо к Маргарите, а завтра с утра займитесь переселением на другую квартиру. Ведь вы все равно не останетесь в ваших номерах. Деньги же вы внесите на текущий счет в какую-нибудь банкирскую контору. Уж там вам опасаться нечего.

Смирнин сознавал, что иначе поступить нельзя. Ему только странным показалось, что эти огромные деньги, которых он так страстно желал, препятствовали ему теперь ехать, куда было ему угодно, и таким образом стесняли его свободу. С ними-то, думал он, начнется вечная масленица и широко раскроются пред ним двери тех увеселительных заведений, которые всегда прельщали его, и вдруг первый же вечер своей новой жизни он должен провести взаперти. Однако он ответил:

– Конечно, так будет лучше всего.

– На чем же вы решили? – спросила Марго, когда они вернулись к столу.

– Сегодня мы поедем прямо к тебе, – ответил Иван Павлович, – а там увидим. Я, вероятно, рано вернусь домой: мне еще нужно кое-что подсчитать, сообразить, и вот с завтрашнего дня я буду совершенно свободен.

ХII. Союз

Компания потребовала счет, щедро одарила прислугу и разъехалась. Провожать до самой лестницы вышли и сам хозяин, и оба распорядителя.

Смирнин поехал с Маргаритой, а Мустафетов взял с собою Рогова.

Когда они оба очутились в квартире Назара Назаровича, последний сам зажег все лампы, так как лакей и Домна еще не вернулись, потом умылся, освежил голову какой-то душистой водой и, придя в кабинет, где валялся на оттоманке Рогов, сказал ему:

– Встань, дружище, и позволь еще раз обнять тебя!

– Обнимемся, Назарчик!

– Вот так. Ты мастерски выполнил свою тяжелую задачу. Ты – главная сила в нашем деле. Я это вполне сознаю, и, если бы ты сам того потребовал, я первый сказал бы: «Да, Роману Егоровичу Рогову надлежит выдать большую, чем нам, долю».

– Ну, нет, к чему? Так никому не обидно. Вот ты напомнил мне, что надо еще кое-что прикончить.

– Да, да. Этот портфель надо уничтожить, чтобы и следов его не оставалось.

– Давай-ка сюда нож! Искромсаем его на мелкие кусочки, да в известное место. Хорошенько только водою залить. Я думаю, можно кромсать один только закрывающийся клапан, на котором выгиснена золотая надпись.

– Конечно, это – главное. А потом вот что: сожги свой новый вид на жительство, поезжай к себе на квартиру, уложи в сундучок пожитки, кстати, и мешок твой с деньгами, да уезжай и отметься, ну, – хоть в Москву, что ли.

– Так-с, выедем якобы в Москву, а сами на новую квартиру, тоже куда-нибудь в номера, но пороскошнее; займу целое отделение, пропишусь по своему настоящему виду и выпишу сюда жену с дочкой.

– Главное – покончить с этим помощником присяжного поверенного Рудневым.

– Знаешь, что я думаю сделать? – спросил Рогов. – Подстричь себе бороду а-ля Генрих Четвертый, ну, и волосы на голове ежиком. Это, во-первых, пойдет ко мне, а во-вторых... все-таки мне пришлось несколько раз называть себя чужим именем. Если вдруг случайно встретят, признают.

– Конечно, конечно! Мало ли бывает сходств. Так, что-то общее есть, а утвердительно сказать никто не будет в состоянии.

– Однако какая кожа крепкая у этого портфеля! – заметил Рогов, продолжая свою работу уничтожения.

Когда дело было кончено, он взял мешок и уехал, пообещав сообщить завтра же, куда он перебрался.

Оставшись один, Мустафетов принялся в кабинете за раскладку своих капиталов.

Вдруг в передней раздался звонок. Он никак не мог догадаться, кто бы это был, и пошел в переднюю, а там, отворяя еще двери, спросил:

– Кто там?

– Это я, Лизавета... от барышни, от Ольги Николаевны. К Домнушке я, по своему делу. Мустафетов поспешно отпер.

Тогда вошедшая служанка Молотовой продолжала:

– В кухню-то пыталась я стучаться, только не слышит. Хотела уже уходить, а вижу, в комнатах огонь; я думала – прибирается. Уж извините, потревожила. Мне по своему делу.

– Ничего, ничего, войди, – ответил он. – Дай мне только за тобою дверь запереть. Вот так! А теперь пройди сюда ко мне, расскажи, в чем твое дело.

Мустафетов привел девушку в кабинет. Он сразу рассчитал, какой эффект произведет на нее вид письменного стола, буквально обложенного деньгами.

Лиза руками всплеснула, да так и замерла на месте. Лампа ярко освещала все эти пачки. Вероятно, девушка не могла представить себе, чтобы и вообще-то во всем свете было столько денег.

– Чего же ты испугалась? – спросил ее Мустафетов.

– Да как же не пугаться? Какое богатство! – И, помолчав немного, девушка спросила: – Деньги-то настоящие?

– А ты думала какие? Эх, Лизавета, Лизавета, простота ты сердечная! Я тебе вот что скажу: возьми ты любую бумажку со стола да пойди в лавку и купи фунт чая в два рубля. Вот когда тебе сдачи дадут, тогда ты и увидишь, что она настоящая.

– Зачем, барин, мне в лавку ходить? Разве я вам и так не верю! Ведь это я спроста. А много тут денег?

Мустафетов, улыбнувшись, сказал:

– Мильон!

– Мильон? – девушка в ужасе еще шире раскрыла глаза, а потом сказала шепотом: – Так вот он, мильон-то, сколько бывает! Вы, стало быть, барин, тоже мильонщик?

– Мильонщик.

– И откуда ж вам столько денег привалило?

– Из банка.

– Из банки, вот оно что! В банке-то этой сохраняли, значит, а потом вам и отдали? Вы что ж теперь с ними делать станете?

– Жить стану.

Лиза впала в задумчивость, а потом, помолчав с минуту, опять глубоко вздохнула и, не спуская взора с этой массы денег, сказала:

– А у нас-то горе какое! Барина-то молодого, который к нам ездили, Анатолия-то Сергеевича, забрали и засадили. Он, может, виноват, а может – и нет, только уж господин был больно хороший.

Разумеется, Мустафетов притворился ничего не знающим и вдруг сказал:

– Ведь это ужасно! погоди, я сейчас дам тебе письмо, снеси твоей барышне; мы поможем делу.

– Ах, голубчики вы мои! Вот уж благодетель, поистине благодетель! Уж как жалко его!

Но Мустафетов не слушал девушки. Его рука быстро чертила какую-то записку. Дописав ее и вложив в конверт, он сказал:

– Вот тебе, Елизавета, от меня на разживу десять рублей, а это письмо отдай своей барышне да скажи, что я дожидаюсь ответа: целый вечер буду ждать. Ну, ну, хорошо, без благодарностей.

Елизавета, получив десять рублей на чай, радостно побежала домой и вручила своей барышне письмо. Ольга Николаевна, не вскрывая конверта, стала расспрашивать ее:

– Ты видела его самого?

– Как же, барышня: сам даже дверь мне отпер.

– А где же лакей его или кухарка?

– Домна услана была. Я пришла, стучала-стучала в кухню – никто не отпирает, – начала рассказывать Елизавета. – Хотела уж домой идти, да вижу – по всей квартире огни светятся. Думаю: «Давай-ка с парадной толкнусь!» Пошла с парадной, позвонила и слышу – сам-то Назар Назарович меня окликает, спрашивает: «Кто там?» Ну, я голос подала, отвечаю: «Я, мол, Лизавета, от барышни, от Ольги Николаевны!»

– Ну, что же?

– Сейчас же барин и впустил. Говорит: «Зайди, голубушка! Я про твою барышню во всякое время рад услышать. Как здоровье да все ли у вас в порядке?»

– Что ж ты?

– Уж я сперва не знала, что и ответить. Больно уж перепугалась... так перепугалась, так...

– Чего же ты испугалась?

– Денег, барышня милая, денег!

– Каких денег? Ничего не понимаю. Говори толком и ясно!

– Как вошла я в переднюю, барин мне и говорит: «Дай только я за тобой дверь замкну, да пройди за мною сюда!» – то есть к ним в комнаты. Повел он меня в кабинет, сам к столу сел письменному, а стол-то этот весь деньгами уложен. «Считаю, – говорит, – сейчас из банки вынул; проверить надо, сколько процента пришлось, и опять обратно в банку сложить. Потому, – говорит, – тут мильон».

Ольга Николаевна не верила.

– Что ты говоришь! – воскликнула она. – Неужели у него в самом деле мильон? Да откуда, наконец?

– Из банки, барышня милая. А деньги я сама видела. Как есть весь стол уложен. Испугалась я, да и забыла, зачем пришла. А он стал спрашивать про вас – видно, болит сердце-то! Потом, как опомнилась я немножко от греха-то, от денег-то этих, я ему все и выложила... что, мол, приключилось у нас большое несчастье: молодой барин, который к нам ходил, Анатолий-то Сергеевич, в нехороших делах попался...

– Что же на это Назар Назарович?

– Добрейший барин! – умилилась Елизавета. – Вот уж поистине, можно сказать, простота и доброта ходячая... Уж очень ему Анатолия Сергеевича жалко стало...

– Как так? Ничего не понимаю.

– Даже руками всплеснул, а потом говорит: «Какое несчастье, какое несчастье! Но ты, – говорит, – Лизветушка, снеси сейчас же от меня барышне Ольге Николаевне письмо, кланяйся им и скажи, что мне даже очень прискорбно, потому ежели теперь такой молодой человек...»

Но Ольга Николаевна уже не слушала Елизаветы; она разорвала конверт и, к величайшему своему удивлению, прочитала следующее:

«Глубокоуважаемая Ольга Николаевна! Несмотря на полученное от Вас строжайшее предписание не напоминать о себе ввиду невозможности исполнить немедленно желание всей моей жизни, я беру на себя смелость адресовать Вам эти строки. То, что я узнал от Вашей служанки, повергло меня в глубокую печаль. Притом я не могу себе представить, чтобы этот молодой человек мог совершить что-нибудь, заслуживающее столь страшной участи. Я не скрыл от Вас, что сам на себе испытал весь ужас напраслины. Кроме того, я вполне понимаю, насколько лично для Вас должно быть ужасно несчастье господина Лагорина. Позвольте же мне помочь, чем я буду в силах. Быть может, нужно внести залог для освобождения несчастного из-под ареста? Я готов и на это. Располагайте мной, так как я действую во имя общечеловеческих принципов, вполне и во всем отстраняя свою личность и свои чувства на второй план. В ожидании Ваших приказаний еще раз выражаю мое искреннее желание остаться Вашим покорнейшим слугою».

Следовала подпись.

Ольга Николаевна отпустила служанку, потом еще раз прочитала письмо, потом еще... еще... Она понять не могла, что за странный человек Назар Назарович. Из всего услышанного от Елизаветы и, наконец, из быстро начертанных им слов было ясно, что о деле Лагорина он узнал только сейчас. Казалось бы, ему следовало радоваться, что этот «хвостун и фанфарон», еще недавно осуждавший и оклеветавший его, теперь попался сам и займет надлежащее место.

Она судила по себе. С того момента, как ее вызвал судебный следователь, она уже возненавидела Лагорина за то, что ее тревожили и могли компрометировать по его вине. Когда же ей

сообщили, будто он кому-то передавал, что она была виною его несчастья, так как понуждала его к расходам и мотовству, ее ненависть возросла до крайности.

Она думала, что Мустафетов рассуждает так, как было изложено в его письме, только по незнанию всех подробностей. Но в это же время перед ее воображением ярко выступало благородство Назара Назаровича. С прибавлением к этому рассказов Елизаветы о миллионе личность Мустафетова значительно вырастала в глаза Молотовой; вырастала тем более, что в последние дни ее начинало сильно беспокоить его молчание.

– Лиза! – крикнула Ольга Николаевна. – Дай мне пальто и поедem вместе со мною.

Мысль, на которой остановилась Молотова, заключалась в следующем: она подьедет к квартире Мустафетова и велит Елизавете доложить о себе. Она так и сделала.

Назар Назарович выбежал к ней на самый подъезд, радостно встретил ее, упротил отпустить служанку и привел в кабинет.

Там, на письменном столе, все еще лежали пачки денег. Не без умысла оставил он их тут и только после того, как Ольга Николаевна успела окинуть их взглядом, извинился, что его застали за делом, и стал поспешно укладывать свой капитал в ящики стола.

Живя более хитростью, нежели умом, Молотова поняла, что лучше всего не спрашивать, сколько тут денег.

Мустафетов поспешно, но молча укладывал их и лишь по окончании дела обернулся к ней с вопросом:

– Какое ужасное несчастье! Что же нам теперь предпринять? Как спасти его?

Ольга Николаевна уставила пристальный взор на него, а потом, слегка улыбувшись, сказала:

– Вы меня удивляете! Вы еще верите в какое-то несчастье, после того как он вас же оклеветал?

– Я не могу мстить тогда, когда человек попадает сам в беду, – ответил Мустафетов, впадая в тон благородства. – Наконец, я хочу еще раз показать вам, как сильна моя любовь к вам.

– Если вы любите меня, Назар Назарович, то можете простить человека, оскорбившего вас лично, но негодяя, кинувшего в меня грязью, скомпрометировавшего меня пред каким-то ростовщиком, который в свою очередь все это рассказал судебному следователю, – вы простить не можете, иначе я могу подумать, что вы не имеете ни малейшего понятия о любви.

– Я не имею понятия? – горячо воскликнул он. – Снова повторяю вам: это покажет время. Но в чем же дело? Неужели в самом деле он решил затронуть вас? Как он смел и что мог он сказать?

– Представьте себе, что он выдумал? Он рассказывает теперь, будто я запутала его. Он сказал одному ростовщику, что я ввела его в долги. Вы сами знаете, что у него никогда никаких денег не бывало.

– Да ведь он сам сознавался, что отец давал ему очень мало.

– Ну вот! А при таких условиях не суются делать траты, не ездят по ресторанам, не покупают лож в театрах, не привозят букетов и ананасов. Разве я требовала у него этого? Просила его?

– Конечно, нет!

– Вы это прекрасно знаете. Мне ничего этого не было нужно, потому что вы меня страшно баловали. Я всегда знала, что у вас огромное состояние! – Молотова увлеклась до того, что ей действительно теперь казалось, будто она говорила правду. – Помилуйте, – продолжала она, – могла ли я когда-нибудь думать, что этот человек, почти еще мальчишка, при каждом случае клеветавший на вас, всячески старавшийся очернить вас в моих глазах, недавно еще говоривший, что вы кончите в Сибири, – делает фальшивые векселя?

– Неужели? – с возмущением спросил Мустафетов.

– Да ведь я забываю, что вы не знаете подробностей дела.

– Ничего не знаю! Я был как громом поражен, когда ваша Лиза рассказала мне, что его арестовали. Как, за что – понятия не имею.

– Слушайте же, – заговорила Молотова в волнении, придвигаясь к нему. – Надо вам сказать, что Лагорин постоянно приставал ко мне со своими маленькими услугами. Отказать ему я не могла просто потому, что не хотела обидеть. Между тем, оказывается, он добывал деньги каким-то обманом: в одном месте займет и не отдаст, в другом то же самое, когда же никто верить не стал, он придумал такую штуку: составил фальшивый вексель на четыреста рублей...

– Всего на четыреста рублей?

– Да, представьте себе, какой дурак! И сумма-то мелочная, и попался-то сразу! Но это все бы еще ничего; ну, запутался, попался, остается только признаться, чистосердечно раскаяться – и дело с концом.

– Конечно, присяжные заседатели могли бы оправдать его по молодости лет и легкомыслию.

– Вот то-то же и есть! А он лжет, когда дело совершенно ясно, и только других старается запутать.

– Как это неблагородно!

– Ужасная низость. А вы после этого предлагаете еще какой-то залог за него внести. Ведь он тогда прямо скажет, что вы научили его преступлению. Я и то боюсь, как бы в самом деле ему не поверили, что я вводила его в расходы.

– Ну, положим, это дело совершенно ясно, и я теперь понимаю, до чего вы возмущены.

– А знаете, что меня больше всего сердит в нем? – спросила Молотова. – То, что он всячески старался отстранить меня от вас! Он старался и почти добился...

– Неужели вы говорите искренне? – влюбленным шепотом спросил Мустафетов, взяв ее руку и еще более приближаясь к ней.

– Очень искренне, – ответила Молотова и вдруг совершенно неожиданно склонилась головою на его плечо.

Это движение ласки, доверия и раскаяния вызвало в армянине бурю ликований. Он не видел, что глаза Ольги были направлены на письменный стол, «где хранился миллион», или, по крайней мере, очень много денег, обладателем которых был он. В порыве безумной страсти он стал обнимать и целовать ее.

Молотова подчинялась этим ласкам пассивно, но потом вдруг решительным движением освободилась из его объятий.

– Голубчик мой, не надо... Пойдите! – сказала она, слегка отмахиваясь обеими руками, точно боясь, что Мустафетов снова обнимет ее. – Пойдите и послушайте меня не обижаясь.

– Говорите... Говори, Оля! Я только и жду твоих приказаний... Я готов на все, на все жертвы!..

– Послушайте. Я люблю вас и готова сама на жертвы, но не хочу, чтобы вы смеялись надо мной. Я не хочу, чтобы, натешившись страстью, вы ушли к другой и бросили меня, быть может, с ребенком, одну, на произвол судьбы...

– Похоже ли это на меня?.. Могу ли я?

– В данную минуту вы совершенно уверены, что никогда в жизни вам не придет в голову мысль расстаться со мной. Но я забочусь не только о себе... Я люблю вас, а любовь ослепляет, побуждает иногда на безрассудство.

– Ты любишь, Оля, милая?

– Да, люблю, но если почему-либо вы не можете жениться на мне теперь, если действительно существует препятствие, которое по своей гордости вы не хотите или просто не можете открыть мне, то поймите же, что я должна заботиться о будущем, если у нас будет ребенок.

– Ребенок... да, вы правы! – согласился Мустафетов, а потом, став вдруг очень серьезным, сказал: – Сядемте здесь, на этот диван, и решим теперь нашу судьбу окончательно. – Он сбивался, говоря ей то «ты», то «вы». Она села, и он продолжал: – Прежде всего поставим друг другу наши условия. Вы совершенно основательно хотите быть обеспеченной на случай рождения ребенка или на случай моей смерти, так как сам я вас никогда не оставлю.

Молотова сделала легкое движение головой, как бы выразившее сомнение.

– Пойдите, не перебивайте меня! – остановил ее Мустафетов. – Тем более что я совершенно согласен с вами. Я выдам вам сейчас, вот здесь, тридцать тысяч рублей.

– Тридцать тысяч? – переспросила Ольга Николаевна.

Ему, знавшему, сколько у него денег, знавшему, как быстро бежали эти деньги из его рук, сумма в тридцать тысяч казалась огромной жертвой. Она же, невольно, снова вскинув взор по направлению к письменному столу, подумала, что там миллион и этого ей мало.

– Да, – ответил он, – вы возьмете эти деньги себе и, если хотите, снесете их на сохранение в банк, предварительно купив каких-нибудь процентных бумаг; а жить мы станем вместе. Я возьму другую квартиру, побольше и удобнее этой; роскошно отделаю ее и буду жить так, как позволяют мне средства.

– А вы очень богаты? – вдруг спросила Ольга, удивленная тем, что он, в сущности, предлагал ей так мало сравнительно с миллионом.

– Во всем и всегда полагайся смело на меня! – ответил Назар Назарович. – В моих руках огромное предприятие. Я сегодня вынул из банка значительный капитал. Возьми то, что я могу дать тебе сейчас, откинь все сомнения и имей в виду только одно: если будешь любить меня, то и при жизни моей, и после смерти ни в чем не увидишь нужды.

Не дожидаясь ответа и только крепко пожав Молотовой руку, он направился к письменному столу и, выдвинув один из ящиков, стал считать.

Ольга Николаевна зорко следила за его движениями и не отрывала взора от кредитных билетов. Каждый из них мог доставить огромное наслаждение, и достаточно было одного, чтобы приобрести прекрасную вещь или платье. А тут их было сколько!

По мере того как Мустафетов считал, глаза Ольги Николаевны все больше разгорались, она все яснее понимала, что и тридцать тысяч – очень много денег. Когда наконец он отсчитал ей триста радужных и совершенно спокойно придвинул к ней всю эту кипу кредиток, она спросила:

– Это в самом деле все мне?

– Это – условие с моей стороны.

– А с моей? – спросила она.

– С твоей?..

Он протянул Молотовой обе руки и встал. У нее закружилась голова. Она кинула еще взгляд на ворох крупных бумажек, а потом кинулась на грудь Назара Назаровича.

Он обнимал ее и сквозь поцелуи наконец спросил:

– Остаешься? Совсем?

– Совсем, да... Только мама...

– Ну, этот вопрос мы уладим. Подожди, я слышу шаги... должно быть, вернулась моя Домна. Я сделаю некоторые распоряжения насчет ужина, и вот тебе отдельная шкатулка для твоих денег. Располагай ими как знаешь!

– Я напишу домой записку.

– Прекрасно! Вот тут в бюваре бумага и конверты. Мы пошлем кучера, если еще не вернется мой Лепорелло. Садись пиши, а я сейчас...

Но не успел Мустафетов договорить, как в передней раздался страшно сильный звонок.

Назар Назарович вздрогнул, затем прислушался, а потом встал и сказал Ольге Николаевне:

– Не беспокойся, я никого не впусти; я даже догадываюсь, кто это.

Он действительно подумал: «Не Роман ли Егорович?» И его догадка оправдалась.

Перейдя в столовую, чтобы видеть оттуда, кто вошел в переднюю, Мустафетов крикнул шедшей из кухни Домне:

– Не отворяй сразу, а спроси сначала кто!

Она так и сделала. Между тем Мустафетов, прислушиваясь, тоже подошел к двери.

– Кто там? – спросила Домна.

– Свой, отворяй, чего боишься! – послышалось в ответ.

Тогда Назар Назарович спросил:

– Роман Егорович, это ты?

– Ну, понятное дело.

Мустафетов приказал Домне удалиться и сам открыл двери.

ХІІІ. Новая жизнь

В переднюю вошел Рогов в таком возбужденном состоянии, что можно было подумать, что он здорово подбавил к давешним возлияниям. Однако от него не скрылось некоторое неудовольствие, выразившееся на лице Мустафетова при его входе. Не стесняясь и даже не справляясь о том, есть ли кто в комнатах, он громко заговорил:

– Ты думаешь, я пьян? Нет, брат, напрасно! С нашего обеда ничего, кроме сельтерской, во рту не было.

– Тише, пожалуйста, там у меня гости, – попробовал остановить его Мустафетов.

– Да, уж вижу, брат, вижу, что не вовремя явился. Я не в претензии, а пришел только доложить, что я снова преобразовался. Старое все кончено, помощник присяжного поверенного Руднев изволил отбыть, а сейчас приехал сюда и остановился в «Европейской гостинице» твой закадыка Роман Егорович Рогов.

Мустафетов смотрел на товарища и невольно улыбался массе драгоценных украшений, которыми тот успел обвесить себя. Пальто и сюртук были расстегнуты, чтобы все это золото ярче бросалось в глаза. У Рогова была надета через шею толстая золотая цепь для часов, перехваченная бриллиантовой передвижкой просто неприличных размеров. В галстук была воткнута изумрудная булавка, тоже усыпанная бриллиантами. Почти на всех пальцах обеих рук, которыми он поминутно вертел перед глазами, любуясь ими, были нанизаны перстни и кольца с драгоценными камнями.

– Когда это ты успел? – спросил Мустафетов.

– Как же, брат, нельзя! Знаешь, надо кое-чем обзавестись. По крайней мере, сейчас видно, что богатый человек идет. Совсем другое уважение.

– Ну, хорошо... Ты, стало быть, теперь поселился в «Европейской гостинице»?

– Да, временно, пока мои не приедут.

– А ты дал знать?

– Нет еще. Хочу завтра, подробно написать и денег отправить.

– А теперь ты куда? – спросил Назар Назарович, явно желая показать этим вопросом, что здесь оставаться ему нельзя.

– Да куда?... Думал, тебя с собою прихватить и кутнуть на славу.

– Мне невозможно. Пойми, – шепотом прибавил Мустафетов, – я этого дня, быть может, Бог весть сколько времени ждал.

– Понимаю, голубчик мой, понимаю. Ну, что ж делать! Дерну и один на Крестовский. Надо же душу отвести!

– Смотри, только не слишком. А теперь до свиданья! Уж ты меня не держи, дружище... Извини, пожалуйста!

– Помни же – в «Европейской гостинице». Если что понадобится или так просто повидаться – милости просим...

– Хорошо, хорошо!.. Непременно увидимся.

Легкая нервная дрожь пробирала Мустафетова от нетерпения. Он поспешно пожимал руку товарища, в то же время выпроваживая другую, как бы ласково похлопывая его по плечу.

Наконец Рогов ушел. Назар Назарович пошел в кухню и приказал Домне позвать кучера. Когда тот явился, Мустафетов достал из кармана свою визитную карточку, что-то написал на ней карандашом и, отдавая вместе с деньгами, сказал кучеру:

– Поезжай на хорошем извозчике как можно скорее по адресу и отдай вот это дежурному распорядителю. Потом ты там дождешься на кухне и уже вместе с их поваром и заготовленной провизией вернешься сюда. Погоди, по пути отдашь еще одно письмо.

– Слушаю-с!

Вернувшись в кабинет, Мустафетов спросил:

– Ну, что, Оля, готово твое письмо к маме? Я своего гостя выпроводил, и мы теперь совершенно свободны. Через час нам подадут ужин.

– А кто это был?

– Это один мой товарищ и компаньон по делу, – ответил Мустафетов. – Чудак большой руки! Сегодня он получил через мое посредство значительную сумму денег и заезжал, чтобы пригласить меня покутить с ним, спрыснуть получку.

– И вы отказались? – спросила Ольга Николаевна, кокетливо улыбаясь.

– Отказался.

– В таком случае я напишу маме только вот что.

Она взяла листок английской бумаги, написала на нем несколько слов и дала прочесть их Назару Назаровичу, пока сама надписывала конверт.

Мустафетов прочитал:

«Милая мама! Умоляю тебя, не беспокойся: я в совершенной безопасности, и завтра ты все узнаешь. Твоя Оля».

Письмо было отдано кучеру и отправлено по назначению.

Через час в столовой был накрыт стол и подан роскошный ужин. Примерный и с безукоризненной кухней ресторан откомандировал немедленно на квартиру Назара Назаровича одного из своих поваров с помощниками. Были привезены в двух огромных корзинах всевозможные заготовки, и быстро пошла стряпня. Кушанья подавались вкусные, пикантные, приправленные шампиньонами, трюфелями и сервированные с удивительной красотой.

Ольга Николаевна любила тонкую кухню и искрометное шампанское, и ее настроение становилось все веселее.

Между тем Роман Егорович успел примчаться на резиновых шинах наемной коляски, сменившей лихача, в загородное увеселительное заведение. Он вошел в общий зал с таким победоносным видом, что гулявшие попарно хористки и другие дамы сразу поняли, насколько в этом госте горело желание разгуляться вовсю. Роман Егорович смотрел кругом, выбирая, кому бы подмигнуть глазом. Лакеи предлагали ему стол. Он расположился на самом видном месте.

Украшения его еще ярче блестели от света электрических ламп. Попарное шествие все учащалось перед его столиком. Одна очень красивая девушка, с огромными глазами и темными густыми ресницами, с маленьким, точно выточенным носиком, уже третий раз проходила мимо, обнимая за талию какую-то невзрачную подругу. Рогов поймал взгляд первой и простым движением руки пригласил ее присесть к столу. Она не заставила себя долго просить, но не села, а остановилась перед ним.

– Здравствуйте, – сказал Роман Егорович.

– Здравствуйте, – ответила она, и ноздри ее тоненького носика так вздрогнули, точно она еле сдерживалась от хохота.

– Вы не узнаете меня? – спросил он, хотя узнать его ей было мудрено, так как он никогда ранее не встречался с ней.

Но она задумалась и ответила:

– Узнаю!

– Так мы с вами старые знакомые, – обрадовался Рогов и тут же, уловив ее немецкий акцент, прибавил: – Ведь вас зовут Ирма?

– Нет, Маргарита.

– Ах да, да, Маргарита! Я и забыл. Так вот что, Маргарита, присядьте да скажите, чем мне вас можно угостить?

– Моей подруге тоже можно сесть? – спросила она.

– А это ваша подруга?

– Да, она тоже хористка.

– Я только думаю через букву «а», – сказал он, хитро улыбаясь, – то есть «харистка» от слова «харя», а не «хор».

Та обиделась, презрительно повела плечами, круто повернулась и, отходя от столика, сказала:

– Невежа, дурак! Право, дурак!

– Вы обидели ее, а она вам ничего не сделала, – сказала Маргарита. – Вы должны подарить ей что-нибудь.

– Подарить? С удовольствием!.. – Рогов достал из бокового кармана бумажник огромных размеров, совершенно новый, пошарил в нем, вынул двадцатипятирублевку и, отдавая ее Маргарите, перешел уже на «ты». – На-ка, снеси ей, – сказал он, – только чтоб она сюда не возвращалась. А ты сама скорее приходи!

– Подарите и мне, – попросила она.

– А вот когда вернешься. Скажи только вперед, чего тебе заказать?

– Шампанского, – ответила Маргарита и, презрительно выставив нижнюю, слегка припухлую, губу, пошла разыскивать свою приятельницу-хористку.

Найдя подругу, она сказала:

– Я выпросила нам с тобою пополам десять рублей за то, что он обругал тебя. Я пройду к буфету, разменяю и дам тебе твою половину. Он велел мне скорее приходиться назад. Я с него еще разживусь.

– Ничего не разживешься. Ведь он хам. Сейчас видно.

– Зато денег у него сколько!

– У них у всех денег много.

Маргарита рассчиталась и тем временем думала: «Неизвестно еще, чем кончится, а этих двадцати пяти рублей не было бы, если бы не я, стало быть, львиная доля принадлежала мне по праву». Потом она вернулась к Рогову.

Стол еще был пуст, и она спросила:

– Что же, вы заказали?

– Да, заказал, сейчас принесут.

Действительно, к ним спешили три официанта. Один нес вазу с фруктами, другой – бокалы, а третий держал в каждой руке по несколько бутылок, между пальцами.

– Это что же такое? – спросила Маргарита.

– Ты велела шампанского, а в порядочном обществе я менее полудюжины не спрашиваю.

– Вы еще кого-нибудь позовете?

– А вот сейчас будем выбирать.

Пары не расходились. Глаза у прогуливавшихся девиц все более разгорались. Тех, которых находил покрасивее, Рогов подзывал к столу.

– Только не эту! – быстро и энергично воскликнула Маргарита, когда он кивнул головой высокой девушке с удивительным льняным цветом волос.

Но было поздно. Та уже подходила и будто прежнему знакомому сказала ему очень просто:

– Здравствуйте.

Когда она уселась, Рогов спросил Маргариту:

– Почему ты не хочешь, чтобы я пригласил ее?

– Потому что я с ней в ссоре.

– Экий вздор какой! Хочешь, я сейчас помирю вас? Из-за чего вам ссориться? – Потом, обращаясь к высокой блондинке и поднимая свой бокал, наполненный шампанским, сказал громко, во всеуслышание: – Маргарита говорит, что она с тобой в ссоре. Помиритесь, девочки мои! Ведь вы составляете одну семью, а нет ничего лучшего в семье, как дружба да любовь.

– Пошему ниэт? – согласилась высокая блондинка, выговаривавшая русские слова еще хуже Маргариты. – Я, пошальной, зоглясна.

– Вот умница! – чрезвычайно обрадовался Рогов. – Ну-ка, Маргарита, встань и поцелуй ее!

– Ни за что на свете.

– Полно врать. Первая, кто встанет и поцелует другую, получит от меня двадцать пять рублей. Ну-ка, кто умнее?

– Я буду умнее, я получу от вас деньги, давайте мне двадцать пять! – живехонько согласилась высокая блондинка и тут же встала с целью подойти к Маргарите.

Но та гордо выпрямилась, сверкнула красивыми глазами и сказала:

– Никогда!

– Вот ты какая! – обратился к ней Рогов. – Что же это значит?

– Она назвала меня «воровкой».

Роман Егорович хотел вмешаться, но успел только высказать, что это действительно очень обидно. Ему не дали говорить. Перебранка поднялась ужасная. Вероятно предполагая, что он не знает немецкого языка, блондинка и Маргарита стали тут же сводить счеты на своем родном наречии. Он поминутно вмешивался в их спор, но они все более горячились и не слушали его, даже не заметив того, что он все понял и говорил с ними по-немецки. Наконец они до того начали кричать, что все гости стали смотреть в их сторону.

Подошла какая-то толстая женщина, и тогда только они присмирели. По-видимому, это была их начальница, а может быть, и директриса хора. Любезно улыбаясь Рогову, она предложила что-нибудь спеть.

– В кабинет в таком случае! – скомандовал он, сейчас же добродушно соглашаясь. – Все за мною, все в кабинет; там и мировая состоится.

– Никогда! – снова и с еще большим упорством ответила Маргарита. Однако это не помешало ей отправиться вместе со всеми в отдельную комнату ресторана.

Рогов сидел на диване. Хор стал полукругом, выставив дам в первую шеренгу.

– Пойте мне «Славу»! – скомандовал Рогов.

– Кого величать прикажете? – спросила его одна из хористок.

– Величайте Романа Егоровича.

И пошло все понемногу на самый разнузданный лад. Пели, в промежутках пили, и с разрешения Романа Егоровича каждый заказывал себе, что хотел. Потекли словно сквозь прорванную плотину денежки купчихи Куприяновой, быть может скопленные ценою тяжелых трудов долгой жизни.

Значительная доля промотанных в эту ночь денег перепала самому хозяину заведения за закуски, кушанья, вина и т. п. Хор тоже хорошо попользовался, и многие из певиц в отдельности сумели выклянчить себе кто золотой, а кто и кредитку покрупнее. Тут уже каждая из них старалась сама для себя. Прислуга тоже нажилась немало, приписывая и привирая на счетах.

Но Роман Егорович не огорчался. Он именно хотел, чтобы кругом его был дым коромыслом и чтобы все ходило по струнке.

Смирнин провел вечер с другой Маргаритой – Маргаритой Прелье.

Да не покажется странным кому-нибудь, что это имя повторяется. Разве не подходит оно к созданиям, любовь которых отщипывают по лепестку и любящие немножко, и любящие очень сильно, и ничуть не любящие, до тех пор, пока все лепестки не вырвутся и цветок не будет выкинут на большую дорогу, где пройдут мимо него с презрением или безжалостно затопчут прохожие?

Иван Павлович значительную часть ночи промечтал о том, какую он теперь начнет жизнь. Оставаться в банке он ни в каком случае не желал. Здравый смысл творил ему, что если дело

выемки вклада купчихи Киприяновой прошло вчера благополучно, то теперь каждую минуту можно опасаться простой случайности. Разве не может приехать купчиха за своими билетами? Этого было бы совершенно достаточно, чтобы преступление раскрылось.

Правда, он очень ловко пустил слух о полученном им наследстве, так что выход его из числа служащих, конечно, никого не поразит неожиданностью. Но, пока все это устроится, ему страшно хотелось отведать того блаженства, которое доставляет пустым натурам самый процесс мотовства.

Смирнин проснулся на другое утро рано и сейчас же встал, сказав Маргарите Прелье, что у него масса дела, но чтобы она никуда не отлучалась, так как он непременно заедет к ней, чтобы взять ее с собою обедать.

– Но мне тоже хочется кое-что купить, – возразила Маргарита Прелье. – Ведь не на «посмотрение» только дал ты мне эту тысячу рублей.

– До четырех часов ты, во всяком случае, свободна, – ответил он и уехал.

Шел десятый час. Большие магазины и банкирские конторы уже открывались. Смирнин отправился прежде всего к Юнкеру и, отсчитав себе значительную сумму для личного употребления, внес остальное на свое имя на текущий счет. Затем, имея немного более пяти тысяч в кармане, он поехал к себе в меблированные комнаты. Торжество минуты полного расчета с квартирной хозяйкой особенно манило его. Он усматривал огромную силу мести в том, что покажет ей теперь, с кем она имела дело и как мало уважала его.

Действительно, удовлетворение получилось им сполна. Квартирная хозяйка рассыпалась перед вором в самых униженных уверениях преданности и любви, как только ее глазам представились красивые сотенные. Конечно, она не знала происхождения этих денег и совершенно искренне верила в получение Иваном Павловичем наследства. Об одном она печалилась, что постоялец мало был должен ей, а стало быть, и немного доведется получить с него. Вместе с тем ей было ясно, что теперь он съедет. Приходилось возиться с ним, пока у него ничего не было, а теперь, когда он разбогател, пользоваться его деньгами будут другие, а не она.

Получив с него те пустяки, которые еще причитались, квартирная хозяйка наконец не утерпела и спросила:

– Куда же вы, Иван Павлович, теперь переезжать думаете?

– Я, видите ли, еще и сам не знаю. Во всяком случае, я долго здесь не останусь. Мне хочется побывать за границей, увидеть свет, пока молод. Из банка я уйду, но пока кое-что устроится, все-таки, пожалуй, пройдет еще неделя. Я думаю на это время перебраться в какую-нибудь хорошую гостиницу.

– Конечно, вам лучше знать, и не мне вас учить; но стоит ли переезжать на неделю или еще того меньше.

– Хочется, знаете ли, все старое с себя стряхнуть, поскорее зажить как следует.

– Да я и не думаю, чтобы вы остались в этой комнате, – живо заговорила хозяйка. – Сама вижу, что комната невеселая. Конечно, пока на службу ходили, чего ж вам больше нужно? Было бы где переночевать, и все тут. Здесь ни принять кого, ни самим расположиться.

Вертевшаяся тут же смазливая и хитрая горничная нашла случай подслужиться хозяйке.

– Ведь внизу три комнаты из-под актрисы освободились, – сказала она. – И ход отдельный, и этажом ниже, и сейчас, как войти в переднюю, налево первая дверь: большая гостиная, потом так вроде столовой, а потом спальня, перегороденная пополам.

Хозяйка, заискивающе улыбаясь, предложила:

– Да не угодно ли вам будет посмотреть?

– Сейчас, с удовольствием. Я только вот о чем хочу попросить: позовите коридорного! Я дам ему денег и все мои квитанции на заложенные вещи, и пусть он все выкупит да привезет сюда.

– Все будет сделано.

Когда деньги, квитанции и приказания были переданы нижнему коридорному Ивану, хозяйка повела Смирнина в комнаты «из-под актрисы». Тут замечалась некоторая роскошь: в гостиной мягкая мебель; везде гардины, портьеры и драпри, ковры, два зеркала и даже картины по стенам. В столовой – буфет, большой вытяжной стол, дюжина стульев, обои под дерево, и местами были развешаны пестренские японские тарелочки. Разделенная надвое спальня была тоже недурна.

Хозяйка, зорко следившая за выражением лица Смирнина, заметила, что помещение ему нравилось.

– Здесь вы совсем как у себя, – сказала она. – Точно в своей собственной квартире: никакого даже различия нет.

– Это все прекрасно, – несколько нерешительно заметил он, – но только, знаете ли, в гостинице все под рукой, все немедленно подадут...

– Вы напрасно сомневаетесь! Все, что вам угодно, будет подано. Я сама пятнадцать лет в большом доме жила и знаю, как господа привыкли кушать. Конечно, нельзя требовать, чтобы за пятьдесят копеек я вам тонкий обед отпускала.

– Впрочем, ведь я часто буду по ресторанам ездить. Мне главное утром. Потом, знаете ли, если послать куда-нибудь. Наконец, ко мне тут, может, будет приезжать одна барыня, которая...

– Я все это прекрасно понимаю! – сказала предупредительная хозяйка. – Можно Ивана к вам для услуг приставить... И барыня к вам ездить будет... Разве я не понимаю!.. Хорошие господа всегда так.

– Что же, так как ненадолго, то, пожалуй, я согласен. Велите без меня сюда перенести все сверху, прикажите все приготовить. Да, а сколько же вы возьмете с меня?

– Актриса платила мне полтора в месяц, и денежки вперед. Уж такая была аккуратная жилища, что даже и сказать нельзя.

Смирнин достал сторублевую и, отдавая ее хозяйке, сказал:

– Вот возьмите пока, а что нужно доплатить, после рассчитаюсь.

Хозяйка совсем залезла: она забежала вперед, отворила Смирнину дверь в коридоре, крикнула во все горло: «Иван, Серафима! Не слышите, что ли? Барин уходит!» – и еще долго, пока он спускался с лестницы, кричала ему вслед:

– А насчет этого не беспокойтесь: и послать куда... так к вам одним Ивана и приставлю... и барыня будет ездить... Всякое уважение... Сейчас распоряжусь все там вычистить, будем дожидаться вас.

Смирнин вышел на улицу и сел в извозчичью пролетку. Он поехал в магазины, придумав массу вещей, которые ему надо было купить.

Проезжая мимо извозчичьей биржи, он подумал: «Почему бы мне не взять хорошей коляски?» – и, вспомнив, что неподалеку отсюда, по дороге в банк, часто видел вывеску с надписью «Барские экипажи», велел извозчику остановиться у ворот этого дома.

В обширном дворе под навесами стояли «всякие экипажи». Посреди двора запрягли в пролетку красивого серого в яблоках коня. Рабочие торопились, а в стороне стоял высокий старик с широкой седой бородой. Кучер с белыми перчатками за поясом стоял тут же, в ожидании и готовности сесть на козлы.

– Кто здесь хозяин? – спросил Смирнин, обращаясь к седому высокому мужику. – Мне нужна хорошая коляска, такая, которую нельзя было бы отличить от собственной. Резины чтобы были новые, кучер чтобы одет был прекрасно, лошади тоже самые лучшие.

Седобородый мужик поклонился и спросил:

– А когда прикажете?

– Да мне сейчас.

– И до какого времени?

– А пока не отпущу.

– На целый день, стало быть-с? Езда большая будет? По городу изволите или, может, за город-с, на острова-с?

– Ну, уж этого я не знаю. Куда поеду, туда и поеду.

– Так-с. Что ж, двадцать пять рублей не дорого будет-с?

– За что это?

– Коляску изволите спрашивать, – спокойно ответил хозяин. – Опять, чтобы закладка была, и одежда кучерская, и резина – все новое. Недорого прошу-с.

– Да ведь мне не на один день.

Хозяин посмотрел на него, приподнял картуз и, едва приметно улыбнувшись, сказал:

– В таком случае тем приятнее-с. Вам помесечно угодно-с? Помесечно ежели – разговор другой-с.

– Вот видишь ли, в чем дело, – заговорил с ним Смирнин на «ты», – я еще сам не знаю, но вернее всего, что экипаж мне понадобится на недельку или дней на десять...

– Так-с. Езду большую предполагаете?

– Да уж там как придется.

– Можно будет так, – сказал седобородый мужик, – чтобы днем лошадей одних, а вечером другую пару.

– Я хотел бы видеть.

– Что ж! Можно-с. – И тут же, что-то сообразив, хозяин крикнул: – Микита, Фрол! Подька, ребята, выводи караковых Платицына! – Затем обернулся к Смирнину: – Сию минуточку-с. Лошади преотменные, призовые. Таких лошадей в Питере мало, по пяти с лишком вершков росту, голова к голове, так пара съезжена, что, кто увидит, рот разинет.

– И коляска?

– Насчет экипажа не извольте беспокоиться. Коляски есть самые охотничькие. От первых мастеров экипаж держу-с. Щигренем обивку можно, а то есть и голубого сукна.

– Шагреневая лучше.

– Как прикажете-с! Вам, барин, присесть не угодно ли? Вот тут, на солнышке, лавочка у нас приспособлена.

Он пошел вперед, обтер скамейку полою своего длинного армяка, и Иван Павлович сел.

Тем временем вывели лошадей. Смирнину понравился их рост, а также и масть была по вкусу, и он сказал:

– А нельзя ли их запрячь?

Хозяин молча приподнял картуз, а потом, обращаясь к конюхам, крикнул:

– Микита! Фрол! Отведите караковых к сторонке... вот так... Сейчас одиночка выедет.

Когда пролетка выехала со двора, он велел тем двум рабочим, которые освободились от ее упряжки, выкатить «щигреневую» новую коляску и снять с нее брезент. Вскоре Смирнин увидел действительно прекрасный и как бы совершенно новый экипаж.

– Запрягать прикажете? – спросил его хозяин.

– Да, только по двадцати рублей в день, кругом. Вот пока сто рублей в виде задатка, – и Смирнин протянул мужику радужную.

Тот, принимая деньги, сказал:

– Маловато будет-с. Ну, да что уж! Прохор! Беги за хомутами, за серебряными. Чистого серебра, ваше сиятельство, сбрую-то, восемьдесят четвертой пробы, даю-с. И кучер с вами будет ездить такой, что двадцать лет выжил в графском доме. Борода одна сто целковых стоит-с. Прохор! Пушай Никанор одевается к щигреневой коляске, на лучший выезд.

Смирнин трепетал от блаженства.

Во дворе поднялась возня. Лошадей почистили щетками, потом вытерли какую-то суконкою, а копыта смазали чем-то вроде ваксы. Через четверть часа вышел Никанор. У него дей-

ствительно был благообразный вид, и можно было поверить, что он прожил двадцать лет в графском доме.

Наконец, щедро наградив всех кругом, Смирнин выехал с извозничьего двора, приказав взять себя на Невский. Пьянея от блаженства сидеть в роскошной коляске, он важно и гордо посматривал во все стороны. Так проехав до конца Невского проспекта, он приказал Никанору повернуть обратно.

Голова у него до того закружилась, что он даже не мог припомнить, какие именно покупки хотел сделать прежде всего. Наконец, увидев магазин какого-то ювелира, он приказал кучеру остановиться.

В магазине он попросил показать модное мужское кольцо.

– Знаете, такие широкие, матового золота, посередине сапфир или рубин, а по бокам бриллианты.

– Слушаю-с. Дайте сюда английские кольца! – приказал служащему respectable британский господин, вероятно хозяин.

– Да, вот именно такие, – сказал Смирнин, когда ему подали то, чего он искал, и, выбрав два таких кольца, потом два попроще, украсил себе оба мизинца, не споря о цене. Потом спросил запонки.

Ему предложили на выбор огромную коллекцию. Смирнин купил пару. Потом увлекся парой других, а затем и третьих.

Ему все укладывали в футлярчики, оклеенные снаружи сафьяном и бархатом внутри.

Затем он приобрел еще две булавки для галстука, кстати, купил для Маргариты Прелье недурненький браслет. Все это обошлось ему в тысячу восемьсот рублей.

Отсчитав деньги, он покровительственно кивнул головой продавцу и вышел.

Огромное наслаждение доставило ему ожидание перед магазином своей коляски. Гордо озираясь кругом, он с удивительной важностью крикнул:

– Никанор, подавай!

Не имея на себе еще порядочной одежды, нося сорочки с залупившимися от частой стирки воротничками, Смирнин заботился прежде всего о приобретении таких предметов, которые составляли мечту всей его жизни. Он приказал кучеру следовать за ним по Невскому и остановиться на углу, у магазина знаменитого часовщика. Там он купил себе прекраснейший золотой ремонтуар и маленькую жилетную цепь с печатками, а затем решил купить часы и для Маргариты. Выбор его остановился на ремонтуаре, походившем на его собственные часы.

– Можно и цепочку такую же подобрать, какая теперь у вас, – сказал приказчик.

– Это было бы очень оригинально! – обрадовался предложению Смирнин и вскоре, оплатив купленное, вышел из магазина.

– Куда теперь прикажете? – спросил его Никанор, склонив набок голову и натягивая вожжи, когда он сел в коляску.

– Вот что, поезжай-ка на Морскую. Знаешь шляпный магазин, – и Иван Павлович назвал фирму.

– Слушаю-с.

Там Смирнин купил себе два котелка и модный цилиндр.

Тут же, рядом, находился большой магазин белья, и туда Смирнин зашел. Ему предлагали сделать сорочки на заказ, но в своей лихорадочной поспешности приобретать он потребовал товар готовый и купил себе всего по дюжине, причем выбирал самое дорогое. Кроме белья, он нашел в этом магазине и прекрасный дорожный плед, и галстуки, и даже перчатки.

– С покупками как изволите приказать? – обратились к нему, когда он рассчитался. – Может, к вам на дом послать.

– Да, пошлите, пожалуйста, только сейчас же, – ответил Смирнин. – Я через полчаса буду дома, и надо, чтобы я уже все застал на месте.

После этого он немного подумал, куда бы ему поехать за готовым платьем, и, вспомнив один магазин, сильно рекламировавший себя, отправился туда. На его средний рост оказался довольно обширный выбор всякой одежды, но он ограничился пальто, пиджачным костюмом и визиткой.

Экипировавшись таким образом, Иван Павлович приехал к себе, в свои новые комнаты, немедленно занялся переодеванием и через двадцать минут снова вышел на улицу, буквально не зная, куда бы ему теперь двинуться. Времени оставалось еще много; он подумал, что Маргарита Прелье, вероятно, тоже рыщет по магазинам за покупками, так что и к ней ехать рискованно – ее не застанешь. В довершение всего стал накрапывать дождик, и пришлось поднять верх коляски.

Удовольствие ехать в столь роскошном экипаже, когда его никто не мог видеть, значительно умалилось для Смирнина. Это была первая тучка, затемнившая свет его счастья.

Пока дворники подымали верх коляски, Смирнин стоял на тротуаре, навстречу быстро шел какой-то человек с портфелем под мышкою.

– Ба, Иван Павлович! – остановился прохожий как вкопанный.

Смирнин как будто не то сконфузился, не то испугался. Неожиданно встретившийся был служащим банка «Валюта».

– Можно, стало быть, поздравить? – спросил этот господин. – Изволили получить?

– Да, как же, получил.

– Вижу, вижу. Коляска-то ваша?

– Да, моя, – ответил со вздохом смирения Смирнин.

– Счастливцев вы, Иван Павлович, право, счастливцев! Впрочем, и то ведь надо заметить: не всем богатыми быть! Кто бы тогда трудом существовал? Конечно, приятно на резинках покачиваться. Только и в нашей жизни простого труженика бывает немало отрадных минут. Вещичка каждая самим приобретена, от жалованья пусячки откладываешь, а все же кое-что накапливается. Смотришь, билетец и приобрел...

Смирнину эти рассуждения не нравились – ему почему-то неловко было слышать их. И вдруг ему захотелось задать один вопрос:

– А что у нас в банке, все благополучно?

– То есть как это? Насчет чего?

– Ну, так, знаете ли, вообще насчет всего. Нет ли каких разговоров, особенных случаев? Мало ли что бывает!

– Нет, слава Богу, у нас все в порядке. У нас там, сами знаете, машина заведена и идет себе полным ходом. Мы изображаем собою винтики этой самой машины, и нас подмазывают каждый месяц.

– А вы куда идете? – спросил Смирнин, перебивая словоохотливого банковского чиновника.

– А я был за справочкой послан в государственное казначейство, в конке ездил, а этот вот кусок хотел пешочком добежать. Только вот дождичек.

Разговор с этим товарищем по службе так успокоительно подействовал на Смирнина, что ему ясно стало полнейшее отсутствие опасности. Он опять повеселел:

– Так вы теперь в банк возвращаетесь? Да? Ну, и я с вами.

– Как же так? Ведь у вас отпуск взят на три дня? Погуляли бы, право, еще до завтра. Потом ведь снова за лямку. Там богаты не богаты, а уж если останетесь служить, так надо наравне со всеми.

– Вот то-то же и есть! – ответил Смирнин. – Только что же это мы стоим под дождичком? Садитесь-ка лучше со мною в коляску, и я вам дороною расскажу.

– Так решили ехать?

– Да, мне, кстати, надо там, на службе, кое-кому должки заплатить. Позвольте! Ведь я и вам десять рублей состою должным.

Они сели в экипаж, и Никанор, получив требуемое приказание, повез их в банк «Валюта».

– Вспомнили-таки! – обрадовался сослуживец Смирнина. – Ну спасибо, что не забыли. Ведь я это вполне понимаю: голова страшно кружится при получении больших денег. Сколько раз я наблюдал: считает в банке какой-нибудь человек деньги, бледный весь, нижняя губа отвиснет и трясется, руки дрожат как в лихорадке, кругом озирается, каждого шороха боится. Подумать можно – вор! Ей-Богу, извините, пожалуйста, но люди чрезвычайно меняются, человек может колоссально растеряться при получении огромных денег. А вот вы не забыли и таких мелочей – мои десять рублей вспомнили. Ну, спасибо вам, спасибо!

Между тем Смирнин успел достать деньги и передать их сослуживцу.

Взяв десятирублевку и аккуратно спрятав ее, тот спросил:

– Так как же теперь свою жизнь думаете устроить, Иван Павлович?

– Службу думаю бросить.

– Вот как-с. Ну, что же, понятно – более широкое направление хотите теперь себе дать. В большие корабли попали – большое и плаванье. Да и то надо сказать: не следует место занимать и отнимать верный кусок хлеба, быть может, у целой семьи, когда самому нет надобности в этом. Куда же вы теперь полагаете? Поступите на другую какую-нибудь службу или имениями займетесь?

– Я думаю прежде всего проехаться за границу, – ответил совершенно уверенно Смирнин. – Мне, знаете ли, надо поосмотреться, все обдумать.

В этот момент они подъехали к банку.

Появление Смирнина там произвело целую сенсацию. Все бросились поздравлять его, закидывать вопросами. Он со всеми рассчитывался, щедро заплатил вахтеру по векселю.

– А ведь с тебя бы надо литки! – сказал один из тех сослуживцев, который был ему поближе.

– Правда, правда, спрыснуть следовало бы! – раздалось с разных сторон.

– В таком случае, господа, вот что предложу вам, – громко сказал Смирнин. – Сегодня мне некогда, а завтра милости прошу всех ко мне. Я живу еще в прежнем доме, только этажом ниже. Прошу всех ко мне!

– Вот это дело!

– Прошу часов в семь вечера. Прошу всех, буду рад от всей души.

Это приглашение было принято всеми, так как полагали иметь дело с честным человеком. Смирнина это очень занимало, однако не радушие и сердечное гостеприимство руководили им, а желание пустить всем пыль в глаза, всех удивить и затмить.

Он начинал чувствовать голод и простился с товарищами, сопровождаемый самыми добрыми пожеланиями.

Дождь лил все сильнее, и это рассердило Ивана Павловича. Все перед ним было открыто: он мог теперь поехать в любой лучший ресторан, а между тем почему-то столица вдруг показалась ему ужасно пустой. Во всем городе был только один человек, к которому он мог заехать, а именно Маргарита Прелье, но, взглянув на свои новые часы, он подумал, что ее, вероятно, нет еще дома. Проведать Мустафетова не имело никакого смысла, так как тот наверняка устраивает какие-нибудь свои дела. Где жил Рогов, он даже и не знал. Тому ведь еще нужно было отделаться от своего ложного звания помощника присяжного поверенного.

И вот вышел на крыльцо банка человек, в распоряжении которого было более полутора тысяч, который добыл эти деньги путем преступления, который до такой степени желал иметь их, что ежеминутно рисковал Сибирью, и который на другой же день их получения не знал, куда с ними деваться.

Он дал Никанору адрес Маргариты Прелье и решил, что если не застанет ее, то поедет в какой-нибудь ресторан.

Но Маргарита была уже дома. Она очень обрадовалась его подаркам и созналась, что сама очень голодна.

– В ресторан! – скомандовал Смирнин, садясь с нею в коляску, и назвал улицу.

Они заняли одно из угловых мест в большом зале. Их окружила обслуга во фраках, но это не удовлетворило Ивана Павловича, и он потребовал к *себе* одного из распорядителей. Явился довольно красивый брюнет во фраке.

– Вот что нам нужно, – обратился к нему Смирнин, прекрасно усваивая повелительный тон. – Мы хотим пообедать тонко, безукоризненно, но и так, чтобы чувствовать, что мы действительно пообедали. Вы понимаете?

– Понимаю. Тонко, хорошо и много?

– Совершенно верно. А для начала дайте нам одной только зернистой икры. Да вот еще что: нет ли у вас хорошей сухой мадеры? Ост-индской, – прибавил он, вспомнив, как накануне распорядился Мустафетов.

– Сейчас подадут, – ответил распорядитель.

– Смерть есть хочется! – обратился Смирнин к своей даме.

– Признаюсь, и мне, – ответила Маргарита.

– Ты хоть чай утром пила. А у меня хоть бы маковая росинка во рту была. Все ездил, хлопотал, покупки делал, должки уплачивал.

– Я тоже.

– Как? И у тебя есть долги?

– А то как же бы я жила? Только пустись в нашу жизнь, так вот сейчас и опутают тебя сетью разные поставщики. Нужны наряды, приличная квартира, и серьги, и браслеты, а то за нищенку примут, и дальше трех рублей не уйдешь. Все это предлагается тебе напрокат, с платою посуточно, понедельно, а пройдет месяца два – переплатишь больше, нежели вещи стоят, и все-таки у тебя своего ничего нет.

– Это ужасно!

Поданная зернистая икра в сопровождении действительно прекрасной мадеры тотчас же отвлекла Смирнина и его подругу от этой мрачной темы. Вскоре подошел распорядитель и, держа в руках какой-то лист, стал докладывать:

– Суп, если вам будет угодно, подадут настоящий черепаховый.

На лице Смирнина, не привыкшего к таким тонкостям, невольно отразилась гримаса:

– Только не черепаховый!

– В таком случае черепаховый суп не надо, а подадут вам раковый крем с шейками, фаршированными раковыми спинками.

– Знаю. Дальше что?

– Пирожки разных сортов. Потом можно подать рыбу «соль», соус нормандский или «au gratin». Может быть, тюрбо угодно, с голландским соусом?

– Нет, уж лучше, я думаю, «соль».

– Хорошо-с. Потом не позволите ли подать вам телячьи филейчики, соус пуаврад?

– Ах, это здесь прекрасно делают! – вмешалась Маргарита Прелье.

Распорядитель сочувственно и благодарно улыбнулся ей и продолжал:

– Не позволите ли подать после этого пунш глясе?

– Как, уже? – удивился Смирнин, не знавший, что на больших тонких обедах подается пунш.

Но его выручила Маргарита:

– Я знаю, ты этого не любишь, но сегодня попробуем. Пускай в самом деле подадут посреди обеда пунш для охлаждения.

Смирнин догадался, покраснел и согласился.

– Фазана можно сжарить, – продолжал распорядитель, – салат к нему с эстрагоном и рубленным яйцом. Я сам заправлю его по-французски. Артишоки есть огромные. Потом на сладкое маседуан или парфе.

– Ну, хорошо. Вино только красное, легкое, но высокого качества, а после фазана – шампанское.

Обед удался на славу.

XIV. Гром грянул

Из трех преступников, как уже было сказано выше, один только Мустафетов рассчитывал каждый свой шаг. Он тоже занялся кое-какими приобретениями, но, предвидя множество расходов, старался по мелочам не переплачивать.

Он делал все спокойно и методично. Подыскивал подходящую роскошную квартиру и снял ее по контракту. Мебель он покупал по газетным объявлениям за полцены, разъезжая по городу и, разумеется, приобретая только лучшее из массы предложенного, являющегося в особенности весной. Экипажи он тоже купил не у первых каретников и не из первых рук, а подержанные, но столь хорошо подновленные, что и самый опытный глаз на первый взгляд не подметил бы этого.

Но в особенности сказалась его расчетливость в покупке драгоценных украшений для Ольги Николаевны. Он не поленился перешарить множество ссудных касс и ломбардов, чтобы выбрать вещи действительно прекрасные и очень немногим дороже их настоящей рыночной стоимости. Все эти серьги, броши, браслеты, кольца отдавались одному мелкому ювелиру в чистку, затем вкладывались в совершенно новые футляры и преподносились по назначению. В общей сложности если бы Мустафетов накопил все это у первых ювелиров, то переплатил бы, по крайней мере, вдвое дороже.

Таким образом, не прошло и недели, как Мустафетов и Ольга Николаевна поселились на новой квартире, уже совершенно благоустроенной и снабженной всеми удобствами современных требований комфорта.

– Ты рада? – спросил он свою возлюбленную, сам восхищаясь тем, как хорошо и как сравнительно дешево он сумел устроиться.

– Очень, – ответила она, и по ее глазам было видно, что оно говорила от чистого сердца.

– День, два, и пора мне приниматься за дело, – объявил Мустафетов немного погодя.

Он давно себе кое-что наметил. Для исполнения плана он именно только и ждал двух необходимых двигателей: приличного капитала и красивой, ловкой, воспитанной хозяйки.

Может показаться странным, каким образом человек, столь хитрый и даже умный, каковым, бесспорно, был Назар Назарович, решился оставаться в Петербурге после участия в крупной мошеннической проделке, которая должна же будет когда-нибудь раскрыться? Объяснялось это тем, что он был уверен и в себе, и даже в своих помощниках.

В самом деле, как бы ни допрашивали, откуда явилась в руках постороннего лица квитанция, прямо вырезанная из одной из банковских книг, ведь никто из остальных помощников бухгалтера отделения по вкладам не возьмет на себя греха. Почему же должен в этом сознаться и Смирнин? Что же касается Рогова, то не было в мире никаких данных, чтобы могли указать именно на него.

«Могут быть спокойным!» – не однажды говаривал самому себе Мустафетов.

Так предполагал он, но иначе располагало Провидение.

Смирнин устроил вечер для своих товарищей и тут же заявил им, что совершенно бросает службу и едет за границу. Все ему советовали дожидаться отчисления, на что он было согласился, тем более что в дело замешалась женщина.

И Маргарита Прелье говорила ему при каждом удобном случае:

– Ты добрый, благородный, щедрый! Я так полюбила тебя! Мне будет ужасна разлука с тобой!

Голос ее звучал искренностью, и Смирнин очень охотно верил ее словам, льстившим ему тем более, что ранее ничего подобного не слышал.

День проходил за днем в непрерывном ряде удовольствий. Маргарита ласкала и миловала его, в банке же никто не торопился по исполнению формальностей, требуемых для отчисления.

Наступило уже двенадцатое апреля.

Накануне Смирнин где-то долго кутил вместе с Маргаритой и с каким-то случайным знакомым, одним из тех, которых всегда является вдоволь у людей, внезапно получающих большие деньги и тратящих их щедро.

Иван Павлович проснулся поздно и лениво оделся. Он едва дотронулся до поданного ему квартирной хозяйкой завтрака и так же лениво принялся просматривать газету. Вдруг руки его затряслись, он почувствовал, как кровь прилила к сердцу, как защемило его словно клещами, и моментально холодный пот оросил все его тело.

Посреди второй газетной страницы ярко бросался в глаза напечатанный крупным жирным шрифтом следующий ужасный заголовок: «Мошенничество на 500 000 рублей в банке „Валюта“».

Иван Павлович до того обомлел от страха, что долго не мог узнать содержание статьи. Он принимался за газету, но поминутно прислушивался. Ему казалось, что за ним уже едут. Вот раздаются шаги, вот раскрывается дверь, входит полиция и его арестовывают.

Но нужно же было наконец прочитать, что стояло дальше в этой ужасной статье?

«О, подлые газеты! Все-то они прознают, обо всем оповестят весь мир! Никуда от них не скроешься!» – впал он в отчаяние.

Но что же было написано в газете?

«Вчера в банке „Валюта“ обнаружено мошенничество на огромную сумму. Злоумышленник успел воспользоваться, около двух недель тому назад, вкладом в 500 000 рублей четырехпроцентной государственной ренты, принадлежащим вдове первой гильдии купца Евфросинии Псоевне Киприяновой. Такого-то марта явился в отделение вкладов неизвестный прилично одетый человек с портфелем, на котором крупными золотыми литерами были отпечатаны слова: „Помощник присяжного поверенного Борис Петрович Руднев“. Вынув из портфеля засвидетельствованную у нотариуса такого-то доверенность от имени купчихи Киприяновой, квитанцию в принятии на хранение государственной ренты по номинальной цене на сумму 500 000 руб. . . свидетельство, служащее ему видом на жительство, и удостоверение личности, выданное ему из участка, назвавшийся Рудневым потребовал выдачи ему означенного вклада. Подозрений никаких он не вызвал, да и квитанционный лист тем более не подлежал никакому сомнению, что в нем действительно подробно и в точности перечислялись номера всех принятых на хранение процентных листов. Через два часа по предъявлении требования вклад ему был выдан. Вчера же явилась в отделение для вкладов банка „Валюта“ сама купчиха Киприянова и, предъявив тоже вкладную банковскую квитанцию, потребовала, чтобы ей выдали из отданной ею на хранение суммы двадцать пять тысяч рублей. Удивление всех служащих было чрезвычайно, когда они убедились, что речь шла о вкладе, уже полученном такого-то марта помощником поверенного Рудневым, или, по крайней мере, лицом, наименовавшим себя таким образом. По немедленно наведенным телефонным справкам оказалось, что никакого помощника присяжного поверенного этой фамилии во всем составе нашей адвокатуры не имеется. Между тем в участке действительно таковой был прописан и в вечер получения им вклада отметился выбывшим из Петербурга. Тотчас же было сообщено прокурорской власти и сысской полиции. Приняты строжайшие меры к розысканию преступника. Дело является тем более загадочным, что квитанционный лист выкраден из книги для записывания вкладов, но кем, когда и каким образом – распознать будет довольно трудно, принимая во внимание огромное количество служащих в банке лиц, заподозрить которых нет никаких оснований. Но все же надо надеяться, что энергичные меры подлежащих властей помогут раскрыть это дело».

Прочитав это, Смирнин трепетал буквально как осиновый лист.

«Скорее, скорее, пока еще есть время, бежать!» – пришла к нему мысль.

Но ведь он отдал все деньги на текущий счет в банкирскую контору Юнкера. Надо было поехать и сейчас же взять их. Экипаж был заказан только к двум часам, а теперь – он взглянул на свой прекрасный глухой ремонтуар – было всего пять минут первого.

Не дожидаясь коридорного Ивана, не говоря никому ни слова, Смирнин надел пальто и вышел. На первом попавшемся извозчике он поехал в контору Юнкера за своими деньгами.

Процедура получения и пересчитывания до того замучила его, что он готов был ото всего отказаться и уйти с теми деньжонками, которые оставались еще в его бумажнике. Каждого входившего он оглядывал со страхом, предполагая в нем тайного полицейского агента. Но наконец деньги были им получены все целиком и даже с маленьким приростом текущих процентов за эти две недели.

Смирнин поехал к Маргарите Прелье. Она не ожидала его, но была очень рада. Не показывая, что у него в газетной бумаге, Смирнин потребовал оставить его ненадолго одного и, запершись на ключ, начал сортировать деньги, но, как ни размещал их по карманам, ему все казалось неудобным напихать себе более тридцати тысяч. Оставалось еще много. Аккуратно, в четыре или пять газетных листов, завернул он всю остальную огромную сумму и несколько раз крепко-накрепко перетянул бечевками, а потом, достав из кармана еще тысячу рублей, позвал к себе свою подругу.

– Вот что, Маргарита, – сказал он. – Возьми этот сверток и спрячь его у себя. А вот тут тебе тысяча рублей. Я верю в твою любовь и сам к тебе очень привязался. Одному мне все равно не прожить, а другой женщины, которая нравилась бы мне более, чем ты, я не найду. Как только я напишу тебе, ты приедешь ко мне и привезешь мне этот сверток, а до тех пор не смей его никому показывать.

Разумеется, Маргарита попробовала обратиться к нему с расспросами, но добилась только одного, что какие-то родные хотят ему учинить процесс и что он едет улаживать свое дело.

В тот же день Смирнин уже мчался по направлению к Варшаве. Там он купил себе чемоданчик и необходимое белье, а оттуда отправился на нашу границу и благополучно перебрался в Австрию с помощью фактора.

Тут он почему-то снова воспрянул духом, предположив себя в полной безопасности.

Он приехал в Вену и остановился в известной гостинице «Гранд-отель» на Оперн-ринге, где занял более нежели приличный номер за пять гульденов в сутки.

Расправив свои прижатые крылышки, Смирнин пустился осматривать красавицу столицу Габсбургов. Целыми днями разъезжал он из конца в конец, а вечера проводил в театрах. Он заказал себе массу модного платья, накупил множество хорошеньких безделушек.

Прислуга гостиницы стала звать его за его щедрости «графом», и это ему очень льстило.

Записался он просто: «Иван Павлов», без указаний своей фамилии, что очень удобно за границей, так как только в крайне редких случаях требуются от проезжих паспорта. В той строчке явочной записки, где значился вопрос о звании, Смирнин написал: «русский потомственный дворянин», а где спрашивалось, по каким надобностям он путешествует, отметил: «для собственного удовольствия».

Но вдруг и в Вене его встревожило точь-в-точь такое же газетное сообщение, какое вспугнуло его в Петербурге. Передавалась сущность дела, причем уже прямо указывалось подозрение на скрывшегося из города неведомо куда банкирского чиновника С.

Смирнин, который, в сущности говоря, никаких и ни с чьей стороны подозрений еще не вызывал, снова страшно перепугался, поспешно вернулся из кафе, где прочитал это известие, в гостиницу, рассчитался, уложился и выехал по западной железной дороге в Швейцарию.

В Женеве он остановился в «Национальной гостинице» и, считая себя теперь вне всяких преследований, послал Маргарите Прелье следующего рода телеграмму на французском языке:

«Выезжай немедленно, возьми сверток, береги его всю дорогу, ожидаю. Женева, гостиница такая-то, под фамилией Ивана Павлова».

Более суток он страшно волновался, пока наконец не получил следующий лаконический ответ:

«Будь спокоен и жди».

С этого момента Смирнин и в самом деле совершенно успокоился.

Между тем в Петербурге происходили события чрезвычайной важности. Как только дело из ряда вон о мошенничестве поступило в руки опытного судебного следователя, тот поставил начальнику отделения по вкладам в банке «Валюта» следующий вопрос:

– Не обратил ли кто-либо из ваших служащих на себя внимания чем-нибудь особенным в это последнее время?

– Ничего не замечал, – разводя руками, как-то растерянно ответил начальник.

– Никто не манкировал особенно службой? Никто не делал бросающихся в глаза расходов?

– Никто... ничего не видел! – Но вдруг безупречно прослужившего тридцать лет начальника отделения осенила одна мысль. – Разве? Но, впрочем, нет, этого быть не может... Нет, нет, я не могу допустить подобное подозрение.

– Все-таки выскажитесь определеннее. Каково бы ни было ваше предположение, я воспользуюсь им только после самого строгого анализа.

Начальник отделения, подумав, ответил:

– Есть у нас, или, вернее сказать, был, один из помощников бухгалтера, который получил недавно наследство и не пожелал продолжать службу; но я даже и не знаю, стоило ли передавать вам об этом.

– Вам известно, от кого ему досталось это наследство? – спросил судебный следователь, которому, по-видимому, это сообщение показалось довольно интересным.

– Нет, он ничего не говорил.

– Он сказал вам и другим своим сослуживцам просто, что вот, мол, получил наследство и служить более не намерен?

– Да, почти что так.

– Говорил он вам или не слышали ли вы от других, как велика сумма доставшегося ему состояния?

– Немного более полутора ста тысяч.

– Вы говорите: «немного более». Это вы слышали от него самого?

– Да, он сам говорил нам, что получил сто пятьдесят с чем-то тысяч.

– Это вы помните положительно?

– Положительно!

Следователь что-то отметил у себя в записной книжке и потом спросил:

– А задолго до получения наследства заговаривал о нем этот помощник бухгалтера?

– Вот это обстоятельство, признаться, меня самого несколько удивляет. Изволите ли видеть: Смирнин, о котором идет речь, на мой взгляд, вообще человек слабохарактерный. Жил он всегда не по своим средствам, всегда и почти у всех в отделении состоял в неоплатном долгу. Странно, что о своем наследстве такой человек заговорил только дней за пять до его получения.

– То есть вы полагаете, что его характеру было бы свойственнее скорее все разболтать, похвастать?

– Да, во-первых, похвастать, во-вторых, постараться поднять свой крайне расшатанный кредит. Кроме того, есть еще одно обстоятельство, которое меня крайне поражает.

– Какое?

– Одно маленькое совпадение. Иван Павлович Смирнин отпросился на три дня со службы для получения причитающихся ему по наследству полутораста тысяч рублей именно накануне совершившегося у нас печального события... Но... я не знаю, это, может быть, – только совпадение...

– Во всяком случае, мы его сегодня же проверим, – успокоил следователь. – Ваше показание в высшей степени ценно. Почему знать, уж не напали ли мы на след?

Первые шаги судебного следователя были, таким образом, направлены на Смирнина.

В отделении вкладов банка «Валюта» чиновники сообщили, между прочим, что Смирнин давал у себя вечер.

Немедленно было предложено полиции того участка, в котором проживал Смирнин, пригласить его к судебному следователю и сообщено сыскной полиции о наблюдении за ним. Но как с той, так и с другой стороны получились ответы о его внезапном исчезновении. Тогда судебный следователь допросил квартирную хозяйку и слуг. Их показаниями выяснилось, что со времени получения Смирниным наследства он почти не разлучался с девицей Маргаритой Прелье, адрес которой был известен коридорному Ивану, так как Иван Павлович раза три или четыре посылал его к ней на квартиру с записками.

Собрав сведения об общественном положении этой Маргариты Прелье, судебный следователь постановил отправиться к ней с полицией и понятыми для совершения обыска.

Нечего и говорить о перепуге бедной женщины. Только нельзя скрыть от читателя, что Маргарита даже более удивилась, нежели испугалась. Сначала ее удивление могло показаться хорошо разыгранной комедией, но опытный судебный следователь вскоре распознал искренность ее слов. Он переменял суровость своего тона на большую мягкость и сказал ей:

– Я готов поверить вам, что решительно ничего о совершенном преступлении вам до настоящей минуты не было известно. Вы могли точно так же, как и многие другие, поверить выдумке о наследстве. Но вы должны доказать свое незнание, так как вы ближе, нежели кто-либо, стояли к Смирнину. Скажите же по всей откровенности и по всей правде, что вообще вам известно о нем. Помните, что всякая ложь может погубить вас, а правда – спасти.

– Я хотела бы только знать, – сказала молодая женщина, – в чем именно он обвиняется?

– В краже значительной суммы из банка «Валюта», где он занимал скромную должность помощника бухгалтера.

– Значит, наследства он никакого не получал?

– Это вымысел.

– Но, уезжая, он сказал мне, что его внезапно вызывают по какому-то делу и что вскоре он сообщит мне, куда к нему приехать. Позвольте, пожалуйста. Он оставил мне сверток, который велел никому не показывать, так как родные затеяли с ним процесс.

– Какой сверток? – спросил чрезвычайно удивленный судебный следователь.

– Я вам сейчас покажу, – и Маргарита достала из зеркального шкафа довольно тяжелую и объемистую кипу, крепко перетянутую бечевкой.

Когда ее вскрыли, то глазам присутствовавших предстало огромное количество крупных кредитных билетов. Первой высказалась Маргарита:

– Я и не знала, что он доверил мне столько денег!

– А если бы знали? – спросил следователь, направив на ее лицо свой пронизывающий взгляд.

– Да я никогда в жизни не согласилась бы принять!.. На это есть банки!.. Мало ли что может случиться!.. Вдруг пожар!..

– Вы правы, – сказал следователь. – Никакого участия в деле вы не принимали и являетесь для раскрытия его чрезвычайно полезной свидетельницей. Присядьте и подождите, пока мы перейдем к более подробному допросу. Ваши показания чрезвычайно ценны.

В кипе оказалось более ста тысяч. Об этом был составлен протокол в присутствии понятых, которых вслед за тем отпустили, так же как и полицию.

Судебный следователь остался выслушивать показания Маргариты Прелье, при допросе присутствовал письмоводитель.

Зная теперь, с кем она имела дело, и отнюдь не желая потворствовать вору, молодая женщина чистосердечно рассказала всю историю своего недавнего знакомства с Смирниным. Но, когда ее показание коснулось знаменитого обеда во французском ресторане, куда ее пригласили и где она увидела три мешка с деньгами, следователь остановил ее словами:

– Вы, стало быть, знаете и участников?

– То есть я их видела, – ответила она. – Одного из них я даже часто встречала раньше.

– Как зовут того и другого, вы не знаете?

– Нет, не знаю.

– А при встрече узнали бы?

– Конечно!

– В таком случае я попрошу вас при первой встрече того или другого указать на них полиции.

Из остальной части показаний Маргариты было совершенно ясно, что Смирнин, прочитав в газетах сообщение об обнаружившемся мошенничестве, поспешил бежать, оставив на хранение у Маргариты часть своей доли.

Судебный следователь был вполне убежден, что Смирнин даст ей знать о себе, как только почувствует себя в безопасности, а потому предупредил ее, что при получении малейшего сведения о местопребывании Смирнина она обязана сообщить ему.

Между тем все заговорили об удивительно наглом мошенничестве. Газеты сообщали некоторые подробности дела, расцвеченные своими догадками и комментариями.

В тот же день, когда Смирнин бежал, к Мустафетову мчался Рогов, крайне возбужденный и перепуганный.

– В чем дело? – с невозмутимым спокойствием спросил его Назар Назарович.

– Как в чем дело? Ты разве не читал? Все газеты переполнены...

– Читал, но что ж из этого?

Рогов опустил в кресло, выдвинул нога и, простирая руки вперед, почти закричал:

– Что из этого?! Да ты, должно быть, с ума сошел! Неужели ты не понимаешь?..

– Понимаю я, что прежде всего не следует кричать, – еще спокойнее и невозмутимее прежнего ответил ему Мустафетов. – Я живу не один, да и вообще не вижу причины выходить из себя.

– Тебе хорошо рассуждать, – переходя вдруг на шепот, сказал его посетитель. – Ты в стороне и, конечно, знаешь, что, если меня и поймают, я тебя ни в коем случае не выдам... не выдам по принципам товарищества. Я, наконец, и за себя не особенно боюсь, но опасаясь за Смирнина. Он струсит и выдаст себя, а за собою – и нас заодно.

– Смирнин прекрасно обставил свое положение, предварительно заявив о своем наследстве, – сказал на это Мустафетов. – Кроме того, я прекрасно настроил его, и он отлично знает, что, если бы даже подозрение пало на него, если бы даже его арестовали, он только и может спастись, упорно настаивая на одном: «Знать не знаю, ведать не ведаю».

– Хорошо, допустим, что он выдержит характер, – согласился с ним Рогов. – К тому же он должен был уехать, и, вероятно, его и след уже простыл. Но меня могут узнать служащие банка или конторы Юнкера, и тогда мне уже не отвертеться... Тем более – моя прежняя судимость, а главное, очная ставка со всеми этими господами.

– Согласен, лучше принять меры.

– Вот то-то же и есть. А что я придумал? Не пустить ли мне в ход самоубийство?

– Ты с ума сошел?

– Что ты, что ты! Разве я серьезно. Я говорю: не пустить ли в ход самоубийство фиктивное? Сложить на берегу Невы или Невки попозднее вечером одежду и оставить в боковом кармане сюртука бумажник с кое-какими деньжатами да письмо, что жизнь, мол, надоела, а самому задать лататы в места беспаспортной системы.

– То есть за границу? Да? Валяй. Только как же твоя жена и дочь?

– Их придется предупредить. Поживут здесь, пока все дело не успокоится, а потом подобру-поздорову туда ко мне переберутся. Все же это лучше, чем ежеминутно опасаться ареста. Перебираться придется уже на Восток, а не на Запад.

Мустафетов высказал одобрение этому плану и пожелал своему товарищу счастливо перебраться через границу без паспорта.

На другой день он навел через посыльного справки о Смирнине. Оказалось, что ни дома, ни у Маргариты Прелье он не ночевал в эту ночь: стало быть, тоже скрылся. Вскоре, по дошедшим до него слухам, это предположение подтвердилось.

Затем все стихло, и Мустафетов зажил на своей новой квартире совершенно счастливо. Выезжал он большею частью вместе с Ольгой Николаевной и с нею же появился в первый день скачек в одной из лож.

День выдался чудный, яркий. Дамы щеголяли нарядами. Вдруг к полицейскому офицеру подошла молодая женщина и, указывая ему на ложу Мустафетова, что-то горячо начала рассказывать. Он задал несколько вопросов, на которые она отвечала с видимой горячностью. Потом она вынула из кармана бумажник небольшого формата, вроде тех, которые служат для визитных карточек, достала оттуда какой-то документ с печатным заголовком и показала его полицейскому офицеру. Тот взглянул на бумагу, пробежал глазами написанное и, возвращая ее молодой женщине, сказал:

– Сейчас. Подождите меня здесь!

Он куда-то ушел, по пути встретив господина в статском, и долго о чем-то с ним совещался. Затем они уже вместе подошли к молодой женщине, и статский спросил ее:

– Ваше имя?

– Маргарита Прелье.

– Так вы утверждаете, что это один из участников кражи в банке «Валюта»?

– Я могу это доказать. В день дележа он обедал с двумя другими в кабинете. Он так же, как и оба другие, увез с собою в тиковом мешке более полутора тысяч рублей. Его признают все слуги ресторана на Мойке, которым, наверное, этот день остался памятен. Впрочем, я действую по указанию судебного следователя.

– Я знаю, – ответил статский господин. – Будьте спокойны: он теперь от нас не уйдет.

На другой день все газеты оповещали об аресте на скачках одного из участников знаменитой банковской кражи в то время, как он садился в коляску, чтобы ехать домой вместе с молодой красавицей.

Но никто еще не знал, что Маргарита Прелье, получив телеграмму из Женевы от Смирнина, поспешила показать ее судебному следователю. Тот предложил ей отправить беглецу следующий ответ:

«Женева, „Национальная“, Ивану Павлову. Будь спокоен и жди. Маргарита».

XV. Наглость Мустафетова

Немедленно по отправлении депеши были приняты меры к задержанию Смирнина, причем сообщили женевиской полиции, что главный виновник похищения из банка «Валюта» скрывается под именем Ивана Павлова в такой-то гостинице, и просили учредить за ним строжайшее наблюдение, по крайней мере до исполнения всех формальностей относительно выдачи преступника швейцарскими властями.

В то время, когда на скачках коломяжского ипподрома арестовали Мустафетова, при всей своей хитрости и дальновидности совершенно упустившего из виду возможность встречи с Маргаритою Прелье, – стража уже везла в Россию схваченного и выданного, на основании существующей конвенции между Швейцарией и Россией о взаимной выдаче уголовных преступников, Смирнина.

Разумеется, Мустафетов не только перед полицией, но и перед судебным следователем упорно отрицал свое участие в деле. Он заявил, что буквально не понимает, почему и за что его арестовывают, да как вообще смеют задерживать без каких-либо явных улик человека, во всех отношениях вполне благонадежного. Он всегда был богат и жил широко сообразно своим средствам. Тогда судебный следователь очень спокойно попросит его немножко посидеть, пока он запишет показание, и, вызвав электрическим звонком к себе сторожа, что-то тихо шепнул ему.

Прошло не более трех минут, как дверь широко распахнулась и пропустила Маргариту Прелье.

Мустафетов невольно вздрогнул. Судебный следователь обратился к ней любезно, вежливо предложил ей стул и затем спросил:

– Я был вынужден вновь пригласить вас к себе чтобы попросить рассказать нам более подробно, при каких условиях вы познакомились вот с этим господином.

С тем спокойствием, которое свойственно только для дам с чистой совестью, подняла Маргарита Прелье свои красивые глаза сперва на Мустафетова и затем сейчас же перевела взор свой на судебного следователя. Голос ее звучал ровно, когда она рассказывала:

– За мной прислал записку с лихачом мой хороший знакомый Иван Павлович Смирнин. Он приглашал меня немедленно приехать в известный французский ресторан на Мойке, где он обедал в компании. Там, в отдельном кабинете, я застала в обществе Ивана Павловича Смирнина вот этого господина и еще одного человека.

– Прекрасно-с, – заметил судебный следователь спросил: – Не заметили ли вы какой-нибудь особенности в настроении вашего знакомого и его товарищей?

– Они все были чрезвычайно возбуждены и особенно веселы, – ответила свидетельница.

– Чему же вы приписываете это возбуждение? Компания, может быть, выпила уже довольно вина?

– Не знаю, сколько было выпито до моего приезда, – сказала Маргарита Прелье, – но их радостное состояние происходило еще и от другой причины. У каждого из них было по большому мешку из полосатого тика. Все эти мешки были битком набиты пачками кредитных билетов.

– Вот как! – заметил судебный следователь, после чего спросил: – А вас не заинтересовало, откуда у этих господ такие значительные суммы? Как это они разъезжают по ресторанам и каждый из них возит с собою, в своем отдельном мешке, по целому, довольно значительному, состоянию?

– Напротив, это меня крайне удивило, – сказала Маргарита Прелье. – Тем более что Иван Павлович Смирнин во все время моего знакомства с ним очень нуждался и только в самое последнее время иногда говорил, будто скоро у него будут деньги.

– Стало быть, его-то вы спросили: откуда у него вдруг такое богатство?

– Как же, спросила. Он сказал, что только что разделил с присутствовавшими двумя незнакомыми мне лицами, которых он назвал своими двоюродными братьями, полученное после умершей тетки наследство.

– А как велико было все это наследство? Не упомянул вам ваш знакомый Смирнин?

– Нет, он сказал, что им на всех троих досталось полмиллиона рублей.

Тогда судебный следователь обратился к Мустафетову с вопросом:

– Что вы можете ответить на это или чем можете это опровергнуть?

– Это наглая ложь! – сказал Назар Назарович, презрительно пожимая плечами.

– Однако вам надо доказать свидетельнице, что ее показание вымышлено.

– Прежде всего, – сказал Мустафетов, – мне достаточно заявить, что эта особа не заглядывала вовнутрь тех двух мешков, которые там находились, помимо третьего, принадлежавшего Ивану Павловичу Смирнину.

Следователь опять обратился к Маргарите:

– Скажите, пожалуйста, когда Иван Павлович Смирнин давал вам объяснение о содержимом в мешках и о том, как это содержимое попало в его распоряжение, а также и к его товарищам, – находился кто-нибудь, кроме вас четверых, в кабинете или это было сказано во время отсутствия прислуги?

– Нет, напротив: и Смирнин, и его товарищи очень много говорили и при слугах, и при распорядителе ресторана о полученном ими наследстве. Я даже припоминаю одну маленькую подробность: вот этот господин, который сейчас сидит здесь, поднял бокал с шампанским и предложил остальным двум выпить в память незабвенной умершей тети, облагодетельствовавшей их троих на всю жизнь.

– Вы слышите, обвиняемый? – многозначительно спросил Мустафетова судебный следователь. Но тот был невозмутим.

– Что же этим доказывается? Мало ли какие шутки может позволить себе веселая, подвыпившая компания? Никто в мире не может доказать мое прямое или косвенное участие в каком-то хищении из банка «Валюта», о котором я и сам-то узнал через посредство газет. – Потом, точно вдруг рассердясь, Мустафетов встал, отодвинул свой стул и презрительно сказал: – Мое негодование так огромно при одной мысли о том, что лицо, облеченное властью, смеет ставить меня, человека с безупречной репутацией, человека с крупным состоянием, на одну доску с подобной особой, прокормление которой зависит от ее посещения отдельных ресторанных кабинетов, – что мне остается только воспользоваться правом, предоставленным мне законом.

– А именно?

– Не улыбайтесь, господин следователь. Ведь ни у вас, ни у этой ресторанной особы нет буквально никаких данных к моему обвинению. Я же желаю воспользоваться правом ни на какие более вопросы вам не отвечать. Виновным я себя ни в чем не признаю; потрудитесь же довести такого рода обвинение до суда. Там дело разъяснится, и мы увидим, в чью честь. Сомневаюсь только, господин судебный следователь, чтобы это было в вашу...

Маргарита Прелье была поражена неслыханной дерзостью этого вора. Наоборот, опытный законовед, уже отлично знавший, чем и почему он держит Мустафетова в руках, только улыбался, видимо интересуясь им, как резко характерным уголовным типом.

Молча и с улыбкой тонкого сарказма смотрел он на вызывающую фигуру обвиняемого и потом заявил ему официальным тоном:

– Я вынужден принять по отношению к вам самую строгую меру и должен подвергнуть вас содержанию под стражей.

Мустафетов молчал. Его лицо продолжало выражать безграничное презрение. Полагая, что Смирнин и Рогов за горами, за долами, он отлично понимал, что и в самом деле против него

одного никаких прямых улик не имеется. Подержат его, может быть, даже немало времени, но ведь он будет требовать правосудия, а не ни на чем не основанного самоуправства. Не дураки ведь Смирнин и Рогов, чтобы, благополучно скрывшись достаточное время тому назад, да еще с деньгами, дать поймать себя. А без них против него одного никакому следователю ничего не поделать.

Между тем, пока Мустафетов так раздумывал, было написано постановление о содержании его под стражей. Когда оно было ему прочитано, он заявил:

– Вы не можете отказать мне в самом необходимом, а потому отпустите меня с полицейским в мою квартиру. Я должен принять меры предосторожности. Я человек богатый, у меня многое могут расхитить.

Если Мустафетов и продолжал считать себя несокрушимым, то единственно ввиду уверенности в следующем: во-первых, соучастников преступления не разыщут, а во-вторых, его личная доля плодов преступлений останется неприкосновенной, так как и само участие его в деле никто доказать не может.

Следователь думал иначе и, вероятно, имел к тому довольно серьезные поводы, коль скоро на просьбу Мустафетова быть отпущенным в сопровождении полицейского всего на пару часов домой ответил:

– В этом отношении я вполне согласен с вами. Дело только в том, что, кроме полиции, вас буду сопровождать я сам и приглашу еще понятых, так как мне необходимо приступить к обыску вашей квартиры.

На этот раз Мустафетов страшно побледнел и выдал себя, испуганно проговорив:

– Зачем обыск?

– Из показаний свидетельницы, могущих найти подтверждение во всем служебном персонале того ресторана, где вы обедали, ясно, что вы увезли из отдельного кабинета именно в день совершения хищения из банка «Валюта» тиковый мешок, содержащий третью долю пяти-сот тысяч рублей, обманным образом полученных по подложной квитанции. Я имею основание предположить, что обыск возвратит нам значительную часть пропавшего.

– На деньгах нет клейма, – нагло ответил Мустафетов. – Мало ли у меня в несгораемом шкафу и наличных денег, и процентных бумаг! Интересно было бы знать, чем вы докажете, что эти деньги и ценности попали ко мне тем путем, который вы почему-то наметили?

– Не мне, а вам придется доказать законное происхождение всего того, что обнаружит у вас обыск, – сказал следователь. – Вообще, я не считаю нужным входить с вами в какую-либо полемику. У меня скопилось вполне достаточно материала, чтобы привлечь вас к следствию в качестве обвиняемого. Я исполняю долг службы и действую согласно с требованиями закона. – Потом, обращаясь к Маргарите Прелье, судебный следователь заявил: – Вы свободны. Я вас более не держу; хотя предупреждаю, что, может быть, скоро вновь возникнет необходимость пригласить вас сюда.

Когда она удалилась, судебный следователь сделал все нужные распоряжения.

В доме, где жил Мустафетов, арест его, разумеется, произвел целое событие. Когда же полиция привезла его в наемной карете, а вслед за тем тотчас же прибыли и судебные власти да были позваны понятые, – во дворе, у парадного крыльца и даже на противоположной стороне дома собралась толпа любопытных.

Мустафетов волновался в особенности из-за Ольги Николаевны, так как принадлежавшие ей деньги она хранила не в банке, а у себя. Но ее в квартире не было. Назар Назарович даже не заикнулся о ней и молча присутствовал при обыске, давшем блестящий результат. Когда вся квартира была осмотрена, все закончено и двери запечатаны, Мустафетов даже несколько ободрился. Ни товарищ прокурора, ни судебный следователь не задали ему ни одного вопроса относительно отсутствующей его сожительницы. Он же убедился, что не только она сама исчезла, но унесла с собою и отданный ей капитал. К тому же власти еще не говорили ему

о сделанном ими распоряжении относительно выдачи из Швейцарии Смирнина, и Мустафетов твердо надеялся очень скоро освободиться. Следовало только хорошенько обдумать план дальнейшей обороны, за который он и принялся по возвращении в одиночную камеру дома предварительного заключения.

Он написал на имя прокурора подробное заявление о своей невиновности, доказывая, что Маргарита Прелье не видала, сколько он уносил денег в тиковом мешке, и даже не знала, действительно ли в мешке заключались именно деньги, а не что иное. Затем он говорил, что готов назвать обоих лиц, бывших с ним в ресторане, и даже считает это своим долгом, если дело идет о каком-либо преступлении; но сам он ровно ничего не знал об этом и принял приглашение на обед от двух лиц, еще мало знакомых ему, но сказавших ему, будто они празднуют получение крупного наследства.

Через пять дней после этого его вновь повели в кабинет следователя. Мустафетов обрадовался было, предположив, что поданное им прокурору заявление дало его делу благоприятное направление. Однако следователь встретил его со следующими словами:

– Вы говорите, что готовы назвать тех двух лиц, которые обедали с вами во французском ресторане на Мойке в день обманного получения из банка «Валюта» пятисот тысяч рублей по подложной квитанции. Вы не изменили этого желания?

– Нет, господин следователь, – вежливо ответил Мустафетов, по-видимому изменивший свою тактику, – я сознаю, что совершил ошибку, не сказав вам этого сразу на первом же допросе.

Разумеется, он соображал при этом по-прежнему, что Смирнин и Рогов неуловимы за границей, живя там под чужими именами, а, стало быть, в его показании для них нет ни малейшей опасности, между тем как для него самого в этом, быть может, кроется спасение.

– Вашу ошибку еще не поздно исправить, – ответил следователь. – Потрудитесь назвать фамилию этих двух малознакомых вам лиц, пригласивших вас принять участие в их радостном обеде по случаю получения ими наследства.

– Роман Егорович Рогов и Иван Павлович Смирнин.

Когда он подтвердил свое показание письменно, следователь прочитал его и сказал:

– На этот раз вам угодно было ответить правду. По крайней мере, записанные вами имена совершенно верны. Но я желаю ответить вам признанием на признание. Я могу объявить вам, что Иван Павлович Смирнин разыскан, задержан в Женеве и доставлен сюда. Он избрал кратчайший путь к разъяснению этого интересного дела, а именно во всем сознался.

– Негодяй! – сорвалось с поблекших уст Мустафетова, и его черные глаза злобно сверкнули.

– Он сознался мне также и в той руководящей роли, которую вы играли в этом деле. Впрочем, не угодно ли вам будет послушать? Я прочитаю вам его показание.

Там говорилось подробно о том, как Мустафетов придумал и предложил план хищения из банка, и вообще все то, как оно в действительности и произошло.

Мустафетов по окончании чтения заявил со свойственной ему наглостью:

– Меня вы ничем не удивите. Все, что вы предельваете со мною, доказывает только ваше рвение найти такого виновного, деньгами которого вам удастся хоть частью пополнить убытки банка. Вероятно, Смирнину удалось – если только он похитил деньги – хорошенько спрятать их, вот вы и привязались ко мне, к его единственному богатому знакомому, чтобы моим состоянием покрыть разницу, которую вы не умеете разыскать. Только я посоветовал бы вам: отпустите меня подобра-поздорову! Получив свободу, я, конечно, стану на вашей стороне и – почему знать? – может быть, помогу вам разыскать всю недостающую сумму, да еще и того третьего субъекта, который обедал тогда с нами и который, конечно, является действительным сообщником Смирнина.

– Очень благодарен вам за услуги, – сказал следователь, – но, к сожалению, воспользоваться ими не могу. Пока могу только предложить вам вернуться в вашу одиночную камеру да там хорошенько подумать о единственном способе смягчить предстоящую вам участь; сознайтесь, и вам дадут снисхождение.

Назар Назарович нашел еще в себе достаточно тщеславного мужества, чтобы с насмешкой ответить:

– Вам не угодно последовать моим советам, во всяком случае несомненно полезным для правосудия, так позвольте же и мне отказаться от ваших.

– Как вам будет угодно!

Через несколько минут Мустафетов был отведен в дом предварительного заключения.

XVI. Прощанье Рогова

Рогов, как, наверное, помнят читатели, прочитав первое сообщение о случайном раскрытии хищения на полмиллиона рублей из банка «Валюта», немедленно же задумал спастись, причем заявил Мустафетову о своем намерении прибегнуть к обманному самоубийству ради сокрытия следов своего побега.

В сущности, как ни был находчив и нагл этот плут, он все-таки серьезно перепугался, прочитав сенсационное известие относительно мошеннической проделки, обнаружившейся при появлении в банке владелицы вклада. Но Назару Назаровичу понравилась его мысль потому уже, что с исчезновением Рогова он считал себя в полной безопасности, зная, что выдать его самого может только какая-нибудь оплошность одного из подручных, то есть Рогова или Смирнина, а коль скоро оба благополучно скроются за границу, ему и беспокоиться решительно не о чем. Однако судьба распорядилась иначе, оправдав на деле пословицу: «На всякого мудреца довольно простоты».

Что касается Рогова, то он положительно не был в состоянии идти обыкновенным общим путем. Ему всегда требовалась особенная замысловатость. Он черпал гораздо более наслаждения в самих затруднительных препятствиях к достижению той или другой цели, нежели в плодах уже удачно совершившегося и до невероятия замысловатого дела. Можно было даже предположить, что эта извращенная натура предавалась самым возмутительным деяниям с огромной любовью к искусству, а не к одним деньгам.

Перетрусив при первой тревоге, кинувшись к Мустафетову, в умственные силы и превосходство которого он благоговейно верил, и получив от него одобрение идеи о самоубийстве, Рогов прямо от него отправился в свою гостиницу, где продолжал занимать роскошное и баснословно дорогое помещение.

Своей семье он все еще не выписал, а, ограничившись переводом на имя жены десяти тысяч рублей, сам жил в первоклассной гостинице с совершенно глупой, ненужной и весьма подозрительной роскошью. Он платил за номер по двадцати пяти рублей в сутки, привозил туда случайных знакомых, задавал пиры и вел себя на удивление всему служебному персоналу. Конечно, он держал и дорогой экипаж, чтобы мчаться по городу без всякого толка из конца в конец, но в такой развалистой позе, которая вызывала на лице каждого встречного улыбку удивления или насмешки. Лакеям, швейцарам, посыльным при гостинице он раздавал чересчур щедро на чай и радовался тому покорному раболепию, которым окружали его эти слуги, не подозревая и сотовой доли пересудов, вызываемых его дурацким образом жизни.

Вернувшись от Мустафетова, он заперся у себя в номере и предался довольно странным занятиям. Сперва он достал из сундука самые разнородные предметы. Тут, между прочим, было несколько аршин тонкой, прозрачной клеенки, обыкновенно идущей на компрессы. Все свои деньги, давно превращенные в крупные процентные бумаги, он сложил в эту клеенку, пришил затем к ней тесемочки и надел ее себе под сорочку на грудь. После этого он надел две сорочки, две пары брюк, два жилета, два пиджака, взял даже несколько носовых платков с собою и потом уже, поверх всего, надел еще летнее пальто.

Во внутренний боковой карман своего верхнего пиджака Рогов положил бумажник, в котором находились его паспорт, несколько визитных карточек с обозначением гостиницы, в которой он жил, полтораста рублей и письмо в заклеенном конверте с надписью: «Госпоже Полиции по случаю моей смерти». Это письмо он писал недолго, размашисто и весело ухмыляясь. Во внутренний же карман нижнего пиджака он спрятал другой бумажник, содержащий в себе около тысячи рублей наличными деньгами.

После этого он завернул в несколько листов газетной бумаги пару сапог и туда же положил мягкую дорожную фуражечку.

С этим пакетиком в руке он направился по коридорам гостиницы, чтобы обойти главный выход, и сошел вниз по той лестнице, которая выводила не на улицу, а на площадь. Внизу он сказал швейцару:

– Пошли, пожалуйста, на главный подъезд сказать, чтобы моя коляска ехала к себе во двор; я по телефону вызову, когда мне будет нужно. Я из пятого номера, моя фамилия Рогов.

– Помилуйте-с, как вас не знать-с! Полагаю, Романа Егоровича, господина Рогова, у нас в гостинице ввек не забудут.

– А, ты меня знаешь? – обрадовался Рогов. – Так вот тебе пять рублей на чай! Помни, с кем имел дело!

Вслед за тем он вышел, сел в извозчичью пролетку и скомандовал:

– К Летнему саду! Пошел!

Извозчик быстро поехал.

Дорогою Рогов успел вступить в разговор с извозчиком и начал с приказания:

– Мы, брат, с тобою не от Инженерного замка подъедем, а с набережной; подвезешь меня к пароходной пристани.

– Слушаю-с, ваше сиятельство!

– Да, брат, это ты правильно сказал, что я похож на «ваше сиятельство». Меня так все и величают. А почему? Потому что я жить умею и плачу всем щедро.

«Для таких господ и постараться надо», – решил извозчик, давая своей порядочной лошадке особенно быстрый ход по шоссе вдоль Марсова поля.

– Денек-то какой! – не умолкал Рогов. – В такую погоду, я думаю, никому топиться неохота!

– Что вы, ваше сиятельство! Разве можно?

– Смотри, на повороте тише. Подъезжай к пристани пароходов, идущих на острова, – скомандовал Роман Егорович и, ловко соскакивая с пролетки, торжественно при всех заявил: – Получай три рубля, да не поминай лихом смотри!

Извозчик снял обеими руками шляпу, благодарил, уверяя, что таких господ еще не было, да и не будет. Несколько человек, стоявших тут – газетчик, городской, публика да сидящие на своих козлах другие извозчики, – ротозейничали и удивлялись. А мошенник так и раздувался от гордости и блаженства.

На пароходной пристани он продолжал обращать на себя внимание разными другими дурачествами. Прежде всего он обратился к мальчишке, стоявшему у контроля, и крикнул ему: «Хюва пейва!» Что значило по-фински «здравствуй!». Кое-кто из ожидавших улыбнулся, что еще более поощрило Рогова, и, обращаясь в окошечко кассы, куда он просунул монету, он сказал тем же балаганно-шутливым тоном: «Мадемуазель, оревуар!» Затем, став у самого носа парохода, он оттуда во весь голос обратился к рулевому:

– Хюва пейва, хэлло!

Несомненно, его принимали за пьяного. Между тем у Рогова с утра еще не было и маковой росинки во рту. Просто в нем сказывалось нервное возбуждение. Он предвкушал с особенной радостью дальнейшее исполнение задуманного им плана.

Но, когда пароход отчалил, он еще только раз крикнул: «Хэлло» – и вдруг присмирел. Он оглянулся на красавицу Неву с ее роскошной набережной, и ему взгрустнулось при мысли, что вряд ли суждено ему вскоре вновь увидеть эту дивную картину.

В течение всего пути он смотрел с таким вниманием по сторонам, точно прощался с дорогой ему столицей, стараясь возможно лучше запечатлеть в своей памяти ее картины. Ему хотелось проститься с Петербургом особенно хорошо, покинуть его под самым благоприятным впечатлением.

Доехав до Крестовского острова, он подозвал извозчика и велел везти себя через Елагин на Каменный остров. Там он знал французский ресторан с садиком, удобно расположенный на

самом берегу реки и славившийся своей потрясающей дороговизной. Рогову именно это-то и было нужно, так как высшие цены были в его глазах мерилom и высшего качества.

Жизнь в таких загородных первоклассных ресторанах начинается поздно, так как обедающие приезжают сюда обыкновенно не ранее шести часов вечера. Иногда только, в особенно редких случаях, какая-нибудь компания вздумает тут позавтракать. Когда же приехал туда Рогов, то, кроме нескольких татар-лакеев, его никто не встретил.

– Ну, ребята, – заявил он своим обычно веселым голосом, – накормить меня надо хорошенько. Все чтобы было самого первого разряда: и закуски, и кушанья, и по части иностранных вин.

Один из татар шепнул другому на своем родном языке, чтобы тот живо сбежал за хозяином, а гостя уверил в полной благонадежности заведения.

Рогов стал высматривать себе место в саду и избрал столик по самой середине у берега Невы. Моментально раскинули приделанный над столом огромный механический зонт, образовавший палатку в защиту от солнечного припека, и Рогов снова забалагурил:

– Вот молодцы ребята! Старайтесь, старайтесь! К чему моему личику от загара в изъязн приходиться? Красным девицам могу разонравиться. Ведь это только в деревнях, коли морда на томпаковый самовар похожа, бабий пол в восторг приходит! А это что же за пиджак к нам плетется, да еще на самом солнышке без шляпы? Должно быть, хозяин?

– Так точно-с, наш хозяин сам за приказаниями спешит.

Горбоносый, с маленькими усиками, худощавый француз обратился сперва к Рогову на своем языке, но тот плохо владел им. Заметив бегающий взгляд француза и некоторое недоверие в его глазах, он поспешил наврать с целью сразу выставить себя в наилучшем виде.

– Я сибиряк! И слышал о вас от разных приятелей лестные отзывы. Вы знаете, что мы там в рудниках загребаем золото лопатами, а потому я за ценою и не стою. Лишь бы – и это главное условие – мне сумели угодить.

Француз во время этой краткой импровизации успел проникнуться чувством глубочайшего уважения и преданности к тороватому гостю. Он придерживался правила: «Платите, и почитать вас будут!»

– Чем могу служить? – спросил он заботливо, любвеобильно улыбаясь.

– Не лучше ли мне положиться на вас, дорогой хозяин? – ответил ему уже совсем доверчиво Рогов. – Я хотел бы только начать скорее с самых лучших закусок.

Француз мигнул старшему из татар, и трое из них кинулись к зданию ресторана.

– Я сделаю все, что в моих силах и способностях! – заявил хозяин и, отвесив почтительный поклон, также удалился.

Вскоре нанесли столько всякого пикантного добра, что на столе уже и места не оставалось. Роман Егорович почувствовал прямо-таки голод. Несколько рюмок разнородных настоек как бы придали ему особенную силу к поглощению вкусных вещей. Но опытный хозяин знал свое дело и понимал, что даже голодному гостю не следует давать наедаться одними закусками.

Ему подали на первое блюдо в продолговатой серебряной мисочке филейчики из рыбы и под винным соусом с шампиньонами и с множеством раковых шеек.

– Ну-ка, попробуем! – торжественно проговорил Роман Егорович и действительно, не перекладывая еще кушанья себе на тарелку, попробовал ложкой прямо из блюда. – Эге! Кажется, не вредно. И раковые шейки пущены в изобилии, а это пейзажа не портит.

Между тем по распоряжению хозяина ему откупили бутылочку удивительного рейнвейна. Однако Рогов, еще не отведав, изобразил гримасу презрения:

– Должно быть, брандахлыст?

– Помилуйте! – стал уверять татарин. – Вино даже очень высокой марки: одним только первоклассным персонам подается, потому что другому подать – он и не поймет хорошенько.

Рогов отпил из высокой бокалообразной рюмки желтовато-дымчатого стекла, потом щелкнул языком, прищурил один глаз и протянул:

– Разлюли-малина! Ну, а что мне на второе?

– Не могу знать-с. Хозяин сам на кухне распоряжается. Да вот уж и несут.

На этот раз подали две серебряные мисочки круглой формы. Едва подняли крышку первой, из нее вырвался приятный аромат, и лицо Рогова отразило наслаждение. Ему подали рагу из диких уток, называемых чирками. Соус был приправлен кореньями и множеством трюфелей. Во второй миске был зеленый горошек, сваренный по-английски.

Явился и сам хозяин, чтобы осведомиться, доволен ли дорогой гость и разрешит ли он подать теперь бутылочку самого выдающегося шато-лафита, так как к этому «сальми» красное вино подходит значительно более белого.

– Я уже сказал, что полагаюсь на вас! – ответил ему на это Рогов. – Пока я вами доволен и не лишаю вас моего доверия.

Хозяин чувствовал себя весьма польщенным. Принесенную бутылку со старым, запачканным и совсем выцветшим ярлыком он стал сам осторожно откупоривать, потом бережно отлил немножко в одну рюмку, которую отставил в сторону, и уже после этого налил гостю другую.

– Попробуйте, пожалуйста! – предложил он.

Роман Егорович отпил половину, никакой одобрительной гримасы на этот раз не сделал, но сказал так, что его слова были дороже всякой похвалы:

– Вот это я понимаю!

Рогов съел порцию чирков до последних остатков, выпивая лафит стакан за стаканом. Он не был пьян, а чувствовал себя удивительно благодушно, и только ему становилось чересчур жарко в двух костюмах, уже вовсе не подходящих к ясной солнечной погоде. Ему показалось, что он до такой степени сыт, что теперь возможно разве только какое-нибудь сладкое прохлаждающее блюдо. Он откинулся к спинке стула, вздохнул и не без комизма сказал татарину:

– Ну, и насытился же я! Винцо это, нечего говорить, прекрасно, но оно горячит. А теперь в самую пору прохладительное, холодненькое! Распорядись-ка, брат, насчет бутылочки шипучки.

– Какую марку предпочитаете? – почтительно осведомился татарин.

– Да как тебе сказать? Всякую случалось пивать. Не люблю я только уж очень сухих... Средней сладости куда, по-моему, лучше.

– Деми-сек, стало быть? – подсказал татарин и тут же решился посоветовать: – «Мум» ноне весьма хорошие господа одобряют. Вино особенное.

– Пивал, брат, пивал сколько раз. Вино благородное. Тащи сюда бутылку «Мума деми-сек».

Но ему несли еще какое-то кушанье, так что он даже было закричал:

– Довольно, больше не вмоготу!

Однако это была спаржа, крупная, ровная, красивая и потому уже заманчивая, что воспаленному нёбу так и хотелось чего-либо сочного. Рогов, увидав ее, одобрил и принялся за нее с наслаждением.

Потом явились шампанское и мороженое из ананасов. Шампанское еще более развеселило разбаловавшегося лакомку, так как оно прохлаждало и в то же время наслаждало его своим удивительно приятным вкусом.

Рогов, поглядывая по сторонам, оглянулся в сторону ресторана и вдруг страшно побледнел. В сад входила компания, среди которой он узнал одно весьма опасное для себя лицо.

Компания состояла из следующих лиц: впереди находился участковый пристав, рядом с ним стоял француз-хозяин, видимо что-то объяснявший ему, а позади были околоточный надзиратель с портфелем под мышкой да еще два человека; принять их можно было за понятых,

но почему-то они представились Рогову агентами сыскного отделения. Вся эта группа остановилась в нескольких шагах от здания, и пристав, продолжая переговариваться с владельцем ресторана, частенько посматривал на одинокого посетителя.

Не говоря уже о том, что Рогов находился давно в трепетном состоянии из-за опасения быть уличенным, он особенно испугался потому еще, что этот пристав был ему хорошо памятен и, конечно, должен был узнать и его. Недавно Рогов выкинул скандал, раскутившись в одном ночном увеселительном заведении. Дело кончилось ничем благодаря ходатайству обиженной стороны, примирившейся на денежном вознаграждении за полученное оскорбление, и Рогов отделался маленькими неприятностями. Однако этот пристав отлично знал, кто он. Недаром говорится, что у страха глаза велики. Скандал, учиненный Роговым, разумеется, не имел никакого отношения к делу о хищении из банка «Валюта». Ведь газетное сообщение не указывало настоящей фамилии виновников, а упоминало только имя, которым назвался помощник присяжного поверенного, явившийся в банк за крупным вкладом во всеоружии требуемых документов. Однако, ничего этого не сообразив, а перетрусив до такой степени, что его стал пробирать озноб, Рогов мог бы навести прислуживавших ему татар на весьма странные размышления, если бы те в свою очередь тоже не заинтересовались появлением в саду этих посетителей.

Постояв еще пару минут и оглянувшись кругом, точно убеждаясь, что никого более тут нет, пристав повернул обратно в дом, и свита последовала за ним.

Рогов порывался в ту же минуту бежать. Он видел спасение лишь в следующем: прыгнуть в Неву, нырнуть, как чирок, которого он недавно скушал, а там – выплыть где-нибудь, где никто его и не ожидает. Как ни вздорно было подобное намерение, Роман Егорович в своей растерянности встал на ноги и посматривал на реку. Вдруг за ним раздался голос одного из прислуживавших ему татар:

– Ведь вот история какая: вчера тут господу кутили, а потом у одного бумажник пропал. Рогов так и затрепетал от волнения.

«Стало быть, не меня ищут и мне это только со страха показалось? – подумал он. – Ну, а если татарин врет и только придумана такая уловка, чтобы меня потом при выходе сцапать и живьем проглотить? Они, наверное, расположились там в засаде. Это я сейчас проверю». И, обращаясь к официанту, он спросил:

– Скажи, пожалуйста! Вот у вас здесь своя пристань сделана; можно мне сюда велеть ялик или шлюпку подать? Мне бы по воде прокатиться охота.

– Помилуйте-с! Со всяким даже удовольствием! Сейчас прикажете или погода?

– Вели-ка, брат, сейчас. Кстати, счет мне подай. Да вот погоди: возьми сто рублей и получи, сколько там с меня следует. Только лодку чтобы поскорей.

– А кофе не прикажете?

– Не хочу я теперь кофе. Может быть, после катания на лодке я опять к вам заверну.

Хотя татарин вел этот разговор очень просто, совсем непринужденно, но Рогов не мог еще успокоиться и с боязливым нетерпением остался выжидать, чем все кончится. Он прошел на плотик, служивший пристанью ресторана, и, стоя на последней доске, твердо решил живым себя в руки не отдавать. Слишком хорошо знал он историю своего дальнейшего будущего с того момента, как придется дать ответ за содеянное преступление. Целый ряд подлогов официальных документов с приложением фальшивой печати влек за собой вечное поселение в отдаленнейших местах Сибири, с лишением всех прав состояния и имущественных.

Неимоверно долгим казалось ему отсутствие ушедшей прислуги. Совсем исчезло благодушное настроение, вызванное наслаждением кулинарного искусства виртуоза повара и тончайших иностранных вин. Он не только не ощущал уже никакого приятного вкуса, а, напротив, ему каждый момент казалось, что с ним станет очень дурно. И он прождал четверть часа буквально между жизнью и смертью.

Вдруг он увидел чистенькую белую шляпку с красным рантом, быстро придвигавшуюся благодаря сильным взмахам веслами молодого парня в кумачовой рубахе.

Рогов понял, для кого предназначалась эта лодка, и подумал: «Неужели я спасусь?»

В то же время он невольно оглянулся по направлению к ресторану. Оттуда торопливой поступью спешил к нему татарин, несший в руке тарелку со счетом и сдачей. Теперь уж, наверное, можно было быть совершенно спокойным: опасность миновала.

Нервы, страшно натянутые, сразу ослабли, и Рогов стал громко хохотать. Впрочем, и это несколько не удивило слугу, предположившего, что барин просто находится под влиянием довольно-таки обильных возлияний. Рогов на радостях отвалил целых десять рублей на чай.

Чтобы усадить дорогого гостя в шляпку, собралось не менее пяти татар, да подospel и сам хозяин с выражением своей признательности и с просьбами не забывать и впредь.

Отъехав на три весельных взмаха, Рогов закричал: «Спасибо за угощение! Не поминайте лихом! Я вашего брата лучше Сибири полюбил!» У него снова появилось желание шутить, ломаться и балаганничать. Обращаясь к своему гребцу, он спросил:

– Песни петь умеешь?

– Почему, барин, не уметь? Только нашему брату здесь воспрещается. Вот ежели за Стрелку выехать, ко взморью ближе, так там запрета нет, а здесь положение такое, чтобы все тихо, благородно. Нам тут друг с дружкой не то что распевать, а перекликаться громко воспрещено.

– Да почему же?

– Господа тут какие живут? Сами небось изволите знать.

– Да, вот оно что, – в раздумье протяжно произнес Рогов и потом совершенно неожиданно спросил: – А свистать можно?

– Ничего, барин, посвистите, про это нам ничего неизвестно. Пароходы ходят, так те эвона как гулко свистят!

Но Роману Егоровичу такого рода развлечение понравилось ненадолго. К тому же в катании на лодке он преследовал иную цель. Задумал он свой план еще раньше и спешно приступил к его выполнению лишь вследствие внезапно появившихся понудительных причин. Посвистав немного, он сказал парню:

– А ведь я, голубчик мой, сегодня в последний раз по этим водам катаюсь.

– Уезжать, стало быть, куда хотите? – спросил лодочник, налегая особенно сильно на весла, точно считая обязанностью напоследки услужить.

– Все ты скоро узнаешь, и скажу я тебе только одно, что узнаешь ты этот самый секрет одним из первых. Ты мне только на один вопрос ответь: любишь ты деньги?

– Кто, барин, денег не любит? Всякому они нужны. Хотя бы и нашему брату: без денег тоже не проживешь. Домой послать надо да подати платить...

– Ну, хорошо. Сегодня я тебе дам заработать, в обиде не останешься. Дам я тебе пять рублей.

– Премного вам благодарны-с.

– Хорошо, погоди, не перебивай меня! Мы с тобою доедем до речного яхт-клуба; там ты сойдешь и станешь дожидаться меня, пока я обратно не вернусь, а я один покатаюсь. У меня, видишь ли, есть в кармане такой особенный снаряд, чтобы рыбу ловить, – продолжал выдумывать Рогов. – Требуется только чрезвычайная тишина.

– Понимаем-с.

– Вот то-то же и есть. А если ты со мной будешь, то мы с тобою непременно станем разговаривать. Но еще мне нужно, чтобы ты взял к себе одно мое письмо. Скажи, пожалуйста, ты грамотный?

– Нет, барин, не обучен.

– Ты это письмо держи в руках да сиди-посиживай на пристани яхт-клубской, пока тебя кто-нибудь спросит, кого ты дожидаясь. Вот тому самому ты письмо и покажи. Понял?

– Понял-с!

– Ну, так причаливай!

Оставшись в шлюпке и выпустив на яхт-клубскую пристань своего лодочника с письмом в руках и пятирублевкою, Рогов сильно оттолкнулся, взмахнул два-три раза веслами и быстро отплыл далее, очутившись в сильном течении. Ему опять стало очень жарко, хотя своего летнего пальто он как скинул в ресторане, так более не надевал, и оно валялось в шлюпке на корме. Особых усилий грести он не делал, так как спешить ему не было никакой надобности. Течение несло его понемногу, и он только высматривал удобное место, где бы ему пристать к берегу. По свойству своего вечного расположения к юмору он даже про себя проговорил: «На тот свет отправляться много удобнее по письму на имя госпожи Полиции! А перепугал меня давеча пристав. И с чего это мне только в голову взбрело?»

Ему стало очень весело на душе. Он обращался к самому себе с речами, близкими к совершеннейшей нелепости, – до такой степени были они проникнуты самыми извращенными взглядами на нравственность. Он рассуждал:

«Ведь вот, наверное, если бы меня поймали и стали судить, то добрые люди назвали бы меня мошенником и по закону меня загнали бы туда, где Макар и телят не гонял. А того никто в рассуждение не возьмет, что доброты и щедрости во мне одном куда больше, нежели во всех их, вместе взятых. Сколько я сегодня, например, щедрых подарков роздал? Швейцару в гостинице дал пять рублей, одному извозчику – три, другому – рубль, татарам в ресторане целых десять рублей отвалил, лодочнику вот тоже пять рублей дал. Все они должны за меня Бога молить, потому что ведь, если меня сцапают, от меня не разживешься больше».

Рогов оглянулся, и место ему показалось удобным. Он не совсем знал, куда отсюда выйдет, но ему хотелось поскорее избавиться от своей шлюпки, так как у него вовсе не было желания забираться еще дальше к открытому взморью. Он проговорил вслух с обычной балаганной интонацией: «Пора, однако ж, и топиться!» – и тут же направил свой челн к безлюдному берегу Крестовского острова. Там он снял с себя один костюм, развернул сапоги и, положив их вместе со шляпою на дно лодки, оттолкнул последнюю насколько мог сильно, дабы она свободно поплыла далее.

В дорожной маленькой шапочке чувствуя себя значительно легче, он поглядел еще вслед уплывающей шлюпке и потом побрел по болотистому мокрому лесу, рассчитывая направиться к Петровскому острову. Значительная часть пути оказалась далеко не легкой. Рогов шел, попрыгивая с кочки на кочку, стараясь возможно меньше промочить обувь. При всякой неудаче он то громко ругался, то, напротив, добродушно хохотал. Когда наконец ему удалось выбраться на гладкий шоссе́нный путь, он совсем повеселел, осмотрелся, нет ли где извозчика, вдали увидел одного, замахал ему платком и про себя решил: «Теперь прежде всего в парикмахерскую».

Пришлось ехать на Петербургскую сторону. Но это было Роману Егоровичу безразлично, так как туда он никогда не показывался и никто его в той местности не знал. Войдя под первую встречную вывеску, он заявил:

– Надо мне бороду и усы сбрить да голову шариком обстричь.

Подмастерья переглянулись, улыбнулись и, конечно, подумали, что посетитель шутит: даже и вчуже жалко было расставаться с вьющимися черными, едва седеющими на висках, локонами и весьма красиво растущей бородкой. Но Рогов живо вывел их из затруднения, опускаясь в кресло перед зеркалом.

– Напрасно сомневаешься! Я это, братец ты мой, с Великого поста в отпуску нагулял. А ведь ты знаешь, кто я?

– Извините, пожалуйста, никак признать не могу, хотя личность, сдается, будто знакома, – ответил парикмахер.

– Я, брат, артист из оперы и теперь выступаю на гастролях тут в одном саду. Сейчас только с поездом приехал, еще даже переодеться не успел. Видишь, на голове дорожная фуражка была надета и сапоги насквозь промокли?

Почему у человека, только что приехавшего с поезда, сапоги должны насквозь промокнуть – этого в приливе радостной болтовни Рогов, должно быть, не обдумал; но к чести парикмахерских мозговых способностей надо признаться, что и подмастерье никакого значения такой подробности не придал. Его ошеломило, но с самой лестной стороны, что голова известного оперного артиста попала в его переделку. Он стал чрезвычайно услужливым и почтительным, принялся расспрашивать, в каких операх выступает клиент, и даже решился поставить вопрос:

– А позвольте узнать, вы не господин ли Фигнер будете?

– Нет, брат, не Фигнер, хотя по своему амплуа не во многом уступлю ему. Но стриги меня живее, мне надо еще перед спектаклем одну арию прорепетировать.

Завершилось тем, что парикмахер даже попросил, нельзя ли билетиком воспользоваться будет. На это Рогов с неподражаемой важностью ответил:

– С удовольствием, мой друг, пришлю.

Он заплатил, по обыкновению, особенно щедро и вышел.

Оттуда он прокатил уже на другом извозчике прямо на Невский проспект, в большой магазин готового платья, и приобрел там новое пальто. Потом он поехал покупать себе чемодан, белье и дорожный плед, свернутый в ремни.

Вдруг ему пришла блажная мысль. Он никак не мог успокоиться, ему мало еще было сильных ощущений. Он приказал извозчику отвезти его именно в ту гостиницу, в которой он жил со времени совершения преступления. Ему хотелось убедиться в том, что он действительно стал неузнаваем.

Стараясь придать себе несвойственную обыкновенно походку, он вошел в главный подъезд и, по возможности изменяя голос, обратился к старшему швейцару:

– Позвольте, пожалуйста, спросить вас: не живет ли у вас Роман Егорович Рогов?

– Живет, но только его сейчас дома нет, и, когда приедет, неизвестно, потому что они приказали экипаж их отпустить и сказали, что, когда понадобится, так в телефон сами потребуют, – доложил швейцар.

Сохраняя строгий и серьезный вид, плут поблагодарил и попросил еще:

– Передайте ему, пожалуйста, что приехал из частной оперы первый тенор. Я жду его на мой бенефис. Пожалуйста, не позабудьте!

Он довольно важно кивнул головой и вышел. Его разбирал хохот. Эта отчаянная проделка чрезвычайно потешала его.

«Ведь вот остолопы! – думал он. – Ни единая бестия не узнала меня! Здорово же меня эта метаморфоза изменила! Интересно было бы в таком бритом виде теперь Назарчику Мустафетову показаться. Чего доброго, и он меня за чужого примет. Жаль, что неудобно! Не один он теперь живет: связался черт знает для чего с юбкой какой-то. А то бы я непременно к нему заявился. Но куда же я теперь поеду?»

Извозчик, на котором он приехал, успел выбраться из вереницы экипажей, ожидавших у гостиницы, надо было сесть и дать какое-нибудь приказание. Однако Рогову не хотелось громко говорить то, что он придумал, так как он все-таки опасался стоявших тут посыльных и дворников. Поэтому он предпочел приказать:

– По Казанской улице.

Он взглянул на часы: было семь. Как быстро время с утра прошло! Положим, и дел он успел сделать немало. Если теперь уж семь, то, значит, и ожидать не особенно долго придется.

Рогов помнил, что в Варшаву поезд отходит около девяти часов вечера, и скомандовал извозчику ехать на Варшавский вокзал. Там он обратился к носильщику, взявшему его чемодан и плед, с вопросом, когда отходит поезд в Варшаву.

– Скорый – в девять часов сорок пять минут, а пассажирский – в одиннадцать пятьдесят.

– Времени, значит, еще масса. Тащи мои вещи в буфет, а там я тебе дам денег, и ты мне билет на скорый выправишь. Не можешь ли ты раздобыть маленькое спальное отделение первого класса? Хотелось бы в дороге отдохнуть. Я очень устал сегодня: ездил и по морю, и по сушу.

Носильщик ответил, что постарается добыть. Рогов уселся за столик и потребовал прежде всего содовой воды. Он действительно чувствовал себя очень утомленным.

XVII. Полезное знакомство

Носильщику удалось раздобыть особое малое отделение первого класса, но Рогов не сразу мог заснуть – ему было душно. Он открывал окно, однако от быстрого хода поезда врывающийся ветер угрожал простудой. Тогда Роман Егорович вновь поднимал спущенное стекло, ложился и ворочался с боку на бок.

Его тревожили всякие думы, и в особенности одно опасение: как проберется он через границу? Он слышал много рассказов об услужливости ловких посредников, умудряющихся, вопреки самому бдительному надзору, переправлять в чужие страны лиц, нарушивших у нас требования законов. Но таких посредников, если даже они и существуют, требовалось прежде всего знать или успеть разыскать. Поэтому Рогову оставалось придумать другой выход, и он промучился большую часть ночи над составлением приблизительного плана. Только к утру, приняв наконец решение, он уснул.

Весь следующий день пришлось еще ехать. Роман Егорович и в пути считал нужным не терять времени даром. Он заводил знакомства, стараясь проведать то, что ему было особенно нужно. На большой станции он подошел к буфету и потребовал, чтобы ему уложили в корзинку побольше всякой еды и пару бутылок вина. Когда поезд отъехал, он пригласил в свое отделение пассажира, молодого, показавшегося ему симпатичным и в особенности доверчивым.

– Вы тут на станции не закусывали? – любезно спросил Рогов.

– Нет, что-то не хотелось, – ответил молодой человек, – к тому же я думал, что поезд стоит всего десять минут. Терпеть не могу есть и давиться. К тому же у меня кое-что захвачено с собою в саквояже. Я предпочитаю один день питаться холодным, но, по крайней мере, спокойно, без нервной спешки.

– Совсем как я! – радостно воскликнул Роман Егорович. – Вот я тоже кое-чего тут себе понабрал в намерении заняться завтраком. Не угодно ли будет присоединиться?

– С удовольствием. Только в таком случае я принесу сюда и свою долю.

– Соединенными, значит, силами? Тем обильнее будет наш пир!

Через несколько минут они расположились в купе, миролюбиво толкуя да по временам прерывая трапезу несколькими глотками вина.

– Вы за границу едете? – спросил Рогов.

– Нет, я только до Варшавы.

– В первый раз?

– О нет! Я в Варшаве могу считать себя вполне дома.

– Служите?

– Да, пожалуй, что и служу, – ответил молодой человек, – хотя я занят в конторе моего родного отца, что, пожалуй, то же самое, что и в своей собственной. У нас контора транспортирования и экспедиции всяких товаров. Мой отец живет постоянно в Петербурге, где заведует главным делом, а я в Варшаве веду местным отделением.

– Веселый город, говорят?

– Да, но и очень деловой. Варшава на моих глазах быстро разрослась и богатеет. Вы разве никогда не были там?

– Несколько раз, но только проездом. Я теперь должен буду остановиться на несколько дней. У меня есть одно дело, которое задержит меня.

– А вы по коммерческим делам? – любопытно спросил молодой человек.

– Не совсем. Я еду в Италию, Испанию и Португалию для изучения одного очень важного научного вопроса, – стал лгать Рогов. – Надо вам сказать, что я профессор. Но не думайте, пожалуйста, что я профессор магии, как, например, Роберт Ленд или Герман, известные фокус-

ники. О нас, ученых людях, сложилось превратное представление, будто мы умеем только на всех нагонять скуку. Я очень люблю свои ученые занятия, но это не мешает мне находить удовольствие и в приятной компании молодых людей, для которых моя специальность совершеннейшая тайна.

– А чем именно вы интересуетесь в науке?

– Письменами, то есть, так сказать, рукописями. Теперь вот мне необходимо подыскать в Варшаве на должность секретаря молодого человека, хорошо знающего польский и еще какой-нибудь европейский язык.

– Это будет нетрудно. Но что же, вы хотите взять его с собою в Италию и Испанию?

– Непременно! – воскликнул Рогов и пустился в подробности: – Положение моего секретаря во время моего путешествия будет в высшей степени заманчиво. Надо вам сказать, что мне на разработку данного вопроса отпущена очень солидная сумма, так что я расходами не стесняюсь. Езжу я, как вы сами видите, с полным комфортом, и всеми этими удобствами будет пользоваться и мой секретарь. Жить мы будем в первоклассных отелях, и, кроме того, я, предоставляя секретарю решительно все готовым, буду платить ему каждый месяц сто рублей, где бы мы ни находились. А так как в дальнюю дорогу молодому человеку мало ли что может понадобиться, то я даю в виде подъемных одновременно триста рублей.

– Положение в самом деле очень хорошее, охотников найдется немало. Но как же вы думаете поступить: публикации в газетах сделать или через знакомых искать? Ведь без рекомендации брать с собою в дальнюю дорогу и настолько приблизить совсем чужое лицо довольно рискованно.

Рогову именно этого только и было нужно. Он скорчил удрученную физиономию и ответил тоном крайнего сожаления:

– Знакомых никого нет, и, конечно, придется публиковать!

– Но почему же вы в Петербурге Никого не подыскали? – совершенно естественно спросил спутник.

– Меня уверили, что в Варшаве легче найти, – без зазрения совести ответил Роман Егорович и прибавил: – А кроме того, я еще потому согласился, что поиски секретаря в Варшаве дадут мне возможность лучше познакомиться с городом; к тому же я навожу маленькую экономию на разнице дороги для моего секретаря от Петербурга до Варшавы и обратно.

– А зачем же вам в Испании, в Португалии и Италии нужен будет польский язык? – полюбопытствовал молодой человек.

– Мы будем там рыться в старых королевских архивах! – торжественно заявил Рогов.

– Ах, вот это интересно!

– Да, это чрезвычайно интересно! Я это дело очень люблю. Мне дан открытый лист, написанный на тридцати шести языках, чтобы мне с научною целью открывали все королевские архивы.

– Значит, ваша поездка продлится очень долго?

– Три года!

– Вот это интересно! По-моему, человеку, которому выпадет счастье ехать с вами, можно всерьез позавидовать.

– Да. Если он будет вполне полезен мне, то я могу выхлопотать ему через три года из Академии наук классный чин. Это у нас полагается. Я уже своих секретарей вывел в коллежские регистраторы. Один из них был хивинец, другой – чуваш, а третий – мордвин. Они мне все оказали огромную пользу. Я в Лондоне разыскал пачку писем на мордовском языке к королю Англии. Они теперь хранятся в нашей Публичной библиотеке. Мне за них германские ученые предлагали два миллиона марок, но я не взял. Думаю, черт с ними! Интересы моего отечества мне дороже. Но что же это вы к бутылке не прикладываетесь, а я все пью да пью? Мне, знаете, доктора велели иногда развлечь мозг от серьезных занятий хорошей выпивкой.

– Что ж, не беда. А я вот над чем призадумался. Есть у меня в Варшаве один молодой приятель, недавно окончивший курс университета, – отозвался попутчик. – Только не удалось ему ни к какому делу пристроиться. Человек же он вполне приличный, да вот бедность одолела, и занимается он пока чем попало. Его бы я мог вам смело рекомендовать.

– Вот и отлично! – весело воскликнул Рогов, который только этого и добивался.

Значительно позже, когда поезд приближался уже к Варшаве, новый знакомый Рогова, удалившийся было для некоторого отдыха в свое отделение, вернулся к нему с вопросом:

– Вы где же, собственно, думаете остановиться? Я рекомендовал бы вам «Европейскую гостиницу».

– Так и сделаю, – согласился Роман Егорович и тут же прибавил: – Не можете ли вы прислать мне завтра к двенадцати часам вашего молодого человека, но не в номера, а в ресторан, где я в это время буду завтракать? Мы переговорим и, надеюсь, сойдемся.

– Я буду очень рад за него. Во всяком случае, он – честный молодой человек, и я уверен, что он вам пригодится. Только нет ли у вас визитной карточки? Кого ему там спросить?

– Пусть спросит при входе в ресторан «Европейской гостиницы» швейцара, чтобы его провели к профессору Койкину. Там уже будут предупреждены.

– Благодарю вас. А вам позвольте вручить мою карточку... Мой знакомый завтра ровно к двенадцати часам явится с такой же.

Рогов прочитал: «Константин Константинович Адриянов. Контора экспедиции и транспортирования товаров и клади» – и бережно положил карточку в бумажник, подумав: «Эта штучка мне пригодится!»

Перед выходом из вагона Адриянов очень любезно простился с ним, а с подъезда вокзала Рогов видел, как он покатил в хорошенькой, видимо собственной, каретке, запряженной англазированной одиночкой, с ярко светящимися электрическими фонарями у козел.

«Почем знать? – подумал Роман Егорович. – Не годишься ли ты мне сам еще, голубчик? Гора с горой не сходятся, а всякий человек по натуре своей бродяга. Может, и столкнемся еще когда».

Однако его несколько беспокоила одна немаловажная вещь. Он отлично знал, что остановиться в гостинице, не имея никакого письменного вида, являлось вполне невозможным, а его паспорт остался в том бумажнике, который лежал в кармане пиджака, брошенного в шлюпке. Да и прописываться под своим настоящим именем он, конечно, теперь не стал бы, коль скоро назвал себя Койкиным и выдумал, будто он профессор.

Ему необходимо было куда-нибудь деться со своим чемоданом и дорожным пледом. Он счел за лучшее потребовать себе первоклассную парную извозчицью пролетку и скомандовал:

– На Венский вокзал!

– Проще пане! – очень обрадовался дорошкаж¹ и лихо помчал седока по предместью Прага, потом через железный мост резиденции генерал-губернатора, затем по Краковскому предместью, а далее по Маршалковской улице к месту назначения. Приказав извозчику ждать, Рогов проворно выскочил из коляски на первую ступень подъезда Венского вокзала и сказал носильщику:

– Я хочу оставить эти вещи здесь до востребования. Можешь ты мне это устроить?

– Слушаю-с... сию минуту! – услужливо согласился артельщик.

Пока устраивалось несложное и простое дело, Рогов успел справиться на вокзале об увеселительных учреждениях города и затем помчался в той же коляске в какой-то сад, где давалась оперетка. Там он свел знакомство с дамой и устроился таким образом, что для ночлега ему не пришлось обращаться в гостиницу.

¹ Извозчик. – Прим. авт.

На следующее утро, еще в половине двенадцатого, он уже был в «Европейской гостинице».

– Кто здесь старший швейцар? – повелительно спросил он, входя в подъезд.

Один из слуг, приподняв фуражку с золотым галуном, спросил:

– Проше пана?

– Вот тебе целковый на чай. Когда придет один молодой человек из экспедиционной конторы Адриянова и спросит профессора Койкина из Петербурга, то, пожалуйста, проводи его ко мне в ресторан, я там буду завтракать.

Рогов и при входе в общий зал повторил слугам то же приказание. Затем он распорядился завтраком, но довольно скромным. Он испытывал некоторое волнение, так как задуманный им план был чересчур смел.

Но молодой человек от Адриянова не заставил себя ждать: еще не пробило и двенадцати, как его привел в зал швейцар и почтительно указал ему на редкого профессора, оплачивающего пустые услуги целым рублем.

– А! Вы ко мне? – радостно обратился к пришедшему Рогов.

– Да, господин профессор, я по рекомендации Константина Константиновича.

– Очень рад познакомиться! – протянул Рогов ему руку. – Не хотите ли рюмку водки?

– Я не пью; благодарю вас, – в некотором удивлении и замешательстве поспешил ответить молодой человек.

– А я думал, что мы с вами позавтракаем?

– Очень благодарен вам, но я обедаю в два часа с моею матерью.

– В таком случае мы приступим прямо к делу. Скажите, пожалуйста, вам передавал Константин Константинович, в чем суть и все подробности?

– Как же, передавал.

– И вы согласны?

– Я был бы очень счастлив.

– Да, конечно, – подхватил Рогов. – Такое предложение, как мое, является раз в пятьдесят лет. Ведь Академия наук постановила один только раз в пятьдесят лет командировать русского ученого за границу для ознакомления с королевскими архивами. Да, батенька мой, мы с вами там пороемся и таких штучек найдем, что просто разлюли-малина!

Молодому человеку с университетским образованием показалось несколько странным, что ученый муж выражается так вульгарно. Однако, объяснив себе это чудачеством, применяемым, может быть, даже с целью сразу упростить отношения, он старался не придавать этому значения.

Между тем Рогов повторил ему все условия и в заключение спросил:

– А с заграничным паспортом у вас никаких затруднений не встретится?

– Нет, господин профессор; да и почему же?

– Очень хорошо-с, – одобрил Роман Егорович и предложил: – В таком случае потрудитесь завтра пожаловать ко мне сюда же, но уже с паспортом в кармане. Я ставлю непременно условием, чтобы вы завтра откушали здесь со мною. А пока позвольте вручить вам на неизбежные расходы двадцать пять рублей.

Молодой человек откланялся, пообещав принять все меры, чтобы не заставить себя ждать.

– Кланяйтесь, пожалуйста, от меня милейшему Константину Константиновичу! – крикнул ему вслед Роман Егорович.

– Благодарю вас, господин профессор; непременно передам.

«Приятный идиот! – подумал Рогов. – Ну, да, положим, проникнуть в мою гениальную хитрость – это разве Лекоком надо быть! Интересно, однако же, знать, как я проведу время?»

Поехать разве достопримечательности осматривать? Но одному не особенно весело. Надо прихватить мою новую знакомую».

– Эй, человек, пойдй сюда! – позвал он лакея. – Подай счет мне да распорядись сейчас же, чтобы мне к ресторанному подъезду подали самую лучшую извозчицью коляску!

Через несколько минут он мчался туда же, откуда приехал.

На следующий день Рогов волновался значительно больше. Но и на этот раз ему не пришлось ждать долее назначенного времени. Еще не пробило и часа, как явился рекомендованный ему Адрияновым секретарь.

– Сегодня я надеялся быть первым, господин профессор, – сказал молодой человек.

– Я сам только что пришел, коллега! – радостно воскликнул Роман Егорович, хотя и соврал, потому что ждал здесь более получаса, именно опасаясь прийти вторым: тогда выяснилось бы, что он в гостинице не живет, а это могло бы навести на подозрение. – Садитесь, пожалуйста! Все ли у вас в порядке? Получили ли вы паспорт?

– Получил, господин профессор.

– Позвольте полюбопытствовать? Молодой человек подал паспорт.

Рогов раскрыл темно-зеленую книжечку, прочитал вслух:

– «Кандидат прав Аркадий Николаевич Барташев», – и сказал: – Теперь, Аркадий Николаевич, нам остается определить наши окончательные условия. Письменных договоров нам нет никакой надобности совершать, так как оба мы – порядочные люди и обманывать друг друга, конечно, не станем. Я выдам вам сейчас двести семьдесят пять рублей на ваши предварительные расходы. Может быть, вы пожелаете что-нибудь оставить вашей мамаше? Кроме того, вам, конечно, захочется проститься с кем-нибудь в Варшаве? Трудно предположить, чтобы у молодого человека с вашей наружностью не было другой привязанности, кроме сыновьей любви к матери? Даю вам сроку двое суток, сам же я в течение этих двух дней займусь изучением одного важного вопроса. Итак, мы едем с вами послезавтра вечером на Берлин. Я изменил свой первоначальный маршрут и уже телеграфировал об этом в Академию наук, где мои коллеги очень заинтересованы каждым моим шагом. Эти два дня вы совершенно свободны. Мы даже видеться с вами не будем, так как я углублюсь в свою специальность. Прошу вас только быть аккуратным и явиться послезавтра к отходу поезда прямо на вокзал, с багажом, так как мною уже заказано на этот вечер отделение для нас обоих. Вот ваши деньги, коллега; пересчитайте их, пожалуйста.

– Совершенно верно, господин профессор: двадцать пять рублей вы мне дали вчера и тут ровно двести семьдесят пять.

– Вы не будете на меня в претензии, любезнейший коллега, если я спрячу ваш паспорт к себе? – спросил Рогов и шутливо добавил: – Я делаю это не из сомнения, а только для порядка, в знак того, что все наши условия теперь могут считаться вполне заключенными.

– Помилуйте, господин профессор, это так понятно! – поспешил согласиться Барташев.

– Пожмем, стало быть, друг другу руку! – весело предложил Рогов. – А теперь давайте завтракать. Я распорядился следующим образом: нам подадут судачка по-польски, зразы тоже польские, так как у меня правило – в каждой стране питаться местными блюдами. Вы ничего против этого не имеете?

– Решительно, господин профессор. Я неразборчив в еде.

– А я, коллега, люблю покушать! – сознался Роман Егорович. – Я вообще беру от жизни все, что она может мне дать. В своей специальности я могу считаться всем профессорам профессор. Такая башка, как Мустафетов, и тот без меня обойтись не может.

– А это кто же – Мустафетов?

– О, это удивительная голова! Это наш президент.

– Я полагал, что президентом Академии наук состоит...

– Вы меня не так поняли, голубчик! Мустафетов – президент нашего отдела! Это такой коллега, что прелесть!

Рогову как попало словечко на язык, по его мнению подходящее к разыгрываемой роли, так он его и трепал беспощадно. Вспомнилось же оно ему из оперетки «Продавец птиц», где глухой и слепой экзаменаторы поминутно обращаются друг к другу со словом «коллега». Барташев же был малоопытен и приписывал странное обращение этого чудака желанию с его стороны держать себя сколь возможно проще и доступнее в свободное от занятий время.

Завтрак прошел довольно благополучно, если не считать десятка невозможных глупостей, сказанных Роговым и извиненных его секретарем все тем же желанием обратить их в шутку. Роман Егорович не стремился к тому, чтобы на этот раз засиживаться долго. Он даже неоднократно поторапливал слуг, так что Барташев понял его желание сократить по возможности время завтрака. Да молодому человеку и самому хотелось поскорее вернуться домой, чтобы объявить матери об окончании дела.

Обширные, заманчивые горизонты открылись перед молодым кандидатом права, которому до сих пор трудно давалась жизнь, несмотря на всю его готовность к безустанным честному труду. Сколько интереса в этой предстоящей поездке на три года за границу, да еще при каких блестящих условиях!

Когда он вернулся от профессора Койкина в свой скромный уголок, где его с нетерпением ожидала преждевременно состарившаяся мать, он со свойственным молодости чувством забыл все то, что эта женщина теперь пережила, и, восторженно ликуя, объявил:

– Мама, я уеду, ура!

Она должна была поздравить его, подавить в себе все страхи и опасения материнской любви, предчувствия ужасов долгого одиночества и могла только желать одного счастья сыну!

– Поздравляю тебя, дорогой мой! – проговорила она поблеклыми от чрезмерного волнения губами, но когда обняла его, сил уже больше не хватило, и она зарыдала, склонив голову сыну на плечо.

– Ну, вот видишь, мама, какая ты! О чем же теперь плакать? Тут радоваться надо.

– Я и то радуюсь, Аркадий, сынок мой ненаглядный! Это я от радости плачу.

Барташев бережно довел ее до кресла, обнял ее стан рукою, затем, когда она села, опустился тут же поблизости, рядом с нею, и продолжал:

– Я все отлично понимаю, мама! Конечно, тебе скучно оставаться здесь одной. Но ведь рассуди: мы теперь вдвоем бьемся и никак не можем свести концы с концами. Я у этого профессора буду получать на всем готовом целых сто рублей в месяц. Половину их я буду высылать тебе да еще, наверное, половину из своей половины откладывать стану. Можно всегда будет так устроить, чтобы ты приехала хоть на месяц туда, где мы дальше будем жить.

– Ах, Аркаша, если бы!

И планы их разрастались в заманчивые мечты, которым всем людям в каком бы то ни было положении столь отрадno предаваться, потому что только одни они послушны желаниям каждого.

Между тем тот негодяй, которому не было дела ни до чего в мире, кроме скотских наслаждений и спасения собственной шкуры, подло торжествовал и хохотал над доверчивостью побежденного.

В тот же вечер он выехал из Варшавы, но не в Берлин, а в Вену. Поезд, мчавший его по направлению к столице Австрии, подходил к границе ранним утром.

Рогов теперь уж ничего не опасался; его дела были в полнейшем порядке. На последней станции Российской империи, пока происходила ревизия паспортов, он прогуливался по вокзалу, заговаривая со всеми пассажирами, дурачась и балагурия. Когда раздался звонок, он вернулся в свой вагон и спокойно стал ждать, когда все произойдет по существующему порядку.

Вошел жандармский унтер-офицер. Рогов даже не дрогнул. Он и с ним подшутил, встретив его веселым возгласом:

– А, многожеланный избавитель! Только и дожидаемся!

– Фамилия ваша как? – вежливо, но официальным голосом спросил жандарм.

– Кандидат прав Аркадий Николаевич Барташев! – не моргнув глазом, нахально и во всеуслышание проговорил Рогов.

– Получите, пожалуйста, – вручил ему темно-зеленую книжечку унтер-офицер.

– Мерси боку! – сфиглярничал опять негодяй, пряча чужой паспорт, доставшийся ему обманом.

Немного погодя раздался последний звонок; поезд тронулся, и через несколько минут этот отъявленный преступник считал себя вполне спасенным от кары за все свои возмутительные проделки. Он до такой степени радовался, что дальнейшей дорогой потешал не только всех попутных пассажиров, но даже и поездную прислугу.

XVIII. В Вене

По мере приближения к столице Австрии бежавший вор постепенно приходил в себя от безумной радости предполагаемого им полного спасения и стал придумывать, как бы ему в Вене сразу получше устроиться. Среди попутчиков нашлись, разумеется, и такие, которым город был уже ранее известен. Советы посыпались со всех сторон. Но из всех перечисленных гостиниц в памяти Рогова удержалось только название «Гранд-отеля», и то потому, что, вероятно, трудно сыскать город, в котором не существовало бы гостиницы с этим распространенным именем.

Первый взгляд на город, даже вокзал, в котором приходилось опускаться в нижний этаж, чтобы очутиться на улице, – поразили Рогова.

Вену поистине можно назвать красавицей. Улица Пратера, ведущая от вокзала к Рингу, широка и оживленна. Сам же Ринг, сперва удивляющий громадой зданий казарм при въезде в него, становится далее все интереснее благодаря постройкам, внешний фасад которых достоин наименования дворцов.

Доехав в хорошей парной коляске до Коловрат-ринга и свернув на Оперн-ринг, Рогов очутился у главного входа огромного здания гостиницы «Гранд-отель». Тотчас же раздался удар колокола, и немедленно навстречу ему вышло с полдюжины служащих.

Рогов, знавший немецкий язык, пустился смело в объяснения и потребовал себе хорошее помещение из двух комнат, так как он привык жить прилично, стесняться не любит и намерен пробить в Вене довольно продолжительное время.

Через час по прибытии он уже вышел из отведенного ему помещения с целью поскорее почерпнуть новых наслаждений. Внизу его спросили, потребуется ли экипаж. Он ответил утвердительно и, сев в поданную коляску, приказал ехать в меняльную контору. Подсаживавший его помощник швейцара сказал кучеру какой-то адрес, и тот помчался.

В меняльной лавке, оказавшейся скорее банкирской конторой, Рогов был несколько удивлен. Не удовольствовавшись разменом остававшихся у него в наличности русских кредитных билетов, он предложил приобрести у него по приблизительному курсу один из тех многочисленных процентных билетов, которые он носил в клеенчатой упаковке на груди. Служащие конторы стали тихим шепотом переговариваться друг с другом, и наконец один из них, по виду заведующий, подошел к Рогову ближе и спросил его:

– Вы желаете продать эту процентную облигацию номинальной стоимости в пять тысяч рублей?

– Да, по приблизительному курсу.

– Вчерашний курс петербургской биржи девяносто девять за сто, но мы уплатить вам это не можем. Бумага вообще довольно прочная и крупным колебаниям не подвергается, тем не менее у нас всегда большие расходы при размене русских процентных бумаг. Купить мы можем только по девяносто семи, и вы нам заплатите еще полпроцента комиссии.

– Я согласен. Пишите счет, сколько это всего составит?

Но заведующий конторой не удовольствовался его согласием, заявив:

– Мы не имеем права совершать подобные сделки с неизвестными нам лицами. С кем имею честь?

– Зачем же это вам нужно? Мы в России покупаем и продаем ценные бумаги хоть на миллион, никогда не называя себя! – несколько растерялся Рогов.

– У нас правила другие, – спокойно ответил управляющий конторой, – мы должны беспрекословно подчиняться им, и если прикажете, мы можем доставить вам причитающуюся за этот банковский билет сумму в ту гостиницу, где вы остановились.

– Зачем же это? Я несколько не стесняюсь назвать себя. Я из Варшавы; Константин Константинович Адриянов. У меня с отцом известная на всю Европу экспедиционная контора. Впрочем, вот моя визитная карточка. Если же вам и после этого еще нужны какие-либо удостоверения, то потрудитесь протелефонировать в «Гранд-отель». Я там остановился. Мне только очень жаль, что я этого раньше не предвидел и не захватил с собою паспорта.

Он лгал без зазрения совести, вновь приобрев всю свою прежнюю наглость.

По знаку разговаривавшего с ним лица другой служащий удалился, и вскоре послышались сигналы телефонных звонков. А Рогов рассказывал:

– Мне, вероятно, придется совершить через ваше посредство еще немало подобных операций, если, конечно, вы впредь будете любезнее. Мы с отцом затеваем здесь в Вене одно огромное предприятие. Разменять придется, вероятно, довольно крупную сумму.

– Извините, пожалуйста, но первый шаг всегда во всем труден. Мы будем счастливы служить вам впредь, и, конечно, на большую сумму условия наши будут для вас выгоднее, – поспешил заявить управляющий конторой с целью удержать выгодного клиента.

Служащий вернулся от телефона и, проходя мимо к своей конторке, сказал только одно слово по-немецки:

– Да.

– Все в порядке! – радостно заявил тогда управляющий. – Сейчас мы приготовим расчетный лист, который попросим вас подписать, и кассир выдаст вам деньги.

По окончании этой процедуры Рогов еще спросил:

– Вам теперь, вероятно, моя карточка более не нужна?

– Если разрешите оставить ее у нас для памяти о столь приятном знакомстве? – любезно осклабился заведующий конторой.

Настаивать Рогов не считал возможным. К тому же у него была в бумажнике еще и другая карточка, принесенная ему рекомендованным секретарем от Адриянова. Он улыбнулся, поклонился и вышел.

Нахальная мысль записаться в гостинице именем молодого владельца экспедиционной конторы в Варшаве явилась Рогову ввиду полнейшей невозможности продолжать именовать себя и здесь Барташевым и еще того менее – своей настоящей фамилией. Он знал, что Барташев неминуемо поднимет шум, когда убедится в исчезновении профессора Койкина, и отголоски этого дойдут, пожалуй, до венской полиции. Помимо этого, Роман Егорович хорошо помнил, что Адриянов высказал ему свое твердое намерение не покидать Варшавы, по крайней мере до глубокой осени или до начала зимы, так как экспедиционное время было самое горячее.

Выйдя из меняльной лавки, Рогов увидел прямо перед собою магазин мужского платья, красовавшегося за зеркальными стеклами в двух этажах. Он сказал извозчику, чтобы тот ждал, и пошел экипироваться. Накупив себе всяких костюмов и отправив их в «Гранд-отель», он нашел более удобным приобрести все остальное по части туалета в следующие дни и предаться иным удовольствиям.

Многое слышивал о веселящихся венцах и о красавицах венках Рогов от тех знакомых, которые успели побывать здесь. Но, разумеется, он давно позабыл все названия, а потому должен был обратиться к извозчику с вопросом:

– Где в это время лучше всего накормят и где вообще собирается самая шикарная публика?

Извозчик залепетал что-то на отчаяннейшем венском диалекте, совершенно недоступном пониманию даже тех приезжих, которые отлично знают немецкий язык, а потому Рогов, ничего не добившись, считал за благо довериться ему.

Выбравшись из узких улиц старого города, коляска очутилась вновь на Ринге, и вскоре Рогов увидал в отдалении с левой стороны то огромное здание, у которого за несколько часов перед тем он высадился с поезда. После этого коляска поехала по красивому парку с широ-

кими каштановыми столиками, с раскинутыми палатками, с прилично одетыми услужливыми лакеями и с действительно нарядною публикой.

То был загородный ресторан Захера в главной аллее знаменитого венского Пратера.

Тут Рогов почувствовал себя совсем как дома. Будучи завсегдатаем петербургских учреждений такого сорта, он хорошо зазубрил наименования всяких французских блюд и составил такое мудреное меню, что лакеи сразу прониклись к нему чувством самого глубокого уважения. По части же вин он пожелал попробовать местные, остановив свое внимание главным образом на марке довольно возвышенной цены.

В ожидании своего заказа он разглядывал публику и, вдруг увидав знакомое лицо, стал посылать сидевшему в расстоянии трех столиков от него господину самые любезные улыбки и даже приветствия рукою. Оказалось, это был тот самый человек, который устроил для него покупку русской процентной бумаги. Однако на приветствия Рогова тот ответил лишь вежливым, но довольно сдержанным поклоном.

«Черт его знает! – подумал Роман Егорович. – Из осторожности он это, что ли, или из чрезмерного уважения ко мне не решается на большее сближение? А мне не мешало бы на первых порах показываться везде открыто в Вене с человеком, более или менее известным. Надо переманить его к моему столу».

Он снова замахал по направлению к тому же господину руками, приглашая его пересесть. Но тот позвал к себе одного из лакеев и что-то объяснил ему, после чего слуга подошел к Роману Егоровичу с почтительным докладом:

– Господин Блехкугель очень извиняется, но при всем своем желании разделить с вами компанию никак не может, ввиду того что ждет сюда одного своего хорошего знакомого, которого вы тоже будете очень рады видеть.

Рогов встревожился. В первую минуту он едва нашелся, чтобы ответить лакею: «Я сам сейчас подойду к нему и скажу ему, в чем дело». Но он уже предчувствовал некоторую неприятность и с целью предупредить ее заблаговременно в самом деле направился к господину Блехкугелю.

Тот из вежливости встал перед ним и сказал:

– После вас у меня в конторе был ваш постоянный венский корреспондент Эдуард Сакс.

Надо было обладать значительным запасом самой изворотливой находчивости, чтобы не покраснеть и самым обыкновенным голосом, как это сделал Рогов, спросить:

– И вы его ждете сюда?

– Да, он обещал приехать, если только его ничто не задержит. Мы здесь с ним часто обедаем: летом это лучшее место сбора тех венцев, которых необходимость приковывает к городу.

– Я буду очень рад видеть его, – сказал еще более развязно Рогов.

– Он, разумеется, тоже, – ответил Блехкугель и прибавил: – Он очень удивился, когда я сказал ему, что вы приехали в Вену с намерением пробыть здесь несколько дней. Он спросил меня, где вы остановились, и хотел проехать прямо к вам.

Рогову необходимо было поставить дело так, чтобы не возбудить никакого подозрения, а потому он сказал самым непринужденным тоном:

– Я буду очень рад познакомиться с господином Саксом, которого давно знаю, только заглазно.

– А как же он говорил мне...

– Он впал в ту же ошибку, в которую впадают очень многие, – продолжал лгать Рогов, – он предполагает, что я – Константин Адриянов, которого он уже знает. Между тем нас три Константина и все мы – родные братья. Я – старший из них. Я в первый раз еду по нашим делам в Европу; до сих пор я заведовал Востоком, то есть всей Сибирью и Туркестаном.

Блехкугель выразил на лице радостное и почтительное удивление этому рассказу и наконец избрал момент, чтобы вставить:

– Теперь я понимаю настоящую причину нашего спора! Извините, господин Адриянов, но мой приятель Сакс ввел меня в самое непостижимое удивление: он утверждал, будто вам не более двадцати пяти лет и вы – светлый блондин, тогда как я говорил ему, что вам около сорока и что, несмотря на короткую стрижку и совершенно гладко выбритое лицо, вас должно считать брюнетом. Теперь все объясняется, если мы говорим о двух разных братьях. Очень, очень приятно! – Блехкугель крепко пожал Рогову руку.

Тогда Роман Егорович воодушевленное прежнего стал приглашать его:

– Да пойдете же к моему столу, и, если господин Сакс придет, это даст нам повод выпить бутылочку-другую шампанского.

На этот раз Блехкугель, оказавшийся не управляющим, а владельцем конторы, в которой Рогов разменял билет, согласился. Переселившись на новое место, он сказал с некоторым сожалением:

– Должно быть, наш милый Сакс сегодня не придет. Но он, наверное, явится к вам в гостиницу завтра утром пораньше.

– Когда бы то ни было, всегда буду очень рад видеть его, – развязно воскликнул Рогов.

Однако эта радость предоставилась ему сейчас же; с другой стороны сада, к которой оба они сидели спиной, к ним подошел господин тоже средних лет; он остановился и уставил на Рогова удивленный, почти вызывающий взгляд.

Блехкугель обрадовался и, пожав ему руку, стал объяснять:

– Оказывается, что мы оба с вами правы: пред вами сидит господин Адриянов-старший, но не отец, а старший сын, много лет проведший на Дальнем Востоке и там заведовавший отделением своей экспедиционной фирмы.

– Ах, вот что! – с распускающейся на лице улыбкой сказал Сакс. – А я и не знал!.. Но как странно, что вас тоже зовут Константином!

– Садитесь, господин Сакс, – прервал его Рогов, – и для первого знакомства позвольте рассказать вам, как это случилось.

– Прелюбопытно в самом деле!

– Вот изволите ли видеть, – быстро сымпровизировал Рогов, у которого вообще было достаточно находчивости на всякое вранье. – Адрияновы существуют давно; наша фирма основана моим дедом.

– А я полагал – отцом? – вопросительно проговорил Сакс.

– Отец только расширил ее и завел сношения с Европой, – пояснил Рогов. – Дед же давно затеял дело транспортирования клади и экспедиции товара по Сибири. Когда я родился на свет, он потребовал, чтобы мне дано было при крещении его имя, говоря, что представитель фирмы Адрияновых был и будет Константином. Когда же родился мой второй брат и у отца явилось сознание необходимости поставить и его где-либо представителем нашего обширного дела, то он не мог ослушаться воли нашего деда и должен был также и ему дать имя Константина.

– Вы говорили, что у вас есть еще третий брат? – спросил Блехкугель.

– Ах, в самом деле? А я не знал! – вновь удивился господин Сакс. – Где же ваш третий брат?

– Он еще очень молод и сейчас учится в коммерческом училище в Петербурге, – нисколько не смущаясь, ответил Рогов, после чего прибавил: – Но, господа, теперь воздадим должное этому симпатичному учреждению, которое, кажется, порекомендовали мне недаром.

Обед начался.

Рогов вспомнил о том, что в последнее время ему уже вторично приходилось выдавать себя за постоянного жителя Сибири. На несколько минут его встревожила мысль: не дурное ли

это предзнаменование? Но он сейчас же отогнал от себя все печальное и стал так часто опоражнивать свой стакан, что и Блехкугель, и Сакс даже выразили некоторое восторженное удивление перед неутолимостью русской жажды. Однако это нисколько не помешало Роману Егоровичу сознавать необходимость некоторой осторожности с новыми знакомыми. Легко могло стать, что Сакс напишет в Варшаву или в Петербург о своей встрече с ним, и тогда забьют тревогу, изболчат его и спаают. А это требовалось предотвратить.

Между тем ему нисколько не хотелось сейчас же бежать, дальше. То, что он увидел в несколько часов в Вене, прельщало его, и он думал с досадою, до чего иной раз непредвиденная случайность может все испакостить. Но если мысли говорили одно, то уста высказывали другое, а именно:

– Судьба благоприятствует мне с первого же момента прибытия в очаровательную Вену. Мой брат в Варшаве, разумеется, указал мне на вас, господин Сакс. Если бы я не попал для размена денег в контору господина Блехкугеля, мне пришлось бы завтра разыскивать вас. А теперь я могу целым днем ранее сообщить вам некоторые наши очень важные планы.

– Я весь внимание, господин Адриянов, – сказал корреспондент транспортной конторы.

– Мой брат, – продолжал Роман Егорович, – покинул одновременно со мной Варшаву с целью объездить наши российские далекие окраины, я же взял на себя Европу. Но, пока я здесь займусь кое-чем в Вене, у меня есть к вам одно очень важное поручение, господин Сакс.

– Чем могу служить?

– Если вы состоите нашим корреспондентом, так вы должны знать, насколько мы заботимся о расширении нашего дела. Моя мысль – работать теперь вдвойне для самих себя. То есть я хочу приобретать товары из первых рук и сам их перепродавать, вместо того чтобы только перевозить их от одних к другому. Пока я в Вене буду завязывать сношения, я попрошу вас объехать те иностранные города, из которых мы в России вообще много черпаем. Обо всем вам придется докладывать мне сюда до сообщения вам моего нового адреса, так как ваши письма теперь не застанут моего брата в Варшаве.

Сакс, для которого подобное предложение являлось совсем неожиданным, поспешил справиться, насколько оно окажется выгодным. Когда же мнимый принципал заявил ему, что намеревается широко вознаградить его беспокойство и труды, – дело показалось заманчивым.

Ввиду общего согласия обед продолжался еще веселее, шампанское явилось как раз кстати для вспыскивания будущих успехов, и Рогов пил за здоровье своего отца и своих братьев.

По окончании обеда, превратившегося из-за разнuzданных и безграничных потребностей Рогова в целый пир, компания вышла из ресторанный сада в такое время, когда наступала пора направляться к какому-либо зрелищу. Таковыми был богат Пратер, и спутники Рогова порекомендовали ему какой-то кафешантан, изобилующий будто бы целым букетом каскадных звезд.

По прибытии туда Рогов хотел было сейчас же вновь потребовать шампанского, однако Блехкугель и Сакс предвидели для себя на следующий день работу и уклонились от новых возлияний. Воспользовавшись желанием Рогова познакомиться с той именно «звездой», которая пела на подмостках в минуту их появления, они удалились под предлогом не мешать ему, и Сакс дал слово явиться к нему в «Гранд-отель» на следующий день ровно к полудню, чтобы вместе составить маршрут его поездки.

Почувствовав себя совсем свободным и будучи очень доволен ловкостью, с которой он нашел средство обезопасить свое дальнейшее пребывание в Вене, беглый плут из России развернулся в увеселительном учреждении во всю ширь своей ненасытной натуры. Он подозвал лакея и спросил его:

– Как фамилия этой очаровательной певицы, которая так хорошо дирижирует ногами?

Действительно, понравившаяся «звездочка» канканировала на подмостках, выделявая в такт оркестру удивительно замысловатые па.

– Фрейлейн Мирцль! – ответил лакей и догадливо спросил: – Может быть, почтеннейший господин желает пригласить ее поужинать?

– Устрой мне это, – сказал ему Рогов на «ты», совсем забывая, где он, – и я дам тебе десять крон на чай.

Подобное вознаграждение для венского лакея было чрезвычайно щедро, и потому он плута, разбрасывавшего краденые деньги, моментально произвел в бароны и стал уверять, что целует руку господину барону и что господин барон останется доволен, потому что фрейлейн Мирцль очень веселая особа.

Так оно и оказалось.

Фрейлейн Мирцль в свою очередь тоже очень обрадовалась знакомству с таким богатым иностранцем, и между ними завязались столь дружеские отношения, что Рогов обещал приехать в этот же кафешантан и на следующий вечер.

Сакса он быстро выпроводил из Вены, снабдив его на первые путевые расходы тысячью гульденов, что составляет на русские деньги немного менее восьмисот рублей. Но разве Рогов смотрел на подобные траты, когда вопрос касался его свободы? Сакс еще раз подтвердил обязательство обо всем писать ему в Вену, после чего уехал, столь мало сомневаясь в чем-либо, что даже Блехкугелю сказал на его замечание относительно поразительной разнузданности Адриана:

– Подумайте только, вот человек двадцать лет странствовал по Сибири! Поневоле там одичать можно! Ведь там у них, кроме пьянства и кутежей, никаких развлечений не существует.

Это последнее мнение поддерживал и оправдывал Рогов, предаваясь с этого дня постоянным обильнейшим попойкам. За его столом в кафешантане Пратера пил кто хотел. Знакомства он сводил более чем легко. Правда, он сразу навел на себя подозрение полицейского агента, наблюдению которого было вверено это увеселительное заведение. Однако и этому блюстителю порядка пришлось вскоре примириться с мыслью об одичалости этого небывалого мота. По наведенным справкам оказалось, во-первых, что он знаком с Блехкугелем, содержателем известной меняльной конторы на Грабене, и что некий Сакс, известный по солидным торговым делам комиссионер, называл его своим «принципалом», приходя к нему в «Гранд-отель», и командирован им теперь куда-то по делам.

Рогов, увлекавшийся все более фрейлейн Мирцль, был весьма огорчен интригами против нее на сцене кафешантана и решил какой бы то ни было ценой выдвинуть ее на первый план. Это удалось ему, хотя и не совсем в том смысле, как он предполагал. Впрочем, главную роль и тут сыграла случайность. Приближался роковой час для этого человека, вообразившего себе, что дальше так все и пройдет для него безнаказанно.

У артисток увеселительных заведений, подобных тому, где выступала Мирцль, бывают тоже свои бенефисы. Фрейлейн Мирцль пожелала воспользоваться этим днем, чтобы затмить всех своих товарок. По крайней мере, так объяснила она все Рогову. Он обещал ей свое содействие и придумал следующее.

Он попросил одного ювелира, у которого уже несколько раз покупал разные вещички и для себя, и для фрейлейн Мирцль, дать ему напрокат, на один только вечер, как можно больше вещей, бросающихся в глаза. По выбору его их набралось на тридцать тысяч гульденов. Ювелир должен был лично сопровождать Рогова в кафешантан и там провести с ним за обильным ужином весь вечер, а вещи должны были быть поднесены бенефициантке якобы в дар, но возвращены ювелиру при разезде, причем ему за этот прокат будет уплачена тысяча гульденов. Заработок показался выгодным, к тому же риска никакого не представлялось, и ювелир согла-

сился с тем условием, чтобы фрейлейн Мирцль сама засвидетельствовала ему или хоть подтвердила свое согласие поступить именно так, как ему было обрисовано.

Разумеется, поднесение бриллиантовых диадем, колье и всяких других драгоценностей каскадной певице, отличавшейся более жестикуляцией ног, нежели музыкальностью, произвело в кафешантане такой фурор, что не только весь артистический персонал, но и вся публика, и даже полицейский агент тарасили испуганно глаза. Рукоплескания оглашали зал, и бенефициантку вызывали великое множество раз. По исполнении своих номеров в первом отделении она сошла в зал и присоединилась к Рогову и ювелиру, вся сияя от нагроможденных на нее украшений его производства. Собственно, ужин был назначен позже, к концу вечера, а пока только так себе, попивали шампанское.

Но после второго выхода Мирцль ее стали ждать нетерпеливо, и время переодевания казалось Рогову особенно продолжительным. Ювелир успокаивал его, высказывая предположение, что бенефициантка принимает в своей уборной поздравления других артистов. Когда же, однако, прошел целый час, Рогов поручил лакею напомнить предмету его поклонения, что ужин ждет. Тот вернулся не один, а в сопровождении еще какого-то служащего, и они заявили, перебивая друг друга:

– Фрейлейн Мирцль давно уехала и сказала всем, что так у нее с вами было условлено.

Вышел страшный переполох, быстро перешедший в скандал. Побледневший от ужаса ювелир не отпускал Рогова, стремившегося в погоню за беглянкой. Теперь для посторонних свидетелей выяснилось, что драгоценности были взяты напрокат. Рогов в свою очередь кричал, что его обманули и обокрали. Ювелир, задыхаясь, весь трясясь от гнева и ударяя себя кулаком в грудь, надрывался сильным голосом:

– Нет, это я обманут, я обокраден! Но вы от меня не уйдете!

Сцена разыгрывалась столь шумно, что вмешалась полиция. Удостоверившись в действительности заявления «артистки» Мирцль, будто она поехала туда, где встретиться было условлено между нею и Роговым, представитель полиции предложил последнему, называя его господином Адрияновым, упростить весь вопрос указанием, где она ждет его? Рогов сделать это не мог, а горячностью и клятвами, конечно, ничего не разъяснил. Тогда приглашенный комиссар привлек главных участников для составления протокола.

Тут для Рогова наступил трагический момент. Он предполагал отделаться на одних словах, но так как это ни к чему не вело, то он решил пустить в оборот варшавскую визитную карточку Константина Константиновича Адриянова, оставшуюся у него в запасе. Когда он доставал ее из особого хранилища в бумажнике, полицейский комиссар сказал ему:

– Нет, я вас уж попрошу дать мне и ваш паспорт... вот эту самую зеленую книжечку, которая находится в том же отделении вашего бумажника. Почему же вы не желаете? Странное сопротивление для человека, у которого ничего нет дурного на совести.

Вмешался ювелир с просьбой заарестовать бумажник, чтобы хоть отчасти пополнить сумму стоимости бриллиантов.

– Не дам! – крикнул в каком-то растерянном отчаянии Рогов.

Но по знаку комиссара двое полицейских схватили его за руки, и бумажник был отнят.

Там оказалось несколько тысяч австрийских крон, так как Рогов в свое трехнедельное пребывание в Вене уже не раз менял крупные процентные билеты на наличные деньги.

Затем полицейский комиссар медленно и спокойно раскрыл зеленую паспортную книжечку и вслух прочитал сделанную на ней и по-немецки надпись: «Кандидат прав Варшавского университета Аркадий Барташев». Тогда он взглянул на Рогова и не то радостно, не то удивленно проговорил:

– Хе-хе-хе... вот вы кто такой! А нам уже в третий раз сообщают циркулярно об одном господине, выдававшем себя в Варшаве за профессора Койкина и обманым образом выма-

нившем у некоего Барташева заграничный паспорт. Общайте-ка мне хорошенько этого субъекта! – обратился он затем к своим подчиненным.

Рогов опять вздумал сопротивляться. Он сперва попробовал застрашать комиссара и нахально заявил:

– Вы играете опасную игру! Я здесь известен, и обо мне можно спросить такую богатую фирму, как «Блехкугель»! Вы не умеете отличать богатого человека от мошенника! На мне сейчас русских процентных бумаг вчетверо более, нежели следует этому ювелиру. Обманут ведь я, а не он, так как я ему заплачу.

– Делайте что приказано! – строго крикнул комиссар обоим полицейским сержантам.

– Я протестую! – еще раз крикнул Рогов, но это ни к чему не повело.

– Советую вам не сопротивляться, а то вам наложат на руки машинки, ощущение от которых не совсем приятное, – спокойно посоветовал ему комиссар.

– Но что же я сделал? – простонал Рогов, поняв наконец все свое бессилие. – Меня же обокрали и со мной так поступают! Ну уж и порядки!

Все процентные бумаги, нашедшиеся при нем, были зарегистрированы и опечатаны. Ювелир стал дышать полегче: он надеялся быть вознагражденным за убытки независимо от того, каковы бы ни были последствия этого случайного ареста.

Комиссар объявил пойманному:

– Вас сейчас же отправят в центральную полицейскую тюрьму. Я могу дать вам еще только один добрый совет: укажите нам, куда бежала с бриллиантами ваша сообщница Мирцль. До тех пор мы займемся справками о личности профессора Койкина, мошенническим образом выманившего паспорт у совсем чужого лица, чтобы переехать российскую границу.

В центральной полицейской тюрьме Рогова поместили в отдельной камере, где ему было предоставлено на досуге раздумывать о превратностях судьбы.

Он очень хвалил себя за то, что не поддался у комиссара малодушию, и под утро решил, что нет никакой возможности ни венской, ни варшавской, ни петербургской полиции проведать, кто такой профессор Койкин и откуда он взялся. Стало быть, никто не докажет, что он – Рогов, а еще того менее, что он совершил выемку полумилльона рублей из банка «Валюта». Ободрив себя этой надеждой, он даже поспал довольно крепко и был крайне удивлен, когда тюремный сторож разбудил его и повел к допросу.

В пустой камере арестантского дома сидели за столом два господина: один пожилой, горбоносый, напоминавший старого орла, другой много помоложе, смахивавший на еврея конторского пошиба. Пожилой внимательно оглядел вошедшего арестанта и потом спросил его:

– Кто вы такой?

– А я хочу спросить вас: по какому праву держат меня здесь? – негодуя воскликнул Рогов.

– Таким тоном вы решительно ничего не добьетесь, – сказал старик, оказавшийся директором сыскной полиции в Вене. – Во всяком случае, кто бы вы ни были, вы не то лицо, за которое себя выдаете. По приезде в Вену вы записались в гостинице Константином Адрияновым, так вы себя именовали в течение более трех недель, а носите при себе паспорт Аркадия Барташева. Нам хорошо известно происхождение этой паспортной книжки. Варшавская полиция дала нам самые точные сведения о кратком пребывании в Варшаве загадочного лица, именовавшего себя профессором Койкиным, но нигде там не прописывавшегося.

– Я – русский эмигрант и не обязан никому в отчете! Я в состоянии заплатить ювелиру и поеду в такую страну, где эмигранты могут жить беспрепятственно.

– Зачем же вам так расхотаться и платить за обманувшую вас женщину? – насмешливо спросил начальник сыскного отделения. – Теперь несомненно констатировано, что Мирцль вас обманула: она бежала с силачом, подвизавшимся на подмостках того же кафешантана и оставившим на память о себе дирекции сада свое трико и свои гири.

– Ах, каналья! – воскликнул очень искренне Рогов.

– Не беспокойтесь, – сказал директор, – их разыщут. Мы не теряем также надежды определить и вашу личность. Вам лучше ради сокращения томительного пребывания в заключении облегчить нашу задачу.

– Я ничего не могу сказать вам, кроме того, что уже известно, – ответил Рогов. – Я действительно профессор Койкин и, чтобы эмигрировать из России, воспользовался паспортом Барташева. Но никаких преступлений я не совершал, и рано или поздно вы должны освободить меня.

Однако директор сыскной полиции, конечно, не проникся его доводами.

Рогова уже хотели отвести обратно в одиночную камеру, но он как бы вдруг спохватился:

– У меня отобрали решительно все, что было при мне. Не существует никаких оснований, а еще того менее доказательств, предполагать, что найденные при мне капиталы чужие. Я должен подчиниться силе, но вы не можете морить меня голодом. Я прошу выдавать мне достаточно денег на мои личные нужды.

– Откройте нам свое инкогнито, докажите нам неопровержимо принадлежность вам этих сумм, – ответил директор полиции, – до той же поры я не разрешу вам выдачи ни одного крейцера².

– Что же мне, умирать с голода, что ли, прикажете?

– Вы будете получать арестантскую порцию, – решил начальник.

Рогов выругался по-русски, что, конечно, нисколько не помогло.

Часа через два после допроса его повели гулять в маленький дворик. Эта одиночная прогулка продолжалась не более десяти минут. Рогов не знал главной ее цели, а между тем с него в это время было снято несколько фотографий.

Дело закипело быстро в опытных руках тех лиц, которые посвятили свою деятельность охранению общества от подобных плутов. От настоящего Константина Константиновича Адриянова узнали в точности число, когда со скорым поездом ехал с ним из Петербурга до Варшавы неизвестный человек, именовавший себя профессором Койкиным. Всякие сведения о нем во всей своей полноте были отправлены в Петербург, дабы там навели нужные справки.

Между тем Рогов недолго оставался в одиночестве. Его перевели в другую – более обширную – камеру с двумя кроватями, где помещался какой-то довольно приличный человек. Сейчас же завязалось знакомство, и арестованный начал с того, что признался, за что он содержится. Но Рогов не поддавался этому благому примеру. Он радовался товариществу, тем более что сидевшему с ним субъекту разрешалось покупать все съедобное на собственный счет и он охотно делился, однако, будучи уже ранее знаком с тюремной жизнью, Рогов предпочитал болтать о совсем посторонних предметах и на все вопросы заключенного отвечал, что он – эмигрант и что подозрение на него навело одно обстоятельство, никакого значения не имеющее. Это упорство повело к тому, что через три дня он снова очутился в одиночестве и на арестантских скудных харчах.

Тогда Роман Егорович стал бесноваться. Однако никакие его заявления ни к чему не вели и на все его просьбы ему отвечали:

– О вас идет переписка. Докажите так, чтобы не было сомнения, кто вы, и вас скоро отпустят. По телеграфу из Петербурга директору нашей сыскной полиции сообщено, что ниоткуда никакой профессор Койкин не эмигрировал.

– Это они нарочно телеграфируют; а я вам говорю, что моя настоящая фамилия – Койкин. Чего вы еще от меня хотите?

– У нас в Австрии тоже строгие законы относительно русских эмигрантов, – ответило ему тюремное начальство. – Мы связаны конвенцией и убежища у себя не можем давать.

² Меньше полукопейки. – Прим. авт.

– Так отпустите или довезите меня до любой границы, и я уеду в Швейцарию или Англию, – предложил Рогов.

Но его не отпустили.

Так прошло несколько недель. Роман Егорович совсем оброс бородою и волосами, значительно похудел и только утешал себя тем, что все-таки в его тайну никому не проникнуть.

Однажды его потребовали к допросу, и дорогою в коридоре служитель сказал ему, что, кажется, его делу конец.

Рогов воспрянул было духом, вообразив себя спасенным, но не тут-то было. Директор сыскальной полиции сидел на этот раз с двумя какими-то личностями, из коих один обратился к Рогову с заявлением на русском языке:

– Вы не то лицо, за которое себя выдаете. Вас зовут Романом Егоровичем Роговым, и вы взяли из банка «Валюта» в Петербурге по подложным документам чужой вклад на полмиллиона рублей.

– Это надо доказать!

– Все доказательства уже собраны, – ответил тот же господин. – Судебный следователь уже давно заподозрил ваше ложное самоубийство. В Швейцарии арестовали Смирнина, а в Петербурге – Мустафетова. Оба они вас выдали.

– Подлецы!

– Снятые здесь, в тюрьме, во время ваших прогулок фотографии были своевременно пересланы к нам, и по последней из них вы были узнаны целым рядом свидетелей. Я командирован петербургским сыскным отделением сюда, чтобы окончательно обличить вас. Вы будете выданы русским властям.

Рогов поник головою; протестовать оказывалось невозможным. Его отвели обратно в камеру впредь до отправления домой.

Дело оказалось простое.

Лодочник, отпустивший Рогова одного в шлюпке, соскучился ждать и обратился к кому-то на пристани с вопросом, для кого предназначается данное ему письмо. Надпись на конверте, гласившая «госпоже Полиции», возбудила чрезвычайное удивление. Сперва подумали: не шутка ли это? Предположение простой шалости имело тем больше оснований, что Рогов, как оказалось, вышел навеселе из знаменитого ресторанным сада. Публики прибывало все больше. Каждый расспрашивал яличника и давал свой совет. Кем-то решено было все-таки за лучшее отправить лодочника с письмом в ближайший участок.

Там прочитали следующее заявление:

«Я покончил самоубийством вследствие полного пресыщения жизнью. Прошу в моей смерти никого не винить, а всех тех, кого я в жизни обидел, прошу меня простить. Роман Егорович Рогов».

Шлюпку, брошенную беглецом, нашли рыбаки только на следующий день. В ней, как известно, находились одежда Рогова, несколько вещей и в кармане – бумажник с его паспортом.

Казалось бы, и делу конец. Но, когда привезли из Швейцарии Смирнина, который на первом же допросе все чистосердечно рассказал, судебный следователь сделал распоряжение о розыске и личном задержании Романа Рогова. На что полиция немедленно донесла ему о самоубийстве такового, утопившегося тогда-то, невдалеке от речного яхт-клуба.

Судебному следователю, разумеется, потребовалось лично проверить это. Был вызван яличник, а затем и служащие в том ресторане, где пировал Рогов перед отъездом на лодке. Сведения, добытые от всех этих свидетелей, привели судебного следователя к заключению, что самоубийство было только разыграно, никогда Роговым не совершалось и что он теперь скрывается где-нибудь под чужим именем.

Однажды к следователю явился помощник начальника сыскного отделения с рассказом о том, что венской полицией задержан русский, выдававший себя там за Адриянова, но перешедший границу с варшавским паспортом Барташева.

– Что же вы полагаете? – спросил, еще не догадываясь, следователь.

– Этот гусь, – стал разъяснять помощник начальника сыскной полиции, – выдавал себя в Варшаве за профессора Койкина. Оказалось, что профессор Койкин познакомился с Адрияновым в пути из Петербурга в Варшаву и этот переезд начался вечером того дня, когда Рогов разыграл комедию самоубийства.

– Соберите по этому делу самые подробные данные, – распорядился судебный следователь. – Сразу, разумеется, вполне уверенно утверждать ничего нельзя, но почему знать? Вы, может быть, попали на след.

Первые присланные из Вены фотографии не удовлетворили желаний и надежд полиции в Петербурге. На справки о профессоре Койкине ушло немало времени, в течение которого, впрочем, Рогов успел обрасти волосами.

Никакого профессора Койкина не нашлось, а все те Койкины, которые в действительности существовали, оказывались вполне честными и уважаемыми гражданами.

Венская полиция тоже не упускала ничего, могущего послужить в пользу разъяснения истины, и по распоряжению тамошнего директора, сразу догадавшегося, что задержанный у них русский прибегнул к возможному изменению своей физиономии, с него были сняты вторичные фотографии. Едва их получили в Петербурге, один из агентов сыскной полиции, под наблюдением которого находилась самая большая гостиница столицы, радостно воскликнул:

– Он!

– Да кто он-то? – спросили его товарищи по службе.

– Тот самый Рогов, который у нас в гостинице чудил, а потом утопился на Крестовском! Остальное известно.

XIX. По заслугам

Теперь необходимо перейти к участи несчастного Анатолия Сергеевича Лагорина, заключенного в предварительную тюрьму совершенно безвинно, по возмутительнейшей интриге Мустафетова.

Долго томился бы бедняга в ужасном одиночестве, если бы не следующее обстоятельство.

Причиной его тяжкого горя было увлечение Молотовой, девушкой, недостойной привязанности порядочного человека. Но как ни поддался ее кокетству Лагорин, он ни в чем бесчестном упрекнуть самого себя не мог. Да и на службе его все любили, и, несмотря на его молодость, к нему относились с уважением даже старшие чиновники, именно потому, что всегда и во всем он отличался правдивостью и честностью.

Родители Лагорина жили в большом и богатом имении близ Киева. Будучи единственным сыном, он, конечно, пользовался всею их любовью. Нет ничего мудреного в том, что он охотно исполнял их требование: писать им аккуратно два раза в неделю. Но затем получение писем от него вдруг прекратилось. Молчание Анатолия сильно встревожило стариков Лагориных. Тщетно прождав два срока обычного получения драгоценных сыновних писем, Лагорин-отец послал ему депешу такого содержания:

«Телеграфируй откровенно, что случилось. Продолжительное молчание сильно беспокоит.
Отец».

Но прошло двое суток самого мучительного бесплодного ожидания, и ответа не последовало. Тогда старик Лагорин сказал своей жене:

– Ну, душа моя, собирайся, едем!

Наскоро собрали им слуги кое-какие пожитки, старик забрал с собой все свои наличные деньги, и супруги поехали в Петербург.

Нетрудно представить себе их ужас, когда в меблированных комнатах, где проживал Анатолий, сии услышали потрясающую весть об его аресте.

Расположившись тут же в самом лучшем свободном номере, Сергей Иванович уговорил жену терпеливо ждать и сам поехал за более точными справками. Но не могла усидеть несчастная огорченная мать; она поехала в часовню Всех Скорбящих, где отслужила молебен и в горьких рыданиях молила коленопреклоненно о возвращении ей сына.

Ближайшее начальство Анатолия выразило его отцу свое крайнее недоумение по поводу всего случившегося. Главный начальник молодого Лагорина был человек в высшей степени честных правил, несколько строгий со своими подчиненными, но зато безусловно справедливый, и знал каждого из своих подчиненных очень хорошо. Он прямо высказал Сергею Ивановичу уверенность, что тут произошла какая-то ужасная и непонятная ему ошибка, так как молодой Лагорин, служивший уже три года под его зорким наблюдением, по его убеждению, не был способен совершить подлог ни при каких обстоятельствах.

Такое мнение в значительной степени ободрило Сергея Ивановича; он почувствовал на стороне сына значительную поддержку. Прямо из министерства он поехал в окружной суд, навел там справки и направился к тому молодому кандидату на судебные должности, который замещал следователя и вел дело его сына.

Следователь принял старика совершенно иначе, нежели начальство сына.

– Все отцы всегда уверены, – сказал он между прочим, – что их сыновья – образцы добродетели. Это понятно: никому не хочется быть отцом поддельвателя векселей.

Старик выпрямился, точно его ударили. Взор его заблестел, и он чуть не забылся, но, к счастью, тут же вспомнил, что следователь не мог знать Анатолия так хорошо, как он сам, и, сдержавшись, попробовал убедить его.

– Анатолий на прекрасной дороге, – сказал он. – Я сейчас от его прямого начальника, который тоже не верит в возможность совершения им преступления. Выслушайте меня! Анатолий у нас единственный сын. Мы с женою вполне обеспечены и даже не проживаем полностью своих доходов. Вы говорите, что Анатолий совершил подлог для получения трехсот рублей. Но где же смысл в этом, скажите ради Бога, когда ему стоило только прислать мне телеграмму с точным определением, что деньги «крайне нужны», и я немедленно перевел бы ему не только триста, а три тысячи рублей!

– Однако все говорит против вашего сына. Не могу же я не верить очевидности. Как раз вчера я призывал экспертов, и они признали сходство некоторых букв в подписи на векселе графа Козел-Горского с почерком вашего сына. Скажите, пожалуйста, чем вы это объясните?

– Не знаю, – сказал с отчаянием Сергей Иванович, – ничего не знаю и понять не могу! Дайте мне увидеть сына с глазу на глаз, дайте мне переговорить с ним так, как беседовать может только отец с сыном, и я уверен, что скорее всех доберусь до истины.

– Хорошо, свидание я вам разрешу, даже сейчас! – сказал следователь и тут же написал ордер в тюрьму, причем для ускорения дела обещал даже переговорить по телефону с начальником дома предварительного заключения, чтобы предупредить его о немедленном допуске Лагорина к свиданию с сыном. – Может быть, он откроется вам, – сказал он на прощание, видимо ни на минуту не поддаваясь сомнению в виновности обвиняемого.

Старик встал и, прямо смотря в глаза молодому представителю правосудия, сказал, с чувством глубокого достоинства:

– Если сын мой, паче всякого ожидания, окажется виновным, я первый приду к вам и скажу: «Карайте его по законам!» Но я верю в него.

Он поклонился и вышел.

Свидание с сыном было в высшей степени трогательно. Как только Анатолия привели в приемную и он увидал отца, он бросился к нему на грудь, склонил голову на плечо и зарыдал. У отца тоже на глаза навернулись слезы, но он ждал ответа на поставленный вопрос:

– Скажи мне всю правду!

Когда наконец Анатолию удалось прервать свои рыдания, он поднял взор на отца и с искренностью, свойственной незапятнанной чести, горячо заговорил:

– Клянусь тобою и горячо любимую мамой, что тут какая-то ужасная, для меня самого непостижимая, ошибка! Ведь я этого графа совершенно не знаю! Ну, могла ли мне прийти в голову мысль подписывать векселя его именем?!

Чутким родительским сердцем старик понимал несомненно одно: сын его говорил правду. Теперь вопрос для него был окончательно решен, и на земле не существовало тех преград, перед которыми он остановился бы для того, чтобы оправдать и обелить сына.

И они стали вместе обдумывать и обсуждать дело. Догадки сменялись догадками. Наконец Сергей Иванович спросил:

– Скажи мне: нет ли у тебя врагов? Может быть, существует человек, которому ты мешал, которому ты стоял поперек дороги? Может быть, у тебя есть завистник, соперник? Наконец, не замешана ли во всей этой истории женщина?

Тогда сын, печально вздохнув, поведал все до мельчайших подробностей своему доброму отцу. Рассказал он и о знакомстве с Ольгой Молотовой, и о своем увлечении ею, о том, что в свою очередь ее старался увлечь некий Назар Назарович Мустафетов, который...

– Который судился в Киеве за кражу бриллиантов, – перебил его отец, – но который ловко вывернулся, бросив тень на несчастную женщину и опорочив ее подозрениями.

– Он и есть! Я пробовал открыть Молотовой глаза и все рассказал ей о нем.

– Ну, понятно! – воскликнул отец. – Если она потребовала от этого негодяя объяснений, то он прибегнул к самому ужасному способу, чтобы отделаться от тебя навсегда. Пстой! Как зовут того ростовщика, который подал на тебя жалобу?

– Герасим Онуфриевич Онуфриев.

– Ну, голубчик, я уверен, что это только подставное лицо, – сказал Сергей Иванович. – А теперь прощай! Будь бодр духом и уверен, что я спасу тебя.

Сергей Иванович поехал домой, чтобы успокоить жену, и передал ей все во всех подробностях. Добрая старуха пролила обильные слезы и только в последующих горячих молитвах Господу Богу черпала силы для перенесения тяжкого испытания.

Между тем ее муж действительно не терял ни минуты и принялся энергично действовать. Он отправил гонца в адресный стол за справками: где проживают Герасим Онуфриевич Онуфриев и Назар Назарович Мустафетов, находившийся тогда на свободе. Потом он пригласил в свой номер хозяина меблированных комнат.

– Какого вы мнения о моем сыне? – спросил старик.

– Жалко молодого человека! – ответил тот. – И понять не могу... просто не верится даже. Еще студентом у нас он жил, а теперь вот уж скоро три года на службе состоит и все продолжал у нас квартировать. Такого другого жильца не найти. Благороден, обхождение имеет с последним служащим самое деликатное. Уплата за комнату всегда аккуратная. Просто ума не приложу.

– Хорошо, – ответил дрожащим от радости голосом отец. – Если бы понадобилось, согласились бы вы подтвердить под присягою?

– Всю правду всегда-с!

– Позвольте, – остановил его Сергей Иванович. – А если бы для спасения моего сына и для того, чтобы доказать его невиновность – клянусь вам истинным Богом, он ни в чем не повинен! – вам понадобилось несколько обеспокоить себя, согласились бы вы поехать... ну, к судебному следователю или даже к прокурору? За все расходы, за трату времени, конечно, я готов...

– За это денег не берут! – строго и наставительно прервал хозяин. – Я куда угодно, во всякое время, для правды готов, как долг велит.

– А найдется ли у вас в доме другое лицо, которое тоже согласилось бы в случае надобности постоять за моего сына? Только надо, чтобы это был человек понимающий.

– Конторщик у меня страшно об Анатолии Сергеевиче сокрушается. К тому же он сам человек с понятиями, аттестат зрелости имеет, да дальше пойти не мог за неимением средств: больную мать-старушку приходится ему содержать.

– Вот и прекрасно! Нельзя ли мне будет тоже и с ним переговорить?

– Сию минуточку пришлю.

Конторщик подтвердил обещанное хозяином, и Лагорин попросил его «быть наготове».

Вскоре вернулся посыльный со справками из адресного стола. Ему же Сергей Иванович дал новое поручение, причем особенно порекомендовал ему отвечать на все расспросы, что послан он прямо с улицы неизвестным господином. Дождавшись ответа в форме словесного согласия, старик целый день не мог успокоиться и неоднократно совещался с конторщиком и хозяином меблированных комнат.

Под вечер Сергей Иванович отправился в один захудалый ресторанчик, где предупредил в швейцарской, что если будут спрашивать Назара Назаровича Мустафетова, то пусть укажут на него. В ожидании он уселся за столик, а вскоре за ближайшим столиком рядом поместились хозяин меблированных комнат и конторщик, усевшиеся как ни в чем не бывало, будто не зная и не замечая его.

Прошло добрых полчаса, пока наконец не вошел знаменитый Гарпагон и, как лисица, поповшая в курятник, стал оглядываться по сторонам.

Анатолий хорошо описал его наружность отцу, так что Сергей Иванович сейчас же признал его. Быстро встал он к нему навстречу со словами:

– Герасим Онуфриевич, меня прислал к вам Назар Назарович Мустафетов. Прошу садиться. Потолкуем! – И так усадил его, чтобы старый негодяй приходился совсем близко к соседнему столику.

Не зная, что сказать, Гарпагон постарался отразить на лице улыбку и спросил Лагорина:

– Вероятно, опять дельце наклеивается? Хорошему господину служить всегда приятно.

– Дело щекотливое, – ответил Сергей Иванович сперва тихо, но затем повел речь достаточно громко, чтобы каждое слово было слышно за соседним столом: – Назар Назарович предлагает вам исправить одну свою великую ошибку. Как он ни умен, а теперь сознает, что дал маху.

– В чем это?

– Да насчет молодого Лагорина. Оказывается, его родители соглашаются дать за него большой выкуп.

Гарпагон покачал головой, после чего сказал:

– Поторопился, видно, Назар Назарович!

– То есть как поторопился?

Старый плут подозрительно посмотрел на собеседника, как будто сомневаясь: можно ли с ним говорить начистоту?

Но Сергей Иванович разгадал его мысли и поспешно сказал:

– Вы со мной не стесняйтесь, потому что Мустафетов именно меня-то и хочет послать в Киевскую губернию к родителям Лагорина, но поручил предварительно спросить вас, каким путем здесь можно поправить дело, то есть как выпустить молодого человека из тюрьмы и очистить от всякого подозрения? За эту штуку старики родители заплатят большие деньги.

Онуфриев снова покачал головой, и злобной укоризной были полны его глаза, когда он сказал:

– О чем же раньше думал Назар Назарович? Так дел не делают. Надо было сперва к родителям за выкупом сунуться, а он тогда об одном говорил: стереть его, мол, с лица земли! А теперь легкое ли дело! Когда человека и впрямь в ничто обратили, пойдика воскреси его! – Вслед за тем, подумав, он спросил: – А сколько с родителей-то взять удастся? Говорил вам Назар Назарович?

– Он сказывал, будто они уже на тридцать тысяч идут, – ответил Сергей Иванович.

– Вон оно как! – удивился Гарпагон и от волнения даже побледнел.

– Назар Назарович, – продолжал между тем старик Лагорин, – распределяет так: двадцать тысяч ему, и из них он меня наградит, а десять тысяч – вам. Он только просит вас найти подставное лицо.

Гарпагон все более злился. В приливе гнева он наконец не выдержал и, стукнув кулаком по столу, сказал:

– Шалишь, батенька! Довольно я на него работал за гроши. Разве мне известно, сколько сам он получил за то, чтобы упрятать в острог ни в чем не повинного мальчишку? Мне-то ведь за всю работу только триста рублей перепало. А теперь, когда потребовалось дело поправлять, которое сам он сгоряча напутал, он себе львиную долю взять хочет из выкупа, да я же еще ему подставных лиц разыскивай? Дудки!

Но тут Лагорин встал, выпрямился и, обращаясь к двум лицам, сидевшим за соседним столиком, громко и внятно спросил:

– Вы все слышали, господа?

– Слышали каждое слово, – ответили те в один голос, также встав со своих мест.

– Присягнуть могу! – в крайнем негодовании сказал хозяин комнат.

– Да, я видел, – заявил конторщик, – как этот самый человек приходил к вашему сыну однажды утром, незадолго до ареста, и тогда же подумал: «Что-то раньше не замечались такие знакомые у Анатолия Сергеевича».

Тогда Лагорин громко сказал:

– Прошу немедленно послать за полицией. Нами наконец пойман и уличен страшный злодей.

Герасим Онуфриевич задрожал как осиновый лист. Растерявшись от неожиданности, он еле был в силах проговорить:

– Это – ловушка! Это – западня!

– Для таких хищных зверей, как вы, волей-неволей приходится капканы ставить, – ответил ему содержатель меблированных комнат.

Негодяй стал нести всякую бессмыслицу; но напрасно пробовал он извернуться: его никто даже не слушал. Участники его поимки могли только радоваться несомненной теперь надежде спасти безвинно погибавшего молодого человека.

Полиция не заставила себя ждать. Перешли в отдельный кабинет для составления протокола.

Делу был дан надлежащий ход. Но не так-то скоро оно делалось, как сказка сказывается. Потребовалось исполнение массы предварительных формальностей, так как у исправляющего должность судебного следователя зародилось понятное подозрение о том, что Лагорин желает спасти своего сына какую бы то ни было ценою. Пошли всякие справки, вызовы свидетелей, одного только Мустафетова почему-то еще не допрашивали.

Времени прошло очень много. Старики Лагорины совсем измучились, как вдруг однажды Сергей Иванович прочитал в газетах об аресте на скачках этого отъявленного мошенника.

С газетным номером в руках вошел старик Лагорин в камеру молодого судебного следователя. На этот раз тот встретил его радостным возгласом:

– Вы чрезвычайно кстати. Я только что подписал постановление об освобождении вашего сына. Дело о нем прекращается. Вернее сказать, он будет фигурировать теперь на суде уже не в качестве обвиняемого, а как лицо пострадавшее.

Старик побледнел и пошатнулся.

– Вы убедились? – спросил он прерывающимся голосом и положил газету на стол.

Молодой юрист сделал отрицательное движение рукою и сказал:

– Нет, вы ошибаетесь, если полагаете, что арест этого мошенника играет какую-нибудь роль в полнейшем оправдании вашего сына. Согласитесь только с одним: я должен был отнестись с чрезвычайной осторожностью к вашим показаниям и представленным вами же двум свидетелям против Герасима Онуфриева. Моя обязанность была навести кое-какие справки, списаться с Киевом не только относительно вас, но и относительно Мустафетова. Я еще не имею права открывать вам некоторые подробности; сведения, добытые мною, относительно давнишней связи между Мустафетовым и Онуфриевым составляют тайну предварительного следствия и могут быть оглашены только на суде.

Но старик уже не слушал его. Он воспользовался паузой, чтобы скорее спросить:

– Мой сын, значит, свободен?

– Поезжайте скорее к нему, обнимите его и скажите, что я глубоко скорблю за то горе, которое он испытал. Но если он вникнет в ужасные подробности дела, то поймет, насколько все обстоятельства играли против него. Я прошу вас сказать ему еще, что я сочту за особую честь пожать его руку.

– Благодарю вас!

Описывать блаженные слезы стариков Лагориных и их сына нет надобности. Возвращение Анатолия Сергеевича в меблированный дом сопровождалось истинным триумфом: хозяин и конторщик бросились обнимать его, а слуги хватили на ходу его руки и целовали их.

Он сам пожелал выразить судебному следователю, насколько ему ясна истинная причина его заблуждения, и это свидание вышло чрезвычайно трогательным.

А на другое утро, когда Анатолий Сергеевич откланивался своему главному начальнику в департаменте, тот посмотрел на него добрым взором и сказал:

– Я сразу заявил вашему отцу, да так и написал в своем отзыве прокурору, что всегда считал вас за достойнейшего человека. Ваше несчастье заключается в неопытности. Молодые люди часто обжигают крылышки около особ, подобных вашей знакомой. В кругу этих женщин вам не место. Съездите в деревню, отдохните, подкрепите расшатанные нервы и возвращайтесь к нам служить по-прежнему. Мы все вам будем искренне рады.

Между тем старик Онуфриев, по требованию товарища прокурора, так и не был выпущен на свободу с момента задержания его в ресторане. Слишком опасно было бы предоставить ему возможность свидания с Мустафетовым: они сумели бы стовориться и запутать дело.

Когда же Мустафетова арестовали на скачках по указанию Маргариты Прелье, его допрашивали сперва только по делу банка «Валюта», и, как ни отрицал он свою виновность, следствие велось умелой и опытной рукой. Доставленному под усиленным конвоем из Вены Рогову было категорически заявлено, что отнекиваться теперь поздно, что ему выгоднее всего дать полное и чистосердечное показание, так как Смирнин во всем сознался и обличает его. Это повлияло на Рогова, и он сознался. Настойчиво отпирался лишь Мустафетов.

Все эти отъявленные мошенники содержались в доме предварительного заключения в секретных одиночных камерах.

По освобождении Лагорина дело его для дальнейшего выяснения всех деталей было передано судебному следователю по особо важным делам. Последний, ознакомившись с данными, доставленными ему молодым товарищем, быстро смекнул, в чем тут соль.

Ввиду того что все подлоги для выемки из банка «Валюта» полумиллионного вклада были совершены Роговым, да в довершение того было установлено, что этот Рогов являлся исполнителем всех замыслов Мустафетова, то было немало оснований предположить участие Романа Егоровича, по крайней мере, в фабрикации пресловутого векселя от имени графа Козел-Горского.

Зрело обсудив и взвесив все шансы, опытный криминалист вытребовал однажды к допросу Рогова и сказал ему:

– Чтобы ваше сознание было полным, чтобы и на душе у вас не оставалось никакого затаенного преступления, да, наконец, и с целью вызвать к вам снисхождение присяжных заседателей, я хочу дать вам один благой совет.

– Что же, господин следователь, теперь, когда у нас с вами секретов уже более нет, – добродушно ответил ему арестованный, – вы, может быть, и в самом деле меня добру научите!

– Научу. Вам следует рассказать чистосердечно всю историю с векселем Лагорина.

Рогов совершенно упустил из памяти это дело, а потому чрезвычайно удивился. Но его растерянное молчание только укрепило судебного следователя в первоначальной догадке.

– У меня есть неопровержимые доказательства того, что Мустафетов пожелал уничтожить во мнении близкой ему особы влюбленного в нее молодого человека, – продолжал он. – Он открылся, конечно, прежде всего вам, как своему лучшему другу, в том, что на пути у него стоял некий Лагорин.

– Врет он! Ничего не открылся!..

– Позвольте, Рогов, не перебивайте меня и выслушайте до конца! Вы составили подложный вексель от имени графа Козел-Горского на имя этого самого Лагорина и через посредство ростовщика Герасима Онуфриева засадили ни в чем не повинного человека в тюрьму.

– Это говорил Мустафетов?

– А если бы он сказал это, то чем могли бы вы опровергнуть его показания?

– Да я никакого Онуфриева не знаю! Мустафетов впутывает меня еще в новую кашу! – вырвалось у Рогова. – Сам он говорил мне, что Лагорин – сыщик и много нашего брата губит с целью отличиться, выдвинуться на поприще сыского дела. Ну, а уж сыщики для нас одна помеха.

– В таком случае вот что я предложу вам, Рогов, – сказал следователь. – Садитесь и пишите подробно, как происходило дело.

– Да мне-то что же? Не ожидал я только от Назарыча, чтобы он меня задарма во всякую дрянь пугал! – проговорил Рогов. – Мне бы поскорей на поселение, чем тут в одиночке сохнуть, а он только дело тормозит. Пусть не прогневается: я всю правду выложу!

– От вас только этого и требуют, – отозвался судебный следователь.

И действительно, Рогов расписал все до мельчайших подробностей. Впрочем, Мустафетов и без того был достаточно уличен, и требовались только сведения о происхождении самого документа.

Приближался час полной расплаты для всех этих людей, совершивших столько злодеяний. Для Назара Назаровича самое страшное наказание заключалось не только в том строгом заключении под стражей в одиночной камере; его ужасало еще кое-что другое, и он продолжал нагло бороться против всяких улик, твердо решившись не поддаваться малодушию и отрицать все до конца. Он сказал судебному следователю:

– Рогов может говорить все, что ему угодно. Точно так же и Герасим Онуфриев может вводить на меня какие пожелает клеветы. Я стою твердо на одном: все они знают, что я – богатый человек, и впутать меня в дело для них даже выгодно. А затем их цель ясна: они действуют из мести, именно за то, что я не соглашался участвовать во всех тех преступлениях, которые они мне предлагали. Я мог бы явиться очень опасным свидетелем против них.

– А скажите, пожалуйста, вам известно, где теперь находится Лагорин? – спросил следователь.

Мустафетов не растерялся, а, придав своему лицу выражение крайнего сострадания, ответил в подобающем тоне:

– Мне невыразимо жаль этого молодого человека! Вот еще одна жертва ваших судейских заблуждений!

– В таком случае могу сообщить вам приятную новость, которая, конечно, очень порадует вас: Лагорин освобожден из-под стражи, так как в деле о векселе графа Козел-Горского следственная власть окончательно признала его лицом пострадавшим, а не виновным.

Это известие сильно потрясло Мустафетова, но не только потому, что ему становилось теперь трудным отрицать свое участие в возмутительнейшем преступлении – клевете на ни в чем не повинного человека. Тут были и совсем иные причины.

Мустафетов сильно мучился чувством самой отчаянной ревности, опасаясь, как бы Ольга Николаевна, успевшая скрыть свои тридцать тысяч от обыска, не увлеклась кем-нибудь на свободе. До сего времени он был уверен, что если она не приезжала к нему в дни разрешенных свиданий в острог, то потому лишь, что всяким переговорам между ними мешали, разумеется, судебные власти. И он тешил себя надеждой на то, что она, вероятно, страдает за него и рвется к нему, чтобы утешить его и, наконец, главное, чтобы узнать, в каком положении его дело, – и вдруг все разом вновь изменялось!

Это повергло его в отчаяние. Его воображению стали представляться самые ужасные картины. Они терзали его особенно потому, что он был уверен в их возможности, страдания же его были тем жесточе, что он сознавал все бессилие свое отвратить несчастье.

В таком настроении Мустафетов вернулся с допроса в свою одиночную камеру, тщетно ища выхода из этого положения. Двое суток он не принимал никакой пищи, страшно осунулся, пожелтел, и в столь короткое время на его висках успело прибавиться немало седины.

Беспреданно представлялась ему одна картина: Ольга Николаевна в объятьях Лагорина! С бешенством и скрежеща зубами, ударял он кулаком по своей железной койке, воображая, что теперь Лагорин на свободе смеется и издевается над ним. И благодаря тридцати тысячам, столь глупо подаренным Ольге Николаевне им же, Мустафетовым, оба они теперь веселы и счастливы.

Но армянин ошибался. Он до мельчайших оттенков знал только изгибы души порочных, как он сам, людей, для него было совсем неведомо, как действуют и чувствуют люди честные.

Сам погрязший в пороке, увлекшись Ольгой потому только, что в ней трепетали все инстинкты зла, он выносил адскую пытку от картин, которые рисовало ему его развращенное до болезни воображение! В конце концов эти мысли стали для него настолько невыносимыми, что, предпочитая отдать все на свете в обмен за успокоение, он предался обдумыванию единственного, но зато и самого крайнего решения.

Оно было ужасно, в особенности для него самого, все еще воображавшего, что он может спастись. Этот негодяй был столь уверен в самом себе, в изворотливости и находчивости своего ума, в силе собственной воли, что серьезно полагал, будто против него не существовало никаких действительно веских улик.

Но Мустафетов совершенно упустил из виду своих собственных слуг. Эти люди, с которыми он всегда обращался надменно, деспотически бессердечно, не могли питать к нему никакой привязанности. И лакей, и служанка, давно допрошенные следователем, были поставлены лицом к лицу с Герасимом Онуфриевичем и с Роговым. Признав того и другого, оба они показали, что однажды, прибирая в столовой после завтрака, слышали, как их барин, едва удалился старик Онуфриев, стал у себя в кабинете уговаривать Романа Егоровича составить вексель от имени графа Козел-Горского, как тот сперва отнекивался, а потом согласился, когда Назар Назарович сказал ему, что Лагорин занимается доносами в сыскную полицию.

Подметив в этих обоих слугах удивительно много тонкой наблюдательности, судебный следователь широко воспользовался их показаниями, и благодаря им личность Мустафетова обрисовалась вполне ясно и даже ярко. Зато расспросы относительно Ольги Николаевны Молотовой ни к чему не могли привести. Ее эти люди выгораживали во всем. Несомненным оставалось, что Мустафетов никогда не раскрывал Молотовой своей настоящей игры. Стало быть, во мнении судебного следователя и она была обманута, а потому пребывала на свободе.

Итак, Мустафетов допускал для себя до последних дней возможность спасения. Но это продолжалось лишь до того ужасного момента, когда следователь вновь вызвал его и прочитал ему вслух показания его лакея и служанки.

Тогда злобное отчаяние, все разраставшееся в Мустафетове с тех пор, как ему было объявлено об освобождении Лагорина, разразилось в чувстве страшной мести. Молнией пронеслась в его воспаленном мозгу отчаянная мысль: «А, если на то пошло, так уж лучше пускай Ольга погибнет со мною вместе, нежели достанется ему!» И он громко обратился к следователю:

– Я желаю дать вам новое показание. Я понимаю, что бороться дальше мне нет ни смысла, ни расчета. Я во всем сознаюсь.

– Давно пора.

– Позвольте-с! – продолжал Мустафетов, снова побледнев. – Я, кстати, приношу вам сознание в одной новой подробности, которую до сих пор скрывал от вас, но которую вы все равно, рано или поздно, узнали бы. В нашем деле участвовали не трое, а четверо.

– Это действительно новость. Кто же четвертый?

– Ольга Николаевна Молотова. Я хотел спасти ее, но считаю это несправедливым по отношению к другим участникам дела, которые неминуемо понесут наказание.

– Какие же вы мне предоставите доказательства ее виновности?

– О, их множество! Первое и самое главное состоит в том, что Ольга Николаевна Молотова при обыске в моей квартире скрыла тридцать тысяч рублей, но вы, конечно, найдете их у нее: они составляют ее долю в нашем деле.

Мустафетов знал, что теперь Молотова будет немедленно же арестована. Он согласился всецело выдать себя, чтобы только впутать ее и отнять ее у Лагорина.

Увы! Он не знал, что Анатолий Сергеевич уже выехал в деревню с родителями и что если бы случай привел его встретить внезапно на улице виновницу своего несчастья, то он перешел бы на другую сторону, чуждаясь ее как зачумленной. Следовательно, Мустафетов впутал Молотову в дело совершенно бессмысленно с точки зрения своих интересов.

У Ольги Молотовой был произведен строжайший обыск, приведший к тому, что у нее действительно нашли тридцать тысяч рублей, зашитых в подушке. Ее заключили под стражу и привлекли к суду в качестве обвиняемой за сокрытие следов преступления.

Затем делу дан был ускоренный ход. Газеты заранее оповестили о дне гласного разбирательства, и заинтересованная публика ожидала с нетерпением окончания этого сенсационного процесса. Разумеется, все отобранное у шайки преступников было возвращено потерпевшей купчихе Евфросинии Псоевне Киприяновой, а недостающая сумма была возмещена ей банком «Валюта».

По заслугам было воздано всем в этой уголовной истории, наделавшей много шума ввиду беспримерной наглости главных ее участников.

Суд постановил: Мустафетова, Рогова и Смирнина, по лишении всех прав состояния, сослать в отдаленнейшие места Восточной Сибири на поселение. Что касается Ольги Николаевны Молотовой, то, принимая во внимание ее раскаяние на суде, выразившееся в целых потоках слез, ее клятвенные уверения, что Мустафетов ничего решительно не говорил ей о своих делах и что, напротив, он выдавал себя за очень богатого человека, присяжные заседатели признали ее невиновной. Привлечением ее к уголовной ответственности и содержанием около двух месяцев в доме предварительного заключения ей было дано достаточное наказание за более нежели легкомысленное отношение к жизни и за постоянное требование одних наслаждений.

Но что же случилось еще с одною, пожалуй даже наиболее мрачной, личностью этого ужасного и тем не менее правдивого повествования? Где Онуфриев? Почему не фигурировал и он на суде, когда зло, совершенное им, так и зывало к отмщению.

Над ним само Провидение произнесло свой суд. Без души, сожалеющей о нем, без единого слова утешения, без близких друзей или родных он долго и мучительно умирал в тюремной больнице. Порою его охватывало страшное безумие: он всюду искал пропавшие у него деньги и, не находя их, воображал, что ему мешают в этом кандалы, хотя их на нем не было, но он слышал железный лязг их, и это приводило его в отчаяние; он рвался и метался до того, что его скручивали в смирительную рубаху. Потом он постепенно затихал, но его глаза продолжали выражать ужас, и ничем не мог он согреться от лихорадки, бившей его, точно окаченного холодной водою. Так он томился еще долго, пока смерть не призвала его к другому, более страшному, нежели земному, суду.

Что касается Анатолия Лагорина, то в сердце этого молодого человека вряд ли скоро заживет рана, нанесенная ему злыми людьми. Тяжело сознание того, сколько горя принесло добрым старикам родителям его легкомысленное увлечение недостойной женщиной! Дорогою ценою досталось ему исцеление от подобных соблазнов! Но зато он понял, что только чистые радости в жизни могут быть истинны, что только чистая любовь – благо и лишь в честном труде черпается настоящая духовная сила.

1915